E8
282

6 59.
E8 282

НИКОЛАЙ РЕЙНКЕ

Оберъ-Прокуроръ Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

ОЧЕРКЪ
РУССКО-ПОЛЬСКАГО МЕЖДУОБЛАСТНОГО
ЧАСТНАГО ПРАВА.

Изъ „Журнала Министерства Юстиціи“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1909.

Е8 282

НИКОЛАЙ РЕЙНКЕ

Оберъ-Прокуроръ Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

ОЧЕРКЪ
РУССКО-ПОЛЬСКАГО МЕЖДУОБЛАСТНОГО
ЧАСТНАГО ПРАВА.

Изъ „Журнала Министерства Юстиціи"

НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА при Саратовскомъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1909.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
769515

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Понятіе Междуобластного частнаго права и источники русско-польскаго междуобластного частнаго права.

1. Понятіе и обоснованіе междуобластного частнаго права, какъ особой юридической дисциплины.—2. Отличительныя черты русско-польскаго междуобластного частнаго права отъ русско-прибалтійскаго.—3. О примѣненіи нормъ междуобластного частнаго права.—4. Источники русско-польскаго междуобластного частнаго права.—5. Законъ 28 марта 1835 г.—6. Законъ 27 мая 1836 г.—7. Законъ 12 января 1838 г.—8. Законъ 5 іюля 1844 г.—9. Законъ 11 іюля 1852 г.—10. Законъ 26 іюня 1868 г.—11. Положеніе февраля 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу и Правила 19 февраля 1875 г. о примѣненіи нотаріальнаго положенія къ Варшавскому судебному округу 9

ГЛАВА II.

О мѣстѣ водворенія, о мѣстѣ жительства и о мѣстѣ пребыванія.

12. Основное начало русско-польскаго междуобластного права.—13. Мѣсто водворенія.—14. Порядокъ перечисленія изъ Имперіи въ Царство и наоборотъ; его юридическія послѣдствія.—15. Состояніе на государственной службѣ; замужнія женщины; вдовы; несовершеннолѣтніе.—16. Мѣсто жительства; избранное мѣсто жительства.—17. Мѣсто пребыванія. 21

ГЛАВА III.

Объ общей правоспособности.

18. Понятіе общей правоспособности.—19. Общая правоспособность по русско-польскому междуобластному частному праву.—20. Общая правоспособность ребенка, рожденнаго нежизнеспособнымъ.—21. О наслѣдованіи послѣ рожденнаго нежизнеспособнымъ 30

ГЛАВА IV.

О дѣеспособности и объ ея ограниченіи.

22. Понятіе дѣеспособности.—23. Обстоятельства, вызывающія ограниченіе дѣеспособности.—24. Законы, которыми опредѣляется дѣеспособность.—25. Порядокъ, въ которомъ ограничивается дѣеспособность несовершеннолѣтнихъ.—26. Порядокъ ограниченія дѣеспособности умалишенныхъ: рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1905 г. № 1.—27. Ограниченіе дѣеспособности расточителей.—28. Выводы изъ изложеннаго.—29. Практическія затрудненія, возникающія вслѣдствіе отсутствія единства опекунскихъ установленій Имперіи и Царства; вопросъ о продажѣ или залогѣ имущества подопечныхъ.—30. Послѣдствія принципа территоріальности порядка установленія опеки. . . 34

ГЛАВА V.

О формѣ актовъ.

31. Значеніе правила—locus regit actum.—32. Признаніе этого начала законодательствомъ Имперіи и Царства (дареніе).—33. Изъятія изъ этого правила.—34. Его примѣненіе къ предбрачнымъ договорамъ.—35. Его примѣненіе къ актамъ правительственнымъ (ст. 467 учр. суд. уст.).—36. Порядокъ удостовѣренія наслѣдственныхъ правъ по закону и по завѣщанію.—37. Производство дѣлъ о раздѣлѣ наслѣдства.—38. Производство дѣлъ о вводѣ во владѣніе и о выкупѣ родовыхъ имуществъ.—39. Дѣла о безвѣстномъ отсутствіи.—40. Дѣла объ узаконеніи и о признаніи внѣбрачныхъ дѣтей въ Варшавскомъ судебномъ округѣ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1898 г. № 32).—41. Тѣ же дѣла въ судахъ имперскихъ.—42. Дѣла объ усыновленіи въ судахъ Имперіи и Царства.—43. Недостаточность ст. 467 учр. суд. уст.—44. Необходимость дополненія закона 45

ГЛАВА VI.

О союзѣ брачномъ.

45. О подсудности бракоразводныхъ дѣлъ вообще.—46. О подсудности дѣлъ о расторженіи нехристіанскихъ браковъ.—47. Личныя послѣдствія, возникающія изъ брака.—48. Имущественныя послѣдствія, возникающія изъ брака; рѣш. IX Деп. Правительствующаго Сената 1856 г.—49. Бракъ между коренными жителями разныхъ областей.—50. Перемѣна коренного мѣста жительства супругами.—51. Купля-продажа между супругами.—52. О значеніи предбрачныхъ договоровъ, заключенныхъ коренными жителями Имперіи, вступающими въ бракъ въ предѣлахъ Царства Польскаго; рѣш. Гражд. Касс. Деп. 7 мая 1908 г. 62

ГЛАВА VII.

Союзъ родителей и дѣтей.

53. Общія начала.— 54. Законность рожденія.—55. Отдѣльное имущество дѣтей; опека надъ несовершеннолѣтними при жизни родителей и порядокъ ея установленія.—56. Производство дѣлъ о законности рожденія; затрудненія, могущія возникнуть въ имперскихъ судахъ.—57. Дѣти отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными.—58. Дѣти узаконенныя, усыновленныя, признанныя.—59. Неузаконенныя и не признанныя внѣбрачныя дѣти 77

ГЛАВА VIII.

О наслѣдованіи по закону.

60. Отсутствіе единства принциповъ наслѣдованія въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ.—61. Вытекающія изъ сего послѣдствія.—62. Наслѣдованіе въ движимомъ имуществѣ послѣ лица, не считающагося водвореннымъ исключительно въ одной области.—63. Отреченіе отъ наслѣдства и принятіе на правѣ инвентарномъ.—64. Отвѣтственность за долги, оставшіеся послѣ владѣльца маіората 90

ГЛАВА IX.

О духовныхъ завѣщаніяхъ.

65. Начала, которыми опредѣляется свобода завѣщательныхъ распоряженій.—66. Форма завѣщаній.—67. Явка завѣщаній для утвержденія къ исполненію въ Варшавскомъ судебномъ округѣ.—68. То же въ судахъ имперскихъ завѣщаній, составленныхъ по формѣ, установленной законами Царства Польскаго 98

ГЛАВА X.

О правахъ вещныхъ.

69. Пріобрѣтеніе и утрата вещныхъ правъ на недвижимое имущество опредѣляется законами мѣста его нахожденія, насколько эти законы *непосредственно* относятся къ вещному праву.—70. Вопросъ о примѣненіи этихъ законовъ къ вещному праву, устанавливаемому въ обезпеченіе притязаній, истекающихъ изъ отношеній, опредѣляемыхъ личными статутами.—71. Вещное право на движимое имущество; перемѣщеніе предмета; покупка похищенной вещи.—72. Дареніе.—73. Движимость ли капиталы, обезпеченные ипотекой.—74. Какими законами опредѣляются обязательства одареннаго? 109

ГЛАВА XI.

Объ обязательствахъ.

75. Къ договорнымъ обязательствамъ примѣняются законы мѣста ихъ заключенія; рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1894 г. № 74 и 1906 г. № 57.—

76. Споры по исполненію обязательствъ; неустойка; обновленіе; передаточная надпись, протестъ, акцептъ, поручительная надпись на векселѣ.—77. Обязательства ex quasi contractu.—78. Способность вступать въ обязательства.—79. Обязательства изъ деликтовъ и quasi деликтовъ.—80. Обязательства ex lege.—81. Неторговая несостоятельность; ея вліяніе на осуществленіе несостоятельнымъ его имущественныхъ правъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ.—82. Открытіе торговой несостоятельности въ округѣ Варшавской судебной палаты послѣ объявленія неторговой несостоятельности въ имперскомъ судѣ. 116

ГЛАВА XII.

О давности.

83. Давность владѣнія (пріобрѣтательная) въ отношеніи недвижимаго имущества.—84. Та же давность въ отношеніи движимости.—85. Давность исковая (погасительная) вообще.—86. Исковая давность по обязательствамъ, въ особенности давность иска къ поручителю,—по обязательствамъ недоговорнымъ,—по обязательствамъ, обезпеченнымъ ипотекой,—по обязательствамъ ex lege.—87. Давность исковъ о личныхъ правахъ 128

Списокъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, на которые сдѣланы ссылки 133

Алфавитный указатель 135

Первоначальнымъ поводомъ для настоящаго изслѣдованія послужили практическіе вопросы коллизіи Свода законовъ гражданскихъ (т. X ч. 1) съ гражданскими законами, дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Эти вопросы были мною собраны въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Какимъ гражданскимъ законамъ подвѣдомы русскіе уроженцы, пребывающіе въ Царствѣ Польскомъ“ (1884 г. изд. I и 1892 г. изд. 2).

Слѣдя за богатымъ матеріаломъ, который, съ теченіемъ лѣтъ, доставляла судебная практика, въ особенности же практика Правительствующаго Сената, я пришелъ къ заключенію, что ученіе о коллизіонныхъ нормахъ ставитъ юристу болѣе широкую задачу: полная независимость коллизіонныхъ нормъ отъ тѣхъ подлежащихъ согласованію принциповъ, которые положены въ основу законодательствъ отдѣльныхъ мѣстностей единаго государства, обязываетъ его выдѣлить эти нормы въ самостоятельную систему.

ОЧЕРКЪ
РУССКО-ПОЛЬСКАГО МЕЖДУОБЛАСТНОГО ЧАСТНАГО ПРАВА [1]).

ГЛАВА I.

Понятіе междуобластного частнаго права и источники русско-польскаго междуобластного частнаго права.

I. Понятіе и обоснованіе междуобластного частнаго права, какъ особой юридической дисциплины.—2. Отличительныя черты русско-польскаго междуобластного права отъ русско-прибалтійскаго.—3. О примѣненіи нормъ междуобластного частнаго права.—4. Источники русско-польскаго междуобластного частнаго права вообще.—5. Законъ 28 марта 1835 г.—6. Законъ 27 мая 1836 г.—7. Законъ 12 января 1838 г.—8. Законъ 5 іюля 1844 г.—9. Законъ 11 іюля 1852 г.—10. Законъ 26 іюня 1868 г.—11. Положеніе 19 февраля 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу и Правила 19 февраля 1875 г. о примѣненіи нотаріальнаго положенія къ Варшавскому судебному округу.

1. Подъ междуобластнымъ частнымъ правомъ я разумѣю совокупность положительныхъ юридическихъ нормъ, устано-

---

[1]) Списокъ сочиненій, на которыя сдѣланы ссылки:

Анненковъ. Система русск. гражд. права. изд. 2. 1899.—Андреевъ. Паспортныя правила въ Ц. П. Жур. Мин. Юст. 1899. кн. VIII. 119.—Aubry et Rau. Cours de dr. civ. franç. 1869.—Bar. Theorie u. Praxis d. internat. Privatrechts. 2 Aufl. 1889.—Wołowski. Kurs kodexu cywilnego. 1868.—Godlewski. Powody urzędowe do Ks. I Kodeksu cyw. Kr. Pol. 1875.—Erdmann. System d. Privatrechts der Ostseeprovinzen. 1889.—Eziorański—Gaz. Sądowa Warszawska. 1884 №№ 30 и 31.—Zawadzki Prawo Cywilne obowiązujące w Kr. P. 1860.—Zwingmann. Civilrechtliche Entcheidungen der Riga'schen Stadtgerichte. 1880.—Zitelmann. Internationales Privatrecht. 1897—1903.—Змирловъ. Изъ практики Гражд. Касс. Деп. Пр. Сената Жур. Мин. Юст. 1907 г. Апрѣль, стр. 186.—Исаченко. Гражданскій процессъ. 1893.—Karpiński Jurisprudencya Depart. Cywilnych Izby Sąd. Warszawskiej 1878 и слѣд.—Kapuściński. Jurysprudencia Senatu. 1869.—Konic. Dzieje prawa małżeńskiego w Kr. Pol. 1903.—Laurant. Principes de Dr. Civil. 1869.—Лебединцевъ. Ипотечные уставы 1818 и 1825 г.г.-1906.—Lyon Caen. Traité de droit commercial. 1899.—Малышевъ. Курсъ общ. гражд. права Россіи. 1878.—Мартенсъ. Соврем. междунар. право. 1883.—Бар. Нольде. Коллизія разномѣстныхъ законовъ о наслѣдованіи въ движимостяхъ по русск. праву. „Вѣстникъ Права“ 1900.

вленныхъ единою верховною властью, указывающихъ способъ согласованія разномѣстныхъ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ въ различныхъ областяхъ государственной территоріи [1]).

Междуобластное частное право отличается отъ *международнаго* частнаго права тѣмъ, что послѣднее имѣетъ своимъ предметомъ согласованіе нормъ, установленныхъ верховною властью *различныхъ* государствъ въ предѣлахъ подвѣдомой имъ территоріи.

Междуобластное частное право, имѣя своимъ предметомъ согласованіе частнаго права отдѣльныхъ областей того же государства, не находится въ органической связи съ законодательствомъ этихъ областей.

Такимъ образомъ, междуобластное частное право выдѣляется въ особую научную дисциплину.

Могутъ быть установлены *общія* (коллизіонныя) нормы для согласованія всѣхъ разномѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ различныхъ областяхъ государственной территоріи, или же *особенныя* коллизіонныя нормы для разрѣшенія конфликтовъ лишь между данными законодательствами, дѣйствующими въ государствѣ одновременно, но разномѣстно.

Въ нашемъ законодательствѣ имѣются *общія* нормы для разрѣшенія коллизіи между общими гражданскими законами и мѣстными законами, дѣйствующими въ другихъ, кромѣ особо поименованныхъ въ законѣ, „губерніяхъ и областяхъ, состоящихъ на особыхъ правахъ“ [2]).

сент.—Okolski. Wyklad prawa administracyjnego 1880.—Побѣдоносцевъ. Курсъ гражд. права 1871.—Рейнке. Очеркъ законодательства Царства Польскаго 1902.—Рейнке. О защитѣ гражд. правъ коренныхъ жителей Царства Польскаго въ судахъ Имперіи. „Вѣстникъ Права“. Мартъ. 1905.—Рейнке. Сборн. рѣш. б. Варш. IX Деп. Пр. Сената. 1898.—Savigny. System etc. 1849.—Садовскій. Основы частнаго междунар. права. 1903.—Foelix. Traité du droit internat. privé. 1856.—Шалландъ. Новѣйшая практика Сената по частн. междунар. праву. „Право“ 1901, № 41 и № 49.

[1]) Savigny. System etc. 1849. VIII § 347.—Zitelmann. Internat Privatr. 1894. I стр. 396 и слѣд., „за неимѣніемъ лучшаго выраженія“, предлагаетъ выраженіе „interlocales Privatrecht“.—Этотъ терминъ „интерлокальное право“ принимаетъ Шалландъ. Новѣйшая практика Сената по частн. междунар. праву. (Право. 1901 № 41).—Малышевъ. Курсъ общ. гражд. права Россіи. 1878. I § 21.

[2]) Слѣдовательно, эти общія нормы, основанныя на законѣ 3 апрѣля 1840 г. (Полн. Собр. Зак. № 13341), служатъ для согласованія общихъ законовъ

Эти *общія* нормы помѣщены въ ст. 1279—1286 т. X ч. I.

Для губерній Царства Польскаго, Прибалтійскихъ и Финляндіи установлены *особенныя* нормы междуобластного права.

Самый фактъ существованія разномѣстныхъ законовъ объясняется причинами историческими или культурными. Съ присоединеніемъ къ государственной территоріи новыхъ областей, успѣвшихъ выработать свой собственный юридическій бытъ, продолжительное сохраненіе въ силѣ мѣстныхъ законовъ присоединенныхъ областей служитъ указаніемъ на неокончательно еще совершившееся политическое сплоченіе государства.

У насъ такимъ примѣромъ несовершившагося еще сліянія съ коренною частью государства могутъ служить литовскія земли до 1840 года, когда, съ усиленіемъ государственной консолидаціи, оказалось возможнымъ замѣнить въ нихъ Литовскій Статутъ общеимперскими гражданскими законами (П. С. З. № 13591).

Но на ряду съ причинами чисто историческими существуютъ еще и причины болѣе глубокія, которыя до крайности затрудняютъ распространеніе на всю государственную территорію однѣхъ и тѣхъ же гражданскихъ правовыхъ нормъ. Это—причины культурныя, строй и складъ быта семейнаго и экономическаго, особенно когда они нашли выраженіе въ законодательствѣ, въ существенныхъ частяхъ, болѣе совершенномъ, чѣмъ то, которое дѣйствуетъ въ коренной части государства или имъ привоспитаны.

Попеченіе объ этихъ областяхъ и о его населеніи заставляетъ государственную власть охранять индивидуальную своеобразность такихъ областей, санкціонировать ихъ частно-правовыя нормы и ограничиваться лишь заботой о томъ, чтобы особенности гражданскаго быта не противорѣчили началу политическаго единства, а различіе въ нормахъ частнаго права не препятствовало повсемѣстной охранѣ и осуществленію правъ, признанныхъ тою же государственною властью и въ другихъ частяхъ подвѣдомой ей территоріи.

съ мѣстными законами, дѣйствующими въ Бессарабіи, Закавказьѣ и въ губ. Черниговской и Полтавской. См. Анненковъ. Система русск. гражд. права изд. 1899 г. стр. 71.

Примѣромъ такихъ областей служатъ губерніи Прибалтійскія, губерніи Царства Польскаго и Финляндія.

2. Мы займемся, главнымъ образомъ, нормами русско-польскаго междуобластного частнаго права, а на нормы права русско-прибалтійскаго будемъ ссылаться преимущественно съ цѣлью выясненія ихъ отличія отъ первыхъ.

Принципіальное отличіе между нормами того и другого права заключается прежде всего въ томъ, что нормы русско-польскаго междуобластного частнаго права, согласно съ кореннымъ началомъ гражданскихъ законовъ какъ Имперіи, такъ и Царства, исходятъ изъ начала безсословности, т. е. изъ начала равной, за немногими изъятіями, обязательности постановленій гражданскихъ законовъ для лицъ всѣхъ званій; между тѣмъ прибалтійское гражданское право (земское, городское и крестьянское), отражая общественный строй, построено на сословномъ началѣ, а потому и его коллизіонныя нормы, имѣющія примѣненіе къ случаямъ столкновенія разномѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ не только въ предѣлахъ Прибалтійскихъ губерній, но и въ случаяхъ столкновенія сихъ послѣднихъ съ общими гражданскими законами Имперіи (ст. XXVII Введ. къ Св. мѣстн. узак. губ. Прибалт.), обязываютъ обращать вниманіе на званіе лицъ при разрѣшеніи вопроса о примѣнимости къ нимъ тѣхъ либо иныхъ законовъ.

Другое коренное отличіе между нормами русско-польскаго и русско-прибалтійскаго междуобластного частнаго права состоитъ въ томъ, что первое пріурочиваетъ личныя права (statuta personalia) къ мѣсту водворенія, какъ къ мѣсту политическаго или національнаго тяготѣнія личности,—второе подчиняетъ ихъ дѣйствію законовъ мѣстожительства, какъ центра экономической дѣятельности.

Существенное отличіе и въ правѣ обязательственномъ. Тогда какъ по нормамъ русско-польскаго права договоры обсуждаются какъ въ отношеніи ихъ формы, такъ и въ отношеніи правъ и обязанностей, ими устанавливаемыхъ, на основаніи законовъ того края, въ предѣлахъ котораго они совершены,—по нормамъ русско-прибалтійскаго права пре-

обладающее въ сихъ отношеніяхъ значеніе предоставлено законамъ мѣста исполненія (см. гл. V прим. I и гл. X прим. I).

3. Остановимся еще на вопросѣ о способѣ примѣненія нормъ междуобластного частнаго права.

Нормы каждаго междуобластного частнаго права устанавливаютъ способъ согласованія не всѣхъ вообще разномѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ различныхъ областяхъ государственной территоріи, а лишь *данныхъ* разномѣстныхъ законовъ, для согласованія которыхъ онѣ изданы [3]).

Въ этомъ отношеніи междуобластныя нормы сходны съ нормами международнаго частнаго права, основанными на международныхъ договорахъ; потому ни тѣ, ни другія не могутъ быть примѣнены по аналогіи внѣ междуобластныхъ или международныхъ отношеній, которыя имѣлись въ виду при ихъ установленіи.

Напротивъ, нормы международнаго права, установленныя въ каждомъ законодательствѣ, примѣняются, въ отсутствіи международнаго договора, при необходимости согласованія туземныхъ законовъ съ иностранными, и могутъ, за отсутствіемъ положительныхъ междуобластныхъ нормъ, служить по аналогіи руководствомъ и при согласованіи разномѣстныхъ законовъ.

4. Источникомъ русско-польскаго междуобластного частнаго права служатъ, прежде всего, особыя законодательныя нормы. Необходимость такихъ нормъ становилась все болѣе ощутительною, въ виду начавшагося въ тридцатыхъ годахъ сплоченія Царства Польскаго съ коренной государственной территоріей [4]) и вызваннаго тѣмъ передвиженія населенія изъ одной части государства въ другую.

Эти нормы междуобластного права обнародывались въ обѣихъ частяхъ государства, порядкомъ, въ каждой изъ нихъ установленнымъ [5]).

[3]) Ср. Анненковъ, т. I, стр. 72.

[4]) См. мой Очеркъ законодательства Царства Польскаго 1902 г. гл. III.

[5]) До 1871 г. въ Ц. П. законы обнародывались въ порядкѣ, установленномъ въ постановленіи Намѣстника отъ 9 января 1816 г.,—въ Дневникѣ Законовъ.—См. тамъ же гл. IV § 54.

Другимъ источникомъ, но въ силу лишь общности нѣкоторыхъ началъ, допускающихъ примѣненіе по аналогіи, служатъ нормы международнаго частнаго права, выраженныя какъ въ имперскомъ законодательствѣ, такъ и въ мѣстныхъ законахъ губерній Царства.

Наконецъ послѣднимъ, но не менѣе важнымъ источникомъ познанія нормъ русско-польскаго междуобластного права, служатъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ, въ особенности же рѣшенія б. IX Департамента и Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, приводящихъ, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ научное и согласное съ духомъ законовъ обоснованіе своихъ выводовъ.

5. Рядъ постановленій верховной власти, устанавливающихъ нормы русско-польскаго междуобластного частнаго права, начинается съ Высочайше утвержденнаго 28 марта 1835 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта по вопросу: какъ поступать взаимно въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, въ случаѣ наложенія опеки по причинѣ сумасшествія (Дн. Зак. т. 17 стр. 76; Полн. Собр. Зак. № 8005).

По своему содержанію этотъ законъ устанавляетъ порядокъ наложенія опеки по причинѣ сумасшествія лишь лицъ, владѣющихъ недвижимыми имѣніями совокупно въ Имперіи и Царствѣ.

Въ виду существовавшей въ то время полной обособленности судебныхъ мѣстъ Имперіи и Царства было постановлено, что лицо, страждущее умопомѣшательствомъ, хотя и свидѣтельствуется по законамъ того края, гдѣ оно фактически жительствуетъ, но о принятіи и въ другомъ краѣ соотвѣтственныхъ охранительныхъ мѣръ сообщается посредствомъ имперскаго Министерства Юстиціи и Намѣстника Царства. Тотъ же порядокъ полагалось соблюдать и въ случаѣ снятія опеки въ виду выздоровленія.

Законъ 28 марта 1835 г. былъ помѣщенъ въ ст. 379 и 380 Св. Зак. изд. 1842 и 1852 г.г.; эти статьи въ послѣдующихъ изданіяхъ гражданскихъ законовъ 1887 и 1900 г.г. были подвергнуты соотвѣтственному редакціонному измѣненію

въ виду состоявшагося въ 1874 г. упраздненія намѣстничества, служившаго внѣшнимъ признакомъ обособленности Царства.

6. Уже ст. 21 грамоты, дарованной Царству 14 февраля 1832 г. (Дн. Зак. т. 14 стр. 160), было предоставлено *имперскимъ подданнымъ*, поселившимся въ Царствѣ и пріобрѣвшимъ тамъ недвижимую собственность, пользоваться всѣми правами коренныхъ жителей; то же право было предоставлено и *подданнымъ Царства*, поселившимся и имѣющимъ недвижимую собственность въ прочихъ областяхъ Имперіи [6]).

Въ развитіе 21 статьи грамоты было издано Высочайше утвержденное 27 мая 1836 г. положеніе о порядкѣ перечисленія обывателей Имперіи въ Царство Польское и обывателей Царства Польскаго въ Имперію (Дн. Зак. т. 19 стр. 294).

Это положеніе припечатано въ Полн. Собр. Зак. № 9228.

Положеніе различало водвореніе временное и постоянное.

„*Водвореніе временное* есть болѣе или менѣе продолжительное въ томъ или другомъ краѣ пребываніе съ узаконеннымъ паспортомъ; оно дозволяется на тѣхъ же самыхъ правилахъ, какія вообще о временныхъ отлучкахъ внутри государства постановлены“ (ст. 3).

„*Постояннымъ водвореніемъ* признается совершенное перечисленіе изъ Имперіи въ Царство, или изъ Царства въ Имперію, съ перемѣною коренного мѣста жительства“ (ст. 5).

Перечисленіе совершается въ порядкѣ административномъ; въ Царствѣ оно обусловлено пріобрѣтеніемъ недвижимой собственности и внесеніемъ въ книги народонаселенія Царства (ст. 9—17).

Перечисленные „на постоянное водвореніе вступаютъ во всѣ права и обязанности коренныхъ жителей. Какъ въ правѣ личномъ, такъ въ правѣ по имуществамъ, въ томъ краѣ на-

---

[6]) Ср. Нольде. Коллизія разномѣстныхъ законовъ о наслѣдованіи въ движимостяхъ по рус. праву. Вѣстникъ Права 1900 г. сентябрь, стр. 36.

ходящимся, они подлежатъ дѣйствію тамошнихъ законовъ“ (ст. 18).

7. Развитіе торговыхъ отношеній вызвало необходимость установить какъ нѣкоторыя матеріально правовыя нормы, такъ и правила о подсудности дѣлъ вотчинныхъ, а также исковъ, предъявляемыхъ въ одной области по обязательствамъ, заключеннымъ въ другой, и о порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній, послѣдовавшихъ въ другомъ краѣ.

Это было сдѣлано Высочайше утвержденнымъ 12 января 1838 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (Дн. Зак. т. 21 стр. 372; Полн. Собр. Зак. № 10881) о подсудности обывателей Россійской Имперіи и Царства Польскаго въ дѣлахъ тяжебныхъ. Законъ 1838 г. былъ включенъ въ ст. 601 и въ прил. къ ст. 2221 т. X изд. 1842 г.; въ изданіи же законовъ гражданскихъ 1857 г. статья 601 замѣнена статьями 734—741, которыя основаны на законѣ 11 іюля 1852 г. (см. ниже § 9).

Въ п. 5 этого закона изложено: „дѣйствительность долгового обязательства, договора или иного акта опредѣляется на основаніи законовъ того края, по узаконеніямъ и формамъ коего акты были совершены.

Если же актъ предъявленъ будетъ ко взысканію не въ томъ краѣ, гдѣ оный совершенъ, и со стороны отвѣтчика возникнетъ о формальности совершенія акта споръ, то истецъ обязанъ представить удостовѣреніе, что актъ составленъ сообразно съ законами и формами другого края“.

На основаніи п. 6-го этого закона рѣшенія, состоявшіяся въ Имперіи, могутъ быть обращены къ исполненію въ Царствѣ, или наоборотъ, лишь съ особаго разрѣшенія подлежащихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ того края, въ которомъ предполагается ихъ исполнить [7]).

---

[7]) Въ частяхъ, касающихся процессуальнаго права, этотъ законъ отмѣненъ положеніемъ 19 февраля 1875 г. о прим. Суд. Уст. 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу.

8. Дальнѣйшимъ шагомъ на пути повсемѣстной охраны правъ, опредѣляемыхъ различно общимъ и мѣстнымъ законодательствами, является Высочайше утвержденное 5 іюля 1844 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о правилахъ, опредѣляющихъ порядокъ подсудности въ движимомъ имуществѣ, послѣ лицъ, водворенныхъ въ Имперіи и временно пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ, также послѣ лицъ, водворенныхъ въ Царствѣ, а временно пребывающихъ въ Имперіи (Дн. Зак. т. 35 стр. 132; П. С. З. № 18056).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: заглавіе этого закона не вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержанію, которое гораздо шире; еще 8 апрѣля 1843 г. (П. С. З. № 16717) былъ изданъ вполнѣ тождественный законъ о лицахъ, водворенныхъ въ Имперіи, временно пребывающихъ въ Финляндіи, или наоборотъ; оба эти закона вошли въ ст. 1287—1295 т. X ч. 1 изд. 1857 г., которыя воспроизведены и въ изд. 1900 г., съ редакціонными измѣненіями, вызванными изданіемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 г. и нѣкоторыхъ другихъ узаконеній.

Обоими законами—какъ для Царства, такъ и для Финляндіи—установлено начало междуобластного частнаго права, въ силу котораго какъ наслѣдованіе въ движимомъ имуществѣ, такъ и распоряженіе имъ при жизни и на случай смерти опредѣляются законами мѣста водворенія, т. е. личнымъ, національнымъ закономъ (mobilia personam sequuntur); относительно недвижимаго имущества узаконяется территоріальный принципъ (lex loci rei sitae).

9. 11 іюля 1852 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о правилахъ относительно удостовѣренія подлинности актовъ, составляемыхъ въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и приводимыхъ въ дѣйствіе въ Имперіи, и обратно (Дн. Зак. т. 46 стр. 176; П. С. З. № 26441).

Этотъ законъ былъ помѣщенъ въ св. зак. гражд. изд. 1857 г. (т. X ч. 1) въ ст. 734—741 и (т. X ч. 2) въ ст. 202 (прим.); но въ изданіяхъ 1887 и 1900 г.г., въ

Госуд. публичная

виду введенія въ губерніяхъ Царства Польскаго Судебныхъ Уставовъ 1864 г., сохранены въ Сводѣ лишь тѣ статьи закона 11 іюля 1852 г., которыя относятся къ Великому Княжеству Финляндскому (Св. зак. т. X ч. 1 изд. 1900 г.; ст. 708 прим. 4, приложеніе).

Законъ 1852 г. изданъ въ измѣненіе нѣкоторыхъ пунктовъ закона 1838 г. (см. выше § 7). Новымъ закономъ отмѣненъ лишь второй абзацъ 5-го пункта закона 1838 г., первый же абзацъ того же пункта воспроизведенъ дословно. Кромѣ того, въ 6-мъ пунктѣ закона 1838 г. произведено незначительное измѣненіе, состоящее въ возложеніи обязанности свидѣтельствованія подлинности подписи должностныхъ лицъ Имперіи на копіяхъ рѣшеній, подлежащихъ исполненію въ Царствѣ,—на губернскія правленія, вмѣсто губернаторовъ. Въ остальныхъ частяхъ законъ 1838 г. былъ оставленъ въ силѣ. Въ самомъ текстѣ закона 1852 г. указано, что имъ отчасти измѣняется статья 601 зак. гражд. (Св. зак. т. X) и дается другое изложеніе п.п. 5 и 6 приложенія къ ст. 2221 зак. гражд. (Св. зак. т. X) о судопроизводствѣ по дѣламъ между обывателями Россійской Имперіи и Царства Польскаго.

Кромѣ того, законъ 1852 г. отличается отъ закона 1838 г. и тѣмъ, что изложенныя въ немъ нормы междуобластного права распространены на Финляндію.

10. Политическія событія, аналогичныя тѣмъ, которыя въ 1830 г. предшествовали изданію закона 27 мая 1836 г., имѣли мѣсто и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка; они глубоко потрясли весь укладъ мѣстной жизни, окончательно подорвавъ тѣ устои, на которыхъ зиждилась политическая обособленность Царства отъ остальныхъ частей государства [8]).

Эти обстоятельства отчасти отразились и на законѣ 26 іюня 1868 г. о порядкѣ перечисленія жителей Имперіи въ губерніи Царства Польскаго, равно какъ жителей сихъ гу-

[8]) См. мой Очеркъ законодательства и пр. гл. IV.

берній въ прочія части Имперіи (Дн. Зак. т. 68 стр. 420; П. С. З. № 46038; прил. къ ст. 14 (прим.) зак. сост. Св. зак. т. IX изд. 1899 г.).

Закономъ 1868 г. хотя формально и отмѣненъ законъ 27 мая 1836 г., тѣмъ не менѣе, по существу, въ немъ сохранено прежнее представленіе объ обособленности губерній Царства Польскаго отъ остальныхъ губерній Имперіи.

И законъ 1868 г. отличаетъ временное жительство отъ постояннаго, въ смыслѣ водворенія, національнаго сочричисленія къ жителямъ данной области, публично-правовой принадлежности лица къ данной территоріи.

Политическія соображенія побудили правительство облегчить переселеніе жителей Имперіи въ Царство и, наоборотъ, затруднить перечисленіе изъ Царства въ Имперію. Новый законъ уже не обусловливаетъ водворенія въ Царствѣ пріобрѣтеніемъ въ немъ недвижимаго имущества (ст. 1) и не требуетъ пріемнаго свидѣтельства о принятіи переселяющагося въ его новомъ мѣстѣ водворенія въ Царствѣ (ст. 2).

И по новому закону водвореніе обусловлено разрѣшеніемъ мѣстныхъ административныхъ властей и совершается посредствомъ внесенія въ книги постояннаго народонаселенія (ст. 3). Личныя права и преимущества, пріобрѣтенныя переселяющимися, сохраняются за ними и въ мѣстѣ новаго водворенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются всѣми правами и подчиняются всѣмъ обязанностямъ коренныхъ жителей избраннаго ими мѣста (ст. 8).

Въ ст. 9 подтверждено, что пріобрѣтеніе, владѣніе и отчужденіе недвижимаго имущества, а также наслѣдство въ семъ имуществѣ, подлежатъ законамъ, дѣйствующимъ въ той мѣстности, гдѣ находится это имущество.

Вотъ тѣ нормы русско-польскаго междуобластного частнаго права, которыми, вплоть до введенія въ Царствѣ Польскомъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., опредѣлялись и охранялись права жителей одной изъ областей во время ихъ пребыванія въ другой или послѣ ихъ переселенія.

11. Положеніе 19 февраля 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу не коснулось постановленій мѣстныхъ законовъ, насколько ими опредѣлялись нормы мѣстнаго частнаго или административнаго права; но, вслѣдствіе введенія судебнаго устройства Царства въ строй обще-имперской судебной организаціи, пришлось озаботиться обезпеченіемъ судебной охраны правъ, которыя опредѣляются законами имперскими и въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Съ цѣлью охраны и въ Варшавскомъ судебномъ округѣ означенныхъ правъ коренныхъ жителей Имперіи издана ст. 248 полож. 19 февраля 1875 г. (ст. 467 учр. суд. уст.); ею сохраняются въ полной силѣ тѣ постановленія Судебныхъ Уставовъ, которыя, по ихъ связи съ русскимъ матеріальнымъ правомъ, надлежало сохранить для предоставленія процессуальной охраны правъ, опредѣляемыхъ личными статутами коренныхъ жителей Имперіи, несмотря на то, что для охраны личныхъ правъ коренныхъ жителей Царства были введены положеніемъ 1875 г. особыя процессуальныя нормы, согласованныя съ мѣстными гражданскими законами.

Къ сожалѣнію, была упущена изъ вида необходимость такой же охраны въ Имперіи правъ, опредѣляемыхъ мѣстными законами Царства.

Мысль, выраженная въ ст. 467 учр. суд. уст., повторена въ ст. 247 нот. пол. (ст. 30 прав. 19 февр. 1875 г. о прим. нот. пол. къ Варш. суд. окр.).

Вотъ законодательные акты, служащіе непосредственнымъ источникомъ русско-польскаго междуобластного частнаго права.

Что касается разсѣянныхъ въ обоихъ законодательствахъ нормъ международнаго права, имѣющихъ, по аналогіи, примѣненіе и въ области междуобластного права, то къ таковымъ относятся преимущественно слѣдующіе: ст. 707 и 708 уст. гражд. суд., ст. 1077 т. X ч. 1; ст. 999 код. Нап., ст. 3 и 9 гражд. улож. Царства Польскаго и др.

ГЛАВА II.

О мѣстѣ водворенія, о мѣстѣ жительства и о мѣстѣ пребыванія.

12. Основное начало русско-польскаго междуобластного частнаго права.—13. Мѣсто водворенія.—14. Порядокъ перечисленія изъ Имперіи въ Царство и наоборотъ; его юридическія послѣдствія.—15. Состояніе на государственной службѣ; замужнія женщины; вдовы; несовершеннолѣтніе.—16. Мѣсто жительства; избранное мѣсто жительства.—17. Мѣсто пребыванія.

12. Въ основаніи всѣхъ законодательныхъ актовъ, разрѣшающихъ вопросы русско-польскаго междуобластного частнаго права, лежитъ представленіе о связи населенія съ обитаемой имъ территоріей. Эта связь человѣка съ территоріей, а слѣдовательно и съ ея обитателями, признается фактомъ, которому законъ присвоиваетъ извѣстныя юридическія послѣдствія.

Этотъ юридическій фактъ, смотря по прочности связи между территоріей и ея обывателями, означается различными терминами: мѣстомъ водворенія, постояннымъ мѣстомъ жительства, мѣстомъ пребыванія; впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что эта терминологія не проводится въ законодательствѣ съ полною послѣдовательностью.

13. Понятіе *мѣста водворенія* окончательно опредѣлилось положеніемъ 27 мая 1836 года о порядкѣ перечисленія обывателей Имперіи въ Царство Польское и обывателей Царства въ Имперію въ связи съ установленнымъ еще закономъ 1810 г. (Дн. Зак. Герц. Вар. т. II стр. 109) и послѣдующими узаконеніями способомъ веденія книгъ народонаселенія [1]).

---

[1]) На основаніи постановленій Совѣта управленія отъ 10/22 ноября 1861 г. и отъ 11/23 февраля 1866 г. (Собр. адм. пост. по вѣд. Внутр. Дѣлъ ч. V т. I стр. 239, 245 и 417) въ каждой гминѣ ведутся особыя книги: книга постояннаго (т. е. водвореннаго, коренного) народонаселенія, въ которую не-туземецъ не можетъ быть записанъ, и книга народонаселенія непостояннаго, въ которую записываются всѣ не-туземцы, а изъ туземцевъ тѣ, которые пребываютъ внѣ мѣста своего водворенія. Пост. Учр. ком. т. XVII стр. 32. Ср. ст. 14 Свод. зак. т. IX зак. сост. изд. 1899 г. См. еще Андреевъ. Паспортныя правила въ Царствѣ Польскомъ. Жур. Мин. Юст. 1899 г. кн. VIII, стр. 119.

На основаніи закона 27 мая 1836 г. различалось *водвореніе временное и водвореніе постоянное.* Временное водвореніе отождествлялось съ временнымъ жительствомъ или пребываніемъ, хотя бы оно и сопровождалось пріобрѣтеніемъ недвижимаго имущества (ст. 3 и 4). *Постояннымъ водвореніемъ* признавалось совершенное перечисленіе изъ Имперіи въ Царство, или изъ Царства въ Имперію, съ перемѣною коренного мѣста жительства (ст. 5); перечисленные на постоянное водвореніе „вступаютъ во всѣ права и обязанности коренныхъ жителей. *Какъ въ правѣ личномъ, такъ и въ правѣ по имуществамъ, въ томъ краѣ находящимся, они подлежатъ дѣйствію тамошнихъ законовъ*“ (ст. 18). Такимъ образомъ оказывается, что съ актомъ „укорененія“ или натурализаціи связывались какъ политическія, такъ и гражданско-правовыя послѣдствія.

Происшедшія въ эпоху реформъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, измѣненія въ бытѣ преимущественно сельскаго населенія вызвали необходимость соотвѣтственныхъ измѣненій положенія 1836 г., особенно насколько оно касалось круга лицъ, имѣющихъ право на переселеніе для водворенія изъ одной части государства въ другую, а также самаго порядка перечисленія.

Указъ 26 іюня 1868 г., сохранившій силу и понынѣ (прил. къ ст. 14 [прим.] зак. сост., Св. зак. т. IX изд. 1899 г.), измѣнивъ въ семъ отношеніи правила положенія 1836 г., по существу воспроизвелъ его взглядъ на публично-правовое значеніе и гражданско-правовыя послѣдствія водворенія. Перечислившіеся изъ губерній Царства, равно какъ изъ сихъ губерній въ прочія части Имперіи, по совершеніи перечисленія, *вступаютъ во всѣ права и подчиняются всѣмъ обязанностямъ коренныхъ жителей избраннаго ими мѣста (ст. 8).*

14. Самое перечисленіе, съ цѣлью водворенія, изъ Имперіи въ Царство, или наоборотъ, совершается по закону 1868 г. съ разрѣшенія административной власти и не обусловлено фактическимъ жительствомъ въ мѣстѣ водворенія. Водвореніе

въ губерніяхъ Царства Польскаго считается состоявшимся, по внесеніи перечисленнаго лица подлежащею властью въ книги постояннаго народонаселенія; записка въ книги постояннаго народонаселенія является единственнымъ признакомъ водворенія [2]).

Закономъ 2-го іюня 1902 г. (Собр. узак. ст. 1033) распространено на губерніи Царства Польскаго положеніе 3-го іюня 1894 г. о видахъ на жительство (ст. 76—83 уст. о пасп., Св. зак. т. XIV изд. 1903 г.). По ст. 1 этого закона для лицъ, вписанныхъ въ книги постояннаго народонаселенія въ губерніяхъ Царства Польскаго, мѣстомъ постояннаго жительства признается то мѣсто, гдѣ каждый записанъ въ упомянутой книгѣ.

Хотя въ этомъ законѣ вмѣсто термина „водвореніе“ употреблено выраженіе „мѣсто постояннаго жительства“, но изъ сопоставленія съ закономъ 1868 г., съ которымъ онъ находится въ непосредственной связи, слѣдуетъ признать, что выраженіе „мѣсто постояннаго жительства“ употреблено въ смыслѣ „водворенія“, т. е. причисленія къ кореннымъ жителямъ посредствомъ внесенія въ книги постояннаго народонаселенія [3]). „Мѣсто жительства“ постоянное противопола-

---

[2]) Это положеніе твердо установлено рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1890 г. № 63.—По поводу несогласнаго съ сими соображеніями рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1904 г. № 40, правильнаго однако въ его окончательномъ выводѣ, см. прим. 3.

[3]) Въ ст. 26 и слѣд. гражд. улож. Царства Польскаго содержатся указанія на способъ опредѣленія мѣста жительства; вопреки соображеній, приведенныхъ въ рѣш. Гр. Касс. Деп. 1904 г. № 40, слѣдуетъ признать, что мѣсто жительства, о которомъ говорится въ гражданскомъ уложеніи, имѣетъ лишь гражданско-правовыя послѣдствія, въ смыслѣ установленія подсудности (ст. 1512 уст. гражд. суд.), а не публично-правовыя послѣдствія въ смыслѣ установленія національности, а потому не совпадаетъ съ понятіемъ водворенія. Это видно изъ законодательныхъ соображеній, которыя высказывались при обсужденіи этого закона на сеймѣ 1825 г., а именно: было сдѣлано предложеніе пріурочить главное мѣсто осѣдлости къ тому мѣсту, гдѣ данное лицо внесено въ книги народонаселенія. Но это предположеніе было отклонено по тому соображенію, что внесеніе въ книги народонаселенія происходитъ не всегда добровольно (напр., дѣтей, замужней женщины) и что внесеніе въ книги народонаселенія важно для опредѣленія политическихъ правъ, но не для пользованія гра-

гается временному и мѣсту пребыванія; связь человѣка съ территоріей, обозначаемая этими послѣдними выраженіями, имѣетъ въ виду, какъ увидимъ ниже, исключительно гражданско-правовыя послѣдствія. Между тѣмъ законъ 1902 г. вовсе не касается этихъ послѣдствій; онъ упорядочиваетъ, въ цѣляхъ преимущественно полицейскихъ, т. е. публично-правовыхъ, способъ учета населенія посредствомъ паспортовъ.

На основаніи общаго смысла приведенныхъ законовъ слѣдуетъ признать, что въ губерніяхъ Царства Польскаго *мѣсто водворенія* служитъ объективнымъ признакомъ національности; съ мѣстомъ водворенія связано понятіе „туземца“ (ст. 3 гражд. улож.) или „уроженца“ (ст. 1294, т. X, ч. 1). Населенію коренному, туземному или, что все равно, водворенному — противополагается населеніе пришлое, которое, несмотря на продолжительность пребыванія въ губерніяхъ Царства, на владѣніе недвижимымъ имуществомъ, — независимо отъ вѣроисповѣданія, состоянія [4]), племенного происхожденія и даже самаго мѣста рожденія [5]) въ предѣлахъ сихъ губерній, какъ

жданскими правами (см. Законодат. мотивы I кн. гр. улож. Ц. П. 1825; Годлевскій (Godlewski). Варшава. 1875 г. стр. 71.—Курсъ административнаго права Ц. П.; Окольскій (Okolski). Варшава 1882 г. II стр. 22.—Курсъ гражд. уложенія. Воловскій (Wołowski). Варшава 1868 г. I §§ 38, 39.—По правильному замѣчанію Садовскаго (Основы частнаго междунар. права. Варшава, 1903 стр. 50) „институтъ водворенія замѣняетъ въ коллизіи нормъ разномѣстныхъ институтъ подданства, съ которымъ имѣется дѣло при коллизіи законовъ разногосударственныхъ“.— Малышевъ, стр. 144, прим. 36.

[4]) Гражд. Касс. Деп. въ рѣшеніи 1904 г. № 40 призналъ, что записка въ дворянскія книги б. Мазовецкой губерніи сама по себѣ не служитъ доказательствомъ водворенія въ губерніяхъ Царства Польскаго.

[5]) По жалобѣ Лишкевича на Министра Народнаго Просвѣщенія, Правительствующій Сенатъ (I Общее Собраніе рѣш. $\frac{1894\text{ г. }9\text{ марта}}{1895\text{ г. }25\text{ мая}}$) призналъ, что „лица, происходящія отъ здѣшнихъ родителей, рожденныя въ Царствѣ Польскомъ, несомнѣнно такіе же коренные русскіе, какъ и братья ихъ, родившіеся внутри Имперіи; что, вообще, фактъ случайнаго рожденія лица въ Царствѣ Польскомъ не можетъ обратить его въ лицо не-русскаго происхожденія“. (указъ 22 сентября 1895 г. № 9495).—По ст. 3 Выс. утв. 1/13 іюля 1871 г. правилъ о продажѣ состоящихъ въ вѣдѣніи казны земель въ десяти губерніяхъ Ц. П. изложено: „къ участію въ торгахъ на земли первой изъ означенныхъ въ статьѣ 2 категорій допускаются всѣ вообще русскіе подданные

не внесенное въ *книги постояннаго народонаселенія*, продолжаетъ считаться населеніемъ пришлымъ, водвореннымъ

къ участію же въ торгахъ на земли второй категоріи (т. е. отдѣльныхъ фольварковъ и земель, расположенныхъ сплошными участками) могутъ быть допускаемы только лица русскаго происхожденія, православныя, и *лица протестантскихъ исповѣданій русскаго же происхожденія*, состоявшія и состоящія на государственной, военной или гражданской службѣ" (Собр. узак. 1871 г. № 73).

Практическая неуловимость понятія „лицъ русскаго происхожденія" вызвала, по жалобѣ Я—го на Министра Финансовъ, разъясненіе I Д—та Пр. Сената (указъ 1 сент. 1908 г. № 10054). По вопросу о томъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ „лицами русскаго происхожденія", имѣющими право на льготы за службу въ Привислинскомъ краѣ на основаніи положенія 13 іюня 1886 г., „Правительствующій Сенатъ не усмотрѣлъ достаточныхъ основаній приравнивать—въ отношеніи права на пользованіе преимуществами по ст. 43—57 положенія 13 іюня 1886 года—къ лицамъ русскаго происхожденія лицъ, *несомнѣнно*, происхожденія не русскаго и исповѣданія не православнаго". Не говоря о томъ, что этотъ выводъ Сената едва-ли согласенъ съ закономъ 1/13 іюля 1871 г., по которому фактъ принадлежности къ одному изъ протестантскихъ исповѣданій самъ по себѣ не признается достаточнымъ для исключенія изъ категоріи лицъ русскаго происхожденія,—самое понятіе „лицъ русскаго происхожденія" осталось, по прежнему, неопредѣленнымъ. Изъ этого разъясненія Сената истекаютъ слѣдующіе выводы: 1) *въ случаѣ сомнѣнія* относительно происхожденія, слѣдуетъ признавать лицо происхожденія русскаго, если оно вѣроисповѣданія православнаго; 2) *при несомнѣнности* происхожденія хотя бы издавна обрусѣвшаго рода литовскаго, татарскаго, французскаго, германскаго или др., несмотря на православное исповѣданіе, лицо не можетъ быть признано „лицомъ русскаго происхожденія".

Остается невыясненнымъ, принимать ли въ разсчетъ исключительно родъ отца, или же и родъ матери, и до какого колѣна.

Въ опредѣленіи Перваго Общаго Собранія Правительствующаго Сената отъ 28 мая 1904 г. / 1 дек. 1906 г. по тому же вопросу по дѣлу Норупа изложено: „что лицомъ русскаго происхожденія можетъ считаться лишь тотъ, чьи родители уже во время его рожденія состояли въ русскомъ подданствѣ" (жур. Мин. Юст. 1908, окт. стр. 386).

Первоначально, въ 1867 году (П. С. З. № 44887), законъ о служебныхъ преимуществахъ въ губ. Ц. П. былъ изданъ съ цѣлью привлеченія на государственную службу въ Ц. П. лицъ, сочуствующихъ идеѣ государственнаго единства, и для устраненія отъ государственной службы туземцевъ, проявлявшихъ тенденцію къ политическому обособленію окраины (Жур. Ком. Мин. по исполненію указа 12 дек. 1904 г. стр. 308).

По мнѣнію же Комитета Министровъ (тамъ же, стр. 337), „отнынѣ къ лицамъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія, ... примѣнительно къ Высочайше утвержденнымъ, 26 февраля 1865 г. и 14 іюля 1867 г., положеніямъ Комитета Министровъ, должны быть присоединены лица евангелическо-лютеранскаго исповѣданія и дворяне изъ татаръ, а также крестьяне, безъ раз-

въ Имперіи, а не въ губерніяхъ Царства; потому, не вступая въ права и обязанности коренныхъ жителей, оно продолжаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, подчиняться дѣйствію общеимперскаго законодательства.

Такимъ образомъ оказывается, что водвореніе въ Царствѣ Польскомъ уроженцевъ Имперіи никогда не предполагается; слѣдовательно, непредставленіе доказательствъ внесенія въ книги постояннаго народонаселенія Царства оправдываетъ выводъ о принадлежности лица къ коренному населенію губерній имперскихъ и о необходимости примѣненія къ нему имперскихъ гражданскихъ законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ о примѣненіи мѣстныхъ законовъ Царства Польскаго или имперскихъ законовъ находится въ зависимости отъ мѣста водворенія.

15. На основаніи п. 7 ст. 9 гражд. улож. Ц. П. 1825 г., „туземцемъ признается призванный Высочайшею властью на государственную службу въ Царствѣ Польскомъ". Въ виду сего въ судебной и въ административной практикѣ возбуждается иногда сомнѣніе, не влечетъ ли состояніе на государственной службѣ въ губерніяхъ Царства—водворенія въ этомъ краѣ. Но это сомнѣніе разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. Въ концѣ указа 26 іюня 1868 г. прямо сказано, что имъ отмѣняются *всѣ другія, несогласныя съ этимъ указомъ постановленія*. Между тѣмъ указъ 1868 г. именно устанавливаетъ, что водвореніе совершается исключительно посредствомъ внесенія въ книги постояннаго народонаселенія; потому необходимо признать, что п. 7 ст. 9 гражд. улож., какъ несогласный съ указомъ 1868 г., тѣмъ самымъ отмѣненъ и что слѣдовательно, въ виду лишь состоянія на госу-

---

личія происхожденія и вѣроисповѣданія"... Эти соображенія положены въ основаніе закона 1 мая 1905 г. (Собр. узак. ст. 574), относящагося къ девяти Западнымъ губерніямъ.

Такимъ образомъ законъ и въ настоящее время различаетъ коренныхъ жителей Царства и Имперіи; посему, оставаясь на законной почвѣ, едва-ли представляется возможнымъ согласиться съ которымъ либо изъ данныхъ Правительствующимъ Сенатомъ опредѣленій понятія „лицъ русскаго происхожденія".

дарственной службѣ въ Царствѣ, никто не можетъ быть признанъ водвореннымъ, т. е. туземцемъ [6]).

По общему правилу избраніе политическаго мѣста жительства, т. е. мѣста водворенія, зависитъ отъ переселяющагося, хотя оно и обусловлено согласіемъ подлежащей административной власти.

Но замужнія женщины записываются въ книги постояннаго народонаселенія мѣста водворенія мужа. Смертью мужа не возвращается вдовѣ мѣсто водворенія, утраченное ею вслѣдствіе вступленія въ бракъ [7]). Несовершеннолѣтніе, не признанные самостоятельными, считаются водворенными совмѣстно съ ихъ родителями [8]).

Итакъ водвореніе, какъ уже было замѣчено выше, сопряжено съ послѣдствіями не только публично-правовыми въ смыслѣ опредѣленія состоянія туземца, національности, но и съ послѣдствіями гражданско-правовыми. Въ этомъ отношеніи ст. 8 закона 26 іюня 1868 г. даетъ категорическое указаніе: перечислившіеся, „по совершеніи перечисленія, вступаютъ во всѣ права и подчиняются всѣмъ обязанностямъ коренныхъ жителей избраннаго ими мѣста“.

Но, если политическое сопричисленіе къ кореннымъ жителямъ вызываетъ подчиненіе мѣстнымъ законамъ *всѣхъ* проявленій личности въ сферѣ гражданско-правовыхъ отношеній, то, съ другой стороны, эти вновь причисленные не лишаются правъ, уже пріобрѣтенныхъ ими въ мѣстѣ ихъ прежняго водворенія; на основаніи ст. 8 указа 26 іюня 1868 г. пере-

---

[6]) Въ (отдѣл.) рѣш. Гражд. Касс. Деп. отъ 1 ноября 1904 г. по дѣлу Шпиро съ Антоновичемъ, между прочимъ, приведено: такимъ образомъ ни жительство въ губерніяхъ Царства Польскаго, ни нахожденіе въ нихъ на государственной службѣ не устанавливаютъ водворенія въ этомъ краѣ, а потому не влекутъ за собой для женъ означенныхъ лицъ указаннаго въ ст. 184 гражд. уложенія ограниченія дѣеспособности, которому подвергаются лишь жены лицъ, считающихся водворенными въ краѣ.

[7]) Указъ Гражд. Кассац. Департ. Варшавской судебной палатѣ 12 декабря 1890 года по дѣлу Крушевской. Ср. ст. 102 т. X ч. 1; ст. 855 зак. сост. Св. зак. т. IX изд. 1899 г.; ст. 17 гр. ул. Ц. П.

[8]) Пост. Сов. управл. 10—22 ноября 1861 года; Ср. еще ст. 77 уст. пасп.; Св зак. т. XIV изд. 1903 года.—См. прим. 3.

числяющіеся сохраняютъ всѣ личныя права и преимущества, коими пользовались въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Вопросъ о томъ, которыя именно изъ правъ, пріобрѣтенныхъ до перечисленія, опредѣляются законами прежняго мѣста водворенія, подлежитъ разсмотрѣнію при изложеніи отдѣльныхъ институтовъ.

16. Терминъ *мѣсто жительства* или *мѣсто постояннаго жительства* указываетъ на болѣе или менѣе прочную связь человѣка съ территоріей вслѣдствіе *экономическаго* къ ней тяготѣнія, но понятіе мѣста жительства, подобно мѣсту водворенія, вовсе не требуетъ *фактическаго* пребыванія въ данномъ мѣстѣ. Гражданское уложеніе Царства Польскаго, въ ст. 26—33, имѣетъ въ виду мѣсто жительства именно въ смыслѣ экономическаго, но не политическаго тяготѣнія личности; приведенные имъ признаки мѣста жительства совпадаютъ съ указаніемъ по сему предмету ст. 204 устава гражданскаго судопроизводства, по которой постоянное мѣсто жительства полагается тамъ, гдѣ кто по своимъ занятіямъ, промысламъ или по своему имуществу, либо по службѣ военной или гражданской, имѣетъ осѣдлость или домашнее обзаведеніе. Юридическое значеніе мѣста жительства исключительно процессуальное, какъ видно и изъ имѣющейся въ ст. 1512 уст. гражд. суд. ссылки на ст. 26—35 гражд. улож. По общему правилу, кромѣ случаевъ, точно въ законѣ указанныхъ (напр., ст. 1513 и слѣд. уст. гражд. суд.), подсудность иска опредѣляется мѣстомъ жительства отвѣтчика; но это мѣсто тяготѣнія экономическихъ интересовъ само по себѣ не опредѣляетъ объема и матеріальнаго содержанія гражданскихъ правъ по существу, а потому и не имѣетъ прямого отношенія къ вопросамъ русско-польскаго междуобластного частнаго права.

Отъ дѣйствительнаго мѣста жительства, въ вышеизложенномъ смыслѣ, отличается мѣсто жительства *избранное*, подъ которымъ, на основаніи ст. 35 гражд. улож. разумѣется указаніе, по соглашенію участвующихъ въ актѣ сторонъ [9]),

[9]) При совершеніи ипотечныхъ актовъ *обязательно* указывается избранное мѣсто жительства (ст. 27 ипот. уст. 1818 г.).

мѣста жительства хотя бы фиктивнаго, не совпадающаго съ дѣйствительнымъ; избранное мѣстожительство указываетъ экономическое тяготѣніе лишь по данному правоотношенію. Избраннымъ мѣстомъ жительства опредѣляется судъ, въ которомъ слѣдуетъ предъявить ходатайство объ исполненіи даннаго обязательства, а потому оно имѣетъ лишь процессуальное значеніе.

17. Терминъ *мѣсто пребыванія* указываетъ на фактическое нахожденіе въ данной территоріи, независимо отъ его продолжительности и безотносительно къ политическому или экономическому тяготѣнію.

Въ русско-польскомъ междуобластномъ частномъ правѣ фактъ пребыванія въ данной территоріи получаетъ юридическое значеніе при условіи совершенія лицомъ, не водвореннымъ въ краѣ, нѣкоторыхъ дѣйствій, сопряженныхъ съ юридическими послѣдствіями, какъ, напр., заключеніе договора, причиненіе вреда и т. под.

Вопросъ о томъ, какія именно юридическія дѣйствія лица, въ краѣ не водвореннаго, а лишь временно въ немъ находящагося, подлежатъ дѣйствію законовъ мѣстныхъ или законовъ мѣста водворенія, можетъ быть разрѣшенъ лишь при подробномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ группъ правоотношеній, къ которымъ пріурочивается данное дѣйствіе по своей юридической природѣ [10]).

---

[10]) Въ отличіе отъ законовъ общеимперскихъ и законовъ губерній Царства Польскаго, гражданскимъ законамъ губерній Прибалтійскихъ вполнѣ чуждо понятіе водворенія, постояннаго или коренного мѣстожительства, въ смыслѣ мѣста политическаго тяготѣнія личности, вліяющаго на ея подвѣдомственность, въ извѣстныхъ случаяхъ, тѣмъ либо другимъ гражданскимъ законамъ. Въ губерніяхъ Прибалтійскихъ, по общему правилу, каждый судъ примѣняетъ лишь свои территоріальные законы, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда возбуждается вопросъ о примѣненіи законовъ къ такому лицу, которое имѣетъ мѣсто жительства, т. е. „мѣсто, въ которомъ сосредоточиваются гражданская его дѣятельность и занятія“ (ст. 3066 Св. мѣстн. узак. ч. III), въ территоріальномъ предѣлѣ дѣйствія другихъ законовъ, или, когда дѣло касается недвижимаго имущества, расположеннаго внѣ предѣловъ вѣдомства даннаго суда (ст. XXVII Введ. ч. III Св. мѣстн. узак.). На

Каждое юридическое дѣйствіе предполагаетъ правоспособность и дѣеспособность и для того, чтобы получить значеніе юридическаго акта, должно быть облечено въ осязательную форму.

Поэтому разсмотрѣнію отдѣльныхъ группъ правоотношеній слѣдуетъ предпослать изложеніе правилъ, которымъ, по русско-польскому междуобластному частному праву, опредѣляются общія условія юридическихъ дѣйствій.

ГЛАВА III.

Объ общей правоспособности.

18. Понятіе общей правоспособности. — 19. Общая правоспособность по русско-польскому междуобластному частному праву. — 20. Общая правоспособность ребенка, рожденнаго нежизнеспособнымъ. — 21. О наслѣдованіи послѣ рожденнаго нежизнеспособнымъ.

18. Подъ общею правоспособностью разумѣется состояніе человѣка, въ которомъ онъ по закону признается способнымъ быть субъектомъ гражданскаго права.

Общая правоспособность составляетъ неотъемлемую принадлежность лица и по началу русско-польскаго междуобластного частнаго права обсуждается по законамъ той области, въ которой лицо числится водвореннымъ [1]). Въ ст. 3 гражд. улож., дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго, выражено: законамъ, касающимся гражданскаго состоянія и правоспособности (zdolnosć) лица, подчиняются всѣ туземцы, хотя бы они проживали заграницей [2]). Законода-

эти случаи установленъ въ послѣдующихъ статьяхъ (XXVIII—XXXVI) рядъ нормъ междуобластного частнаго права.

[1]) Это положеніе признано рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1881 г. № 183. По мнѣнію Bar'a (Theorie u. Praxis etc § 137) и нѣкоторыхъ другихъ, принятому и въ герм. гражд. ул., ст. 1 и 104, а также редакторами проекта нашего гражданскаго уложенія (ст. 4 проекта положенія о введеніи въ дѣйствіе гражданскаго уложенія), правоспособность должна обсуждаться по законамъ той мѣстности, къ которой относится пріобрѣтаемое право.

[2]) Ст. 3 гражд. улож. Царства Польскаго 1825 г. тождественна ст. 3 код. Нап., которая гласитъ: les lois concernant l'état et la capacité des per-

тельные мотивы, на которыхъ основанъ этотъ законъ [3]), выясняютъ его истинный смыслъ: статья 3 освящаетъ правило, что каждое лицо, гдѣ бы оно ни пребывало, въ отношеніи гражданскаго состоянія и правоспособности (zdolność), подчиняется дѣйствію законовъ края, къ которому оно принадлежитъ. Притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что выраженіе zdolność (capacité) обнимаетъ какъ правоспособность въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и дѣеспособность; это подтверждается какъ смысломъ французскаго выраженія capacité, употребленнаго въ ст. 3 код. Нап., изъ котораго позаимствована ст. 3 гражд. улож. Царства Польскаго, такъ и тѣмъ, что въ законодательныхъ соображеніяхъ къ ст. 3 гражд. улож., для ея поясненія, приведенъ примѣръ, касающійся ограниченія *дѣеспособности*: поэтому, говорится тамъ, если полякъ, считающійся несовершеннолѣтнимъ по своимъ отечественнымъ законамъ, совершитъ актъ за границей, онъ, все-таки, въ отношеніи этого акта будетъ признаваться несовершеннолѣтнимъ, хотя бы онъ и могъ быть признанъ совершеннолѣтнимъ на основаніи законовъ мѣста совершенія акта.

Но нынѣ, за отмѣной крѣпостной зависимости, вопросъ о способѣ опредѣленія общей правоспособности по русско-польскому междуобластному праву утратилъ прежнее значеніе. На всемъ пространствѣ государственной территоріи каждый подданный признается лицомъ, т. е. способнымъ быть субъектомъ права.

---

sonnes régissent les Français même résidants en pays étrangers. Въ ст. 3 гр. ул. это выражено такъ: prawom ściągającym się do stanu i zdolności osób, podlegają polacy poddani Królestwa polskiego, choćby za granicą mieszkali.

Такимъ образомъ въ гражданскомъ уложеніи слово Français замѣнено выраженіемъ *поляки, подданные Царства Польскаго*. Послѣ преобразованій, послѣдовавшихъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и направленныхъ къ прекращенію политической обособленности края, всѣ частные переводчики гражданскаго уложенія замѣнили выраженіе *поляки, подданные Царства Польскаго*—словомъ *туземцы*; въ виду закона 26 іюня 1868 г. было бы правильнѣе замѣнить означенное выраженіе словами *коренные жители*. Оффиціальнаго, т. е. утвержденнаго законодательнымъ порядкомъ, перевода подлиннаго, понынѣ обязательнаго, польскаго текста гражданскаго уложенія Царства Польскаго не имѣется.

[3]) См. Годлевскій, стр. 17.

Въ дѣйствительности возбуждается вопросъ не объ общей правоспособности опредѣленнаго лица, а о способности данной категоріи лицъ (напр., лицъ извѣстныхъ исповѣданій) быть субъектомъ конкретнаго права. Въ основаніи этихъ ограниченій лежатъ соображенія публичнаго права, а потому ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ предѣлы нашей задачи.

19. Въ законахъ нѣтъ прямого указанія, какими законами опредѣляется правоспособность коренныхъ жителей Имперіи, пребывающихъ въ губерніяхъ Царства. Но, если, по гражданскому уложенію, коренные жители Царства, пребывая въ имперскихъ губерніяхъ, подчиняются, въ отношеніи правоспособности, своимъ мѣстнымъ законамъ, то и въ обратномъ случаѣ слѣдуетъ признать, что общая правоспособность жителя Имперіи не можетъ измѣниться лишь вслѣдствіе пребыванія его въ другой части территоріи того же государства.

20. Въ русско-польскомъ междуобластномъ частномъ правѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ возникнуть сомнѣніе относительно общей правоспособности; едва-ли не единственный случай—слѣдующій. По началу, принятому имперскимъ законодательствомъ, дитя становится субъектомъ гражданскихъ правъ, если родится *живымъ*; дѣйствующій въ Царствѣ кодексъ Наполеона (ст. 725) не признаетъ гражданскихъ правъ за ребенкомъ, родившимся *лишь живымъ*, но не жизнеспособнымъ. Въ случаѣ рожденія нежизнеспособнаго ребенка отъ родителей, не водворенныхъ въ краѣ, можетъ возникнуть вопросъ какъ о правѣ такого ребенка наслѣдовать, такъ и о правѣ наслѣдованія послѣ него [4]). Вопросъ о правѣ такого нежизнеспособнаго ребенка на открывшееся *въ его пользу* наслѣдство разрѣшается, по моему мнѣнію, различно въ отношеніи имущества движимаго и недвижимаго, и притомъ относительно послѣдняго въ зависимости отъ того, расположено ли оно въ Царствѣ или въ Имперіи, но всегда на осно-

[4]) Ср. Zitelmann. II стр. 89.

ваніи тѣхъ законовъ, которыми опредѣлялись права наслѣдодателя на каждый изъ этихъ видовъ имущества (см. гл. VIII).

21. Что касается вопроса о правѣ наслѣдованія *посмъ* ребенка, рожденнаго нежизнеспособнымъ, то разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ предварительнаго установленія правоспособности такого ребенка. Правоспособность опредѣляется, какъ было изложено выше, законами не мѣста рожденія, а законами мѣста водворенія; такъ какъ ребенокъ считается водвореннымъ въ мѣстѣ, гдѣ его (законный) отецъ числится кореннымъ жителемъ, то въ зависимости отъ законовъ мѣста водворенія ребенка и должно быть разрѣшено сомнѣніе, считать ли ребенка, рожденнаго живымъ, но не жизнеспособнымъ, субъектомъ какихъ либо имущественныхъ правъ, а, стало быть, и способнымъ быть наслѣдодателемъ. Поэтому нежизнеспособный ребенокъ, рожденный отъ коренныхъ жителей Царства, признается какъ-бы вовсе не родившимся, и фактъ его рожденія и смерти не можетъ имѣть никакихъ гражданскихъ послѣдствій для кого либо; напротивъ, нежизнеспособный ребенокъ, родившійся отъ лицъ, не водворенныхъ въ Царствѣ, вслѣдствіе факта рожденія становится субъектомъ извѣстныхъ имущественныхъ правъ, а потому фактомъ его смерти открывается послѣ него наслѣдство.

Но, какъ уже было замѣчено, въ междуобластномъ частномъ правѣ вопросъ объ общей правоспособности имѣетъ лишь второстепенное значеніе; въ судебной практикѣ возбуждается обыкновенно лишь вопросъ о способности совершить опредѣленное юридическое дѣйствіе, то есть собственно вопросъ о дѣеспособности, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

ГЛАВА IV.

О дѣеспособности и объ ея ограниченіи.

22. Понятіе дѣеспособности.—23. Обстоятельства, вызывающія ограниченіе дѣеспособности. — 24. Законы, которыми опредѣляется дѣеспособность.—25. Порядокъ, въ которомъ ограничивается дѣеспособность несовершеннолѣтнихъ.—26. Порядокъ ограниченія дѣеспособности умалишенныхъ; рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1905 г. № 1.—27. Ограниченіе дѣеспособности расточителей.—28. Выводы изъ изложеннаго.—29. Практическія затрудненія, возникающія вслѣдствіе отсутствія единства опекунскихъ установленій Имперіи и Царства; вопросъ о продажѣ или залогѣ имущества подопечнаго.—30. Послѣдствія принципа территоріальности порядка установленія опеки.

22. Дѣеспособность—это состояніе лица, въ которомъ законъ признаетъ его способнымъ совершать юридическія дѣйствія.

23. Въ принципѣ, какъ по законамъ Имперіи, такъ и по мѣстнымъ законамъ Царства, дѣеспособенъ каждый, кто правоспособенъ и обладаетъ свободной волей. При отсутствіи способности къ объективной оцѣнкѣ явленій, нѣтъ воли свободной. Такое отсутствіе возможности свободнаго самоопредѣленія признается нормальнымъ во время несовершеннолѣтія, т. е. до достиженія лицомъ достаточной физической и умственной зрѣлости, и вызываетъ необходимость особаго попеченія о его личности и имуществѣ, выражающагося въ учрежденіи надъ нимъ опеки. Но свобода самоопредѣленія можетъ быть потеряна впослѣдствіи, по достиженіи совершеннолѣтія, либо въ видѣ утраты способности объективно относиться ко всѣмъ или къ извѣстной части явленій, т. е. вслѣдствіе одного изъ видовъ умопомѣшательства, или же въ видѣ расточительности, вслѣдствіе потери возможности объективной оцѣнки лишь явленій экономическихъ, имѣющихъ отношеніе къ собственному имуществу. Въ обоихъ случаяхъ наступаетъ необходимость опеки, т. е. охраны; въ случаѣ несовершеннолѣтія и умопомѣшательства охрана обнимаетъ личность и имущество, а при расточительности—лишь одно имущество.

Кромѣ того, законами установлены еще особыя ограни-

ченія дѣеспособности нѣкоторой категоріи лицъ совершать *извѣстныя*, точно опредѣленныя, юридическія дѣйствія, какъ, напр., открывать торговлю, обязываться векселями, быть душеприказчикомъ и т. под. Правила о такомъ спеціальномъ ограниченіи дѣеспособности подлежатъ разсмотрѣнію совокупно съ юридическими дѣйствіями, къ которымъ они относятся.

Въ отношеніи закономъ установленныхъ ограниченій дѣеспособности слѣдуетъ замѣтить, что, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ коммерческихъ, не всякая сдѣлка можетъ быть опорочена лишь въ виду отсутствія у одного изъ контрагентовъ надлежащей дѣеспособности при ея совершеніи. Въ интересахъ торговаго оборота такую сдѣлку, при добросовѣстности другого контрагента и отсутствіи съ его стороны явной неосмотрительности, слѣдуетъ, казалось бы, оставить въ силѣ, подобно тому, какъ при извѣстныхъ условіяхъ (гл. X § 71) покупка даже похищеннаго имущества ограждается отъ виндикаціи собственника, несмотря на то, что, по общему правилу (ст. 1599 код. Нап.), продажа чужой вещи недѣйствительна.

Любопытно въ этомъ отношеніи рѣшеніе Гражд. Касс. Департамента 1905 г. № 23, который призналъ, что, хотя по ст. 192 и 193 гражд. улож. Ц. П. мужу и принадлежитъ управленіе и пользовладѣніе имуществомъ жены, но что это „не исключаетъ права жены производить расходы и платежи изъ денегъ, находящихся у нея на рукахъ, получила ли она эти деньги въ свое распоряженіе отъ мужа, или онѣ переданы ей мужемъ изъ доходовъ съ ея имѣнія или изъ заработанныхъ ею“.

24. Въ законахъ имѣется прямое указаніе на то, что общая дѣеспособность опредѣляется законами коренного мѣста жительства. Это начало выражено прежде всего въ ст. 3 гражд. улож. Ц. П., по которой zdolność (capacité), т. е. дѣеспособность туземца, всюду, гдѣ бы онъ ни пребывалъ, опредѣляется его отечественными національными законами; въ примѣненіи этого начала къ русско-польскому междуобласт-

ному частному праву подъ національнымъ закономъ слѣдуетъ разумѣть законъ коренного жительства или водворенія. То же начало подтверждено въ ст. 30 правилъ 19 февраля 1875 года о примѣненіи къ Варшавскому судебному округу положенія о нотаріальной части (ст. 247 нот. полож. изд. 1883 г.), изданной въ дополненіе ст. 83 нот. пол.; нотаріусамъ вмѣняется въ обязанность удостовѣряться въ *законной правоспособности* лица, совершающаго актъ. При совершеніи акта, въ которомъ участвуютъ жители имперскихъ губерній, нотаріусы Варшавскаго судебнаго округа, на основаніи ст. 30 означенныхъ правилъ, обязаны установить ихъ правоспособность на основаніи общихъ законовъ, дѣйствующихъ въ Имперіи. Это же начало не можетъ не имѣть примѣненія и въ обратномъ случаѣ, т. е. когда имперскій нотаріусъ совершаетъ актъ, въ которомъ участвуетъ житель одной изъ губерній Царства; въ этомъ случаѣ правоспособность такого лица опредѣляется законами, дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Вообще законодательство, какъ имперское, такъ и мѣстное, не различаютъ особыми терминами дѣеспособность отъ правоспособности [1]), а употребляютъ сей послѣдній терминъ въ смыслѣ широкомъ, обнимающемъ и дѣеспособность; потому то, что сказано въ вышеприведенныхъ законахъ относительно правоспособности, имѣетъ примѣненіе и къ дѣеспособности. Дѣеспособность опредѣляется законами національными, т. е. законами мѣста водворенія; этотъ выводъ признанъ и Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. Кас. Деп. 1881 г. № 183, 1905 № 1).

Итакъ несовершеннолѣтіе, разстройство умственныхъ способностей и расточительность вызываютъ ограниченіе дѣеспособности. По законамъ Имперіи во всѣхъ, а по законамъ Царства лишь въ первыхъ двухъ случаяхъ назначается опека; по законамъ Царства ограниченіе дѣеспособности расточителей выражается въ формѣ болѣе мягкой; имъ на-

[1]) Ср., впрочемъ, ст. 1681 уст. гражд. суд. „Дѣла объ ограниченіи *дѣеспособности*“ и проч.

значается не опекунъ, а совѣтникъ (ст. 518 гражд. улож. и ст. 1681 уст. гражд. суд.).

25. Возбуждается вопросъ, въ порядкѣ какихъ законовъ—мѣста водворенія или мѣста пребыванія—подвергается ограниченію дѣеспособность коренныхъ жителей Имперіи, пребывающихъ въ губерніяхъ Царства, или наоборотъ. Хотя общая дѣеспособность, какъ мы видѣли, всегда опредѣляется законами мѣста водворенія [2]), но самый *порядокъ ея ограниченія* слѣдуетъ другому началу—принципу территоріальности [3]). Лицо, которое, по своему физическому или нравственному состоянію, можетъ нанести вредъ не только себѣ, но и третьимъ лицамъ, угрожаетъ интересамъ не только частнымъ, но и общественнымъ. Поэтому, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ губерніяхъ Царства вопросъ объ ограниченіи дѣе-

---

[2]) По ст. XXVIII Введ. Св. мѣстн. узак. губ. Прибалт. вопросы о правоспособности и дѣеспособности и о ея ограниченіи (по случаю несовершеннолѣтія, умопомѣшательства и пр.) разрѣшаются законами, дѣйствующими въ мѣстѣ жительства подлежащаго лица (ст. 3066) для лицъ того званія, къ которому оно принадлежитъ. Вопросъ о примѣнимости права земскаго, городского или крестьянскаго разрѣшается правилами о подвѣдомственности каждому изъ нихъ, установленными законами мѣста жительства (Ср. Erdmann 1889. System des Privatr. der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Curland. I стр. 50.)

[3]) Такъ же и по ст. XXXII Введ. Св. мѣстн. узак. Приб.—Гражд. Касс. Деп. 1901 № 114 призналъ, что по смыслу ст. XXXI и XXXII мѣст. узак. малолѣтнія дѣти мѣщанина гор. Варшавы, „какъ жительствующія въ гор. Ригѣ, гдѣ имѣлъ жительство и ихъ отецъ, состоятъ въ вѣдомствѣ мѣстныхъ судебныхъ мѣстъ гор. Риги и подлежатъ дѣйствію Лифляндскаго городского права какъ въ отношеніи родительской надъ ними власти ихъ матери, такъ и въ отношеніи порядка учрежденія надъ ними опеки, правъ и обязанностей ихъ опекуновъ“; „что дѣйствію Лифляндскаго городского права подчинены не только коренные обыватели лифляндскихъ городовъ, но всѣ вообще русскіе подданные и даже иностранцы, имѣющіе жительство въ городахъ Лифляндіи. Хотя въ ст. XXXI постановлено, что отношенія, возникающія изъ родительской власти, подлежатъ законамъ, дѣйствующимъ въ мѣстѣ жительства отца *и по его званію*, но постановленіе это должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что званіе отца опредѣляетъ подчиненіе отношеній, возникающихъ изъ родительской власти, праву городскому, или земскому, или крестьянскому, смотря по званію отца, но, во всякомъ случаѣ, праву мѣстному, по мѣсту жительства отца, но не по мѣсту его происхожденія или приписки“.

способности возбуждается самимъ органомъ публичной власти, прокуроромъ (ст. 491 гражд. улож.); цѣль опеки охранять тѣ и другіе интересы. По общему правилу, законамъ, охраняющимъ общественный порядокъ, подчиняются въ равной мѣрѣ всѣ, безъ исключенія, лица, пребывающія въ территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствія этихъ законовъ; это положеніе прямо выражено въ п. 1 ст. 3 гражд. улож. Царства Польскаго и признано Правительствующимъ Сенатомъ въ трехъ руководящихъ рѣшеніяхъ. По вопросу о порядкѣ учрежденія *опеки надъ несовершеннолѣтними* Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1880 № 17 призналъ, что надъ жителями Имперіи, временно пребывающими въ Царствѣ, а равно надъ жителями Царства, временно пребывающими въ Имперіи, опека учреждается по мѣстнымъ (территоріальнымъ) законамъ.

26. Вопросъ о порядкѣ ограниченія дѣеспособности и о сопряженномъ съ симъ освидѣтельствованіи *умалишенныхъ* въ теченіе многихъ лѣтъ не возбуждалъ никакихъ сомнѣній въ судебной практикѣ и всегда разрѣшался ею въ смыслѣ примѣнимости процессуальныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ мѣстѣ фактическаго пребыванія лица, состояніе здоровья котораго вызвало необходимость охраны его личности и имущества.

Отмѣняя состоявшееся въ 1904 году несогласное съ этимъ взглядомъ опредѣленіе Варшавской судебной палаты, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ 12 января 1905 г. (Сборн. 1905 № 1) постановилъ рѣшеніе, которое приводимъ in extenso, въ виду важности установленныхъ имъ положеній какъ относительно порядка освидѣтельствованія душевнобольныхъ, такъ и по вопросу о значеніи мѣста водворенія, мѣста жительства и фактическаго мѣстопребыванія.

„Правительствующій Сенатъ находитъ, что 19 февраля 1875 г. издано было Высочайше утвержденное положеніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. къ Варшавскому судебному округу и уставъ объ особыхъ производствахъ въ семъ округѣ. Въ отношеніи порядка освидѣтельствованія лицъ, страждущихъ душевною болѣзнью, огра-

ниченія ихъ дѣеспособности и охраны ихъ личности и имущества преподаны въ ст. 27—34 уст. об. особ. произв. въ Варшавскомъ судебномъ округѣ спеціальныя правила, содержащія прямое указаніе на сохраненіе дѣйствія ст. 489—521 гражд. улож. Царства Польскаго 1825 г., касающихся законнаго прещенія и ограниченія дѣеспособности. Изъ точнаго смысла ст. 27 уст. особ. произв. (ст. 1673 уст. гражд. суд.) видно, что возможность принятія мѣръ къ охранѣ личности и имущества лица, подвергшагося разстройству умственныхъ способностей, не пріурочена закономъ ни къ мѣсту, гдѣ это лицо числится кореннымъ жителемъ (мѣсту водворенія), ни къ его постоянному мѣсту жительства, съ которымъ его связываютъ главнѣйшіе имущественные интересы (ст. 204 уст. гражд. суд.). На основаніи ст. 1673 уст. гражд. суд. просьба о признаніи лица состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ подается въ окружный судъ по мѣсту жительства сего лица и разсматривается судомъ либо по ходатайству лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ судьбѣ больного (ст. 490 гражд. улож.), либо по предложенію прокурора, въ огражденіе какъ самого больного, такъ и общественнаго порядка. Притомъ въ законѣ не содержится никакихъ указаній на то, чтобы дѣйствіе означенныхъ правилъ распространялось лишь на извѣстную категорію лицъ, жительствующихъ въ предѣлахъ округа суда, напр., лишь на коренныхъ жителей губерній Царства Польскаго или только на тѣхъ, кои владѣютъ недвижимыми имуществами въ обѣихъ частяхъ Имперіи или лишь въ которой либо изъ нихъ; поэтому слѣдуетъ признать, что установленному въ приведенныхъ законахъ порядку охраны личности и имущества подлежатъ въ равной мѣрѣ всѣ лица, подвергшіяся душевной болѣзни и пребывающія по какому либо случаю въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Вообще нельзя не замѣтить, что какъ общеимперскіе законы, такъ и законы, дѣйствующіе въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, при установленіи порядка признанія неправоспособности лица по случаю умственнаго его разстройства, пріурочиваютъ этотъ порядокъ къ мѣсту фактическаго его пребыванія. Такъ, по общеимперскимъ законамъ (ст. 368—372 т. X ч.), осви-

дѣтельствованіе лица производится присутственнымъ мѣстомъ, въ округѣ котораго лицо это фактически находится, при чемъ ст. 370 даже указываетъ, что освидѣтельствованіе производится по законамъ той страны, въ которой лицо свидѣтельствуемое фактически пребываетъ. Точно такъ же и законы Варшавскаго судебнаго округа имѣютъ въ виду мѣсто фактическаго пребыванія лица, о признаніи неправоспособности котораго возбуждено дѣло. Такъ, ст. 1673 уст. гражд. суд. говоритъ о судѣ по мѣсту жительства этого лица, а ст. 1677 того же устава опредѣляетъ, что медицинское освидѣтельствованіе лица производится въ присутствіи суда, а изъ этого слѣдуетъ, что лицо свидѣтельствуемое находится въ мѣстѣ нахожденія суда. Вышеизложенный выводъ не противорѣчитъ и тому соображенію, что правоспособность и дѣеспособность опредѣляются, по общему правилу, законами мѣстъ водворенія, такъ какъ самый порядокъ ограниченія дѣеспособности умалишенныхъ, ихъ освидѣтельствованія и порядокъ принятія мѣръ, съ цѣлью охраны ихъ личности и имущества, относятся къ законамъ о судопроизводствѣ, имѣющимъ, подобно другимъ постановленіямъ, касающимся общественнаго порядка, безусловное примѣненіе въ территоріальныхъ предѣлахъ ихъ дѣйствія (ст. 3 гражд. улож.). По симъ соображеніямъ слѣдуетъ признать, что коренные жители Имперіи, пребывающіе въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, подлежатъ освидѣтельствованію, по причинѣ умопомѣшательства съ цѣлью охраны ихъ личности и имущества посредствомъ признанія ихъ состоящими подъ законнымъ прещеніемъ, на основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ означенномъ округѣ".

27. На основаніи ст. 1681 уст. гражд. суд. дѣла объ ограниченіи дѣеспособности *расточителей* разрѣшаются тѣмъ же порядкомъ, который въ ст. 1673—1680 уст. гражд. суд. установленъ для учрежденія опеки надъ душевнобольными, т. е. процессуальными правилами фактическаго мѣста пребыванія, независимо отъ мѣста водворенія расточителя. Территоріальное начало положено и въ основаніе дѣйствующихъ въ имперскихъ губерніяхъ и приложенныхъ къ ст. 150 уст. пред. прест.

(Св. зак. т. XIV изд. 1890 г.) правилъ объ учрежденіи опекъ надъ имѣніями расточителей. Въ рѣшеніи 1893 г. №50 Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ разъяснено, что дѣеспособность лица, признаннаго установленнымъ для сего порядкомъ расточителемъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, должна считаться ограниченною не только въ предѣлахъ края, но и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ Имперіи *въ той мѣрѣ, въ какой дѣеспособность расточителя ограничивается по мѣстнымъ законамъ*, дѣйствующимъ въ сихъ губерніяхъ. Поэтому, напр., сдѣлка, заключенная такимъ расточителемъ въ одной изъ внутреннихъ губерній Имперіи, безъ требуемаго по означеннымъ мѣстнымъ законамъ содѣйствія назначеннаго расточителю совѣтника, должна быть признана недѣйствительной.

28. На основаніи всего вышеизложеннаго слѣдуетъ признать установленнымъ: 1) что *порядокъ* производства дѣлъ объ ограниченіи дѣеспособности всегда опредѣляется территоріальными законами фактическаго мѣста пребыванія лица, котораго дѣло касается; 2) что состоявшееся въ порядкѣ, установленномъ въ одной части государства, постановленіе объ ограниченіи дѣеспособности имѣетъ полную силу и дѣйствіе въ предѣлахъ всей государственной территоріи.

29. Нельзя однако не признать, что въ виду различія учрежденій, которымъ ввѣрено попеченіе о лицахъ, нуждающихся въ опекѣ, могутъ возникнуть большія затрудненія при приведеніи въ исполненіе въ губерніяхъ имперскихъ судебныхъ опредѣленій объ учрежденіи опеки, состоявшихся въ губерніяхъ Царства, или наоборотъ. На основаніи ст. 1152—1174 и 1181—1185 общ. губ. учр. (Св. зак. т. II изд. 1892 г.) опекунскія учрежденія Имперіи—дворянскія опеки и сиротскіе суды—суть установленія постоянныя и, притомъ, сословныя; кругъ вѣдомства каждаго изъ нихъ пріуроченъ къ извѣстной территоріи, а именно къ мѣсту жительства лица, подлежащаго опекѣ, или къ мѣсту нахожденія недвижимаго имущества. Законодательству, дѣйствующему въ губерніяхъ Царства Польскаго, совершенно чуждо понятіе сословности; мѣсто нахожде-

нія недвижимаго имущества не принимается въ разсчетъ при учрежденіи семейнаго совѣта, на который возложены функціи опекунскихъ установленій. Семейный совѣтъ учреждается по мѣсту жительства лица, подлежащаго опекѣ, мѣстнымъ мировымъ судьей или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лавникомъ гминнаго суда (ст. 1663 уст. гражд. суд.; пост. Учр. ком. $\frac{30 \text{ іюня}}{12 \text{ іюля}}$ 1866 г.; Дн. Зак. т. 65 стр. 382; пост. Учр. ком. $^{7}/_{19}$ іюня 1868 г., Дн. Зак., т. 68 стр. 238); въ его составъ приглашаются родственники опекаемаго, а за неимѣніемъ ихъ, даже постороннія лица; вѣдѣнію семейнаго совѣта подлежитъ всякое имущество опекаемаго, независимо отъ его состава и мѣстонахожденія въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа.

По законамъ какъ Имперіи (ст. 277 и 288 Св. зак. т. X ч. I), такъ и Царства (ст. 434 и 435 гражд. улож.) продажа и залогъ (обремененіе ипотекой) недвижимаго имѣнія несовершеннолѣтнихъ допускается не иначе, какъ съ согласія опеки, и притомъ въ губерніяхъ имперскихъ—съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, а въ губерніяхъ Царства—съ утвержденія окружнаго суда. Вопросъ о томъ, можетъ ли съ согласія семейнаго совѣта и утвержденія суда подлежать продажѣ или залогу имѣніе, расположенное въ одной изъ имперскихъ губерній, или, наоборотъ, могутъ ли какое либо имперское опекунское установленіе и Правительствующій Сенатъ разрѣшить продажу недвижимости, находящейся въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, разрѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. Опекунскія установленія являются учрежденіями административными, компетенція которыхъ, въ отношеніи состоящаго въ ихъ вѣдѣніи недвижимаго имущества опекаемыхъ, распространяется лишь на извѣстную территорію. Хотя высшій надзоръ по вопросамъ, касающимся этого имущества, и возложенъ на судебныя установленія, но въ этихъ случаяхъ судебныя установленія дѣйствуютъ лишь въ качествѣ высшихъ опекунскихъ инстанцій; поэтому за постановленіями судебныхъ мѣстъ (въ Имперіи—Правительствующаго Сената, а въ губерніяхъ Царства—окружныхъ судовъ и Варшавской судебной палаты), состоявшимися въ порядкѣ ревизіонномъ или въ порядкѣ жа-

лобы на опекунскія установленія, не можетъ быть признана сила, присвоенная ст. 893 уст. гражд. суд. лишь судебнымъ рѣшеніямъ, а не административнымъ постановленіямъ, отъ какой бы власти послѣднія ни исходили [4]). Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія даетъ учрежденіе особой опеки по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества: при существованіи въ губерніяхъ имперскихъ опеки надъ личностью опекаемаго, владѣющаго недвижимостью въ губерніяхъ Царства, необходимо озаботиться собраніемъ семейнаго совѣта; если же учрежденъ семейный совѣтъ по дѣламъ опекаемаго, владѣющаго недвижимымъ имѣніемъ въ Имперіи, то слѣдуетъ учредить особую опеку надъ каждымъ имѣніемъ, по территоріальной компетенціи подлежащаго сословнаго опекунскаго установленія. Какъ этотъ порядокъ ни сложенъ, онъ единственно законный. Возникающія отъ сего хозяйственныя неудобства и столкновенія очевидны. Опека требуетъ единства; потому желательно, чтобы центральное управленіе имуществами опекаемаго было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ [5]).

---

[4]) Въ противоположномъ смыслѣ высказался Гражд. Касс. Деп. въ рѣшеніи 1901 г. № 22 по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли испрашивать разрѣшеніе Сената (ст. 277 п. 3 и прим. къ ст. 377 т. X. ч. I) на продажу недвижимаго имущества не проживающей въ Россіи *иностранной* подданной, надъ личностью и имуществомъ которой, за признаніемъ ея умалишенною, учреждена опека по законамъ ея государства (Англіи). Но, если по ст. 1273 уст. гражд. суд. даже рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ лишь по особому международному договору подлежатъ исполненію въ Россіи, то тѣмъ менѣе можетъ быть признана исполнительная сила за административными постановленіями иноземныхъ властей (ср. Гражд. Касс. Деп. 1882 № 58, 1881 № 32, 1893 № 65). Мнѣ представляется, что это рѣшеніе, какъ недостаточно обоснованное и касающееся *международнаго* частнаго права, не можетъ имѣть примѣненія къ аналогичнымъ вопросамъ права *междуобластного*.—Впрочемъ, въ томъ же смыслѣ, какъ Сенатъ, высказалась Варшавская судебная палата 20 окт. 1883 г. (*Карпинскій* № 799), признавъ, что учрежденная въ Берлинѣ опека надъ состоящимъ подъ законнымъ прещеніемъ прусскимъ подданнымъ можетъ продать его недвижимое имущество, находящееся въ Царствѣ Польскомъ, не прибѣгая къ публичной продажѣ, какъ это требуется законами Царства Польскаго.—*Шалландъ* (Право 1901 № 43) признаетъ правильнымъ рѣшеніе Сената 1901 г. № 22.

[5]) Ср. *Побѣдоносцевъ*—Курсъ гражд. права, II, 1871 г., стр. 174.

30. Принципъ территоріальности въ отношеніи порядка установленія опеки по необходимости влечетъ за собой подчиненіе мѣстному законодательству и дальнѣйшихъ отношеній между опекой и опекаемымъ, а также установленіе предѣловъ вмѣшательства опекаемаго въ управленіе его имуществомъ. Такимъ образомъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ коренной житель Имперіи, подчиненный семейному совѣту, не можетъ пользоваться правомъ избранія попечителя на основаніи ст. 219 Св. зак. т. X ч. I; права его по управленію имуществомъ, находящимся въ вѣдѣніи семейнаго совѣта, опредѣляются не ст. 220 т. X, а ст. 467 и слѣд. гражд. улож. Царства Польскаго, т. е. обусловливаются признаніемъ его самостоятельнымъ.

Точно такъ же мать-опекунша, состоящая коренной жительницей Имперіи, вступившая въ бракъ безъ предварительнаго созванія семейнаго совѣта, для опредѣленія, должна ли опека за ней остаться, въ силу самаго закона лишается опеки надъ имуществомъ ея дѣтей, состоящимъ въ вѣдѣніи семейнаго совѣта (ст. 361 гражд. улож.); разумѣется, что несоблюденіе ст. 361 гражд. улож. не препятствуетъ ей удержать за собой опекунскія обязанности въ отношеніи того имущества ея дѣтей, которое расположено въ губерніяхъ имперскихъ и опека надъ которымъ учреждена въ порядкѣ, указанномъ имперскими законами.

ГЛАВА V.

О формѣ актовъ.

31. Значеніе правила—locus regit actum.—32. Признаніе этого начала законодательствомъ Имперіи и Царства (дареніе). — 33. Изъятіе изъ этого правила.—34. Его примѣненіе къ предбрачнымъ договорамъ.—35. Его примѣненіе къ актамъ правительственнымъ (ст. 467 учр. суд. уст.).—36. Порядокъ удостовѣренія наслѣдственныхъ правъ по закону и по завѣщанію.—37. Производство дѣлъ о раздѣлѣ наслѣдства.—38. Производство дѣлъ о вводѣ во владѣніе и о выкупѣ родовыхъ имуществъ.—39. Дѣла о безвѣстномъ отсутствіи.—40. Дѣла объ узаконеніи и о признаніи внѣбрачныхъ дѣтей въ Варшавскомъ судебномъ округѣ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1898 г. № 32).—41. Тѣ же дѣла въ судахъ имперскихъ.—42. Дѣла объ усыновленіи въ судахъ Имперіи и Царства.—43. Недостаточность ст. 467 учр. суд. уст.—44. Необходимость дополненія закона.

31. Воля, не проявившаяся осязательно, юридически безразлична. Поэтому для каждаго конкретнаго юридическаго дѣйствія необходима наличность не только субъективныхъ условій—правоспособности и дѣеспособности,—но и условія объективнаго—выраженія воли способомъ, опредѣленнымъ въ законѣ; наличность этихъ трехъ условій устанавливаетъ юридическій актъ; отсюда важность ученія о формѣ, въ которую должны быть облечены акты для того, чтобы они могли имѣть юридическія послѣдствія. Эти соображенія относятся къ актамъ, служащимъ выраженіемъ воли частныхъ лицъ.

Что касается актовъ правительственныхъ, то юридическія ихъ послѣдствія обусловливаются изданіемъ ихъ въ установленномъ порядкѣ, т. е. властью подлежащею, къ изданію ихъ уполномоченною, и съ соблюденіемъ формы, установленной для этого рода актовъ.

По общему правилу, насколько дѣйствительность акта зависитъ отъ его формы, сила всякаго акта обусловливается соблюденіемъ формъ и обрядовъ, установленныхъ законами мѣста его совершенія [1]); соблюденіе этихъ формъ и обря-

---

[1]) На основаніи ст. XXXVI введ. къ III ч. св. мѣстн. узак. губ. Прик. „къ формѣ сдѣлокъ (договоровъ, а равно и предсмертныхъ распоряженій) могутъ быть примѣняемы законы, дѣйствующіе *какъ* въ томъ судебномъ округѣ, въ которомъ сдѣлка *должна быть* приведена въ дѣйствіе, *такъ* и въ той мѣстности, въ которой она состоялась“. Но законы мѣста совершенія безусловно обяза-

довъ обезпечиваетъ дѣйствительность акта и въ мѣстѣ его исполненія, хотя бы въ семъ послѣднемъ и существовали иныя правила въ этомъ отношеніи.

Таковъ смыслъ правила—locus regit actum.

Изъ этого видно, что правило locus regit actum по своему существу является нормой матеріальнаго права; оно предполагаетъ, что формы и обряды, отъ соблюденія которыхъ зависитъ сила акта, различно опредѣляются законами мѣста совершенія и мѣста исполненія; наконецъ, правило locus regit actum—имѣетъ значеніе ссылочное: вмѣсто перечисленія существенныхъ для дѣйствительности актовъ формъ и обрядовъ въ мѣстѣ исполненія въ тѣхъ случаяхъ, когда акты совершены въ другомъ мѣстѣ, оно восполняетъ законы мѣста исполненія общей ссылкой на законы мѣста совершенія и тѣмъ самимъ расширяетъ пространство дѣйствія законовъ мѣста совершенія акта [2]).

Въ области международнаго права соображенія цѣлесообразности, интересы международнаго общенія заставили, по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила, признавать въ мѣстѣ исполненія дѣйствительность актовъ, удовлетворяющихъ требованіямъ законовъ мѣста ихъ совершенія.

Но въ междуобластномъ гражданскомъ правѣ правило locus regit actum оправдывается не только соображеніями цѣлесообразности, но и является логическимъ выводомъ изъ начала единства воли верховной власти. Несовмѣстимы отрицаніе и утвержденіе; потому нельзя въ одной части госу-

---

тельны, когда соглашеніе относится не исключительно къ области частнаго права, а касается и области публичнаго права, наприм., бракъ; ср. Erdmann, стр. 65.

Гражд. Касс. Деп. 1907 г. № 8, основываясь на ст. 1077 т. X. ч. I и ст. XXXVI введ. къ III ч. св. мѣстн. узак., призналъ, что судъ губерніи, состоящей на общихъ, безъ мѣстныхъ изъятій, правахъ, не можетъ отказать въ утвержденіи къ исполненію составленнаго въ Прибалтійскомъ краѣ взаимнаго духовнаго завѣщанія (2409 ст. III ч. св. мѣстн. узак.) на томъ основаніи, что завѣщаніе это, въ нарушеніе ст. 1032 т. X ч. 1, содержитъ въ себѣ изъявленіе воли двухъ лицъ.

[2]) Zitelmann, II, стр. 143 и слѣд. Исаченко—Гражданскій процессъ, 1893 г. т. IV, стр. 62 и слѣд.

дарства отвергать силу акта, признаваемаго дѣйствительнымъ въ другой части того же государства.

Такимъ образомъ, силой принципа locus regit actum происходитъ расширеніе территоріальныхъ предѣловъ дѣйствія разномѣстныхъ законовъ.

32. Въ русско-польскомъ междуобластномъ частномъ правѣ начало такому распространенію дѣйствія мѣстныхъ польскихъ законовъ на губерніи имперскія и общихъ имперскихъ законовъ на губерніи Царства Польскаго положено въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

12 января 1838 года былъ изданъ законъ, по ст. 5 котораго „дѣйствительность долгового обязательства, договора или иного акта опредѣляется на основаніи законовъ того края, по узаконеніямъ и формамъ коего акты были совершены“. Это правило было буквально воспроизведено въ п. 11 Высочайше утвержденнаго 11 іюля 1852 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта; оно вошло въ общеимперское законодательство (см. гл. I §§ 7 и 9 и гл. XI § 75) и никакими послѣдующими законами не отмѣнено. Наконецъ въ ст. 26 правилъ 19 февраля 1875 г. о примѣненіи къ Варшавскому судебному округу положенія о нотаріальной части (ст. 243 нот. пол., изд. 1883 г.) прямо предписывается нотаріусамъ Варшавскаго судебнаго округа при совершеніи актовъ, независимо отъ мѣста предполагаемаго по нимъ исполненія, соблюдать особыя правила и формы, установленныя мѣстными гражданскими законами.

Въ виду изложеннаго слѣдуетъ, напримѣръ, признать, что по ст. 931 код. Нап., въ территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствія этого закона, дареніе всякаго имущества, даже движимаго, если оно облекается въ письменную форму, можетъ быть совершено лишь посредствомъ нотаріальнаго акта, хотя бы даримое имущество находилось и въ такой части государства, по законамъ которой не требуется этой торжественной формы для дѣйствительности дара (см. гл. X § 72).

Правило locus regit actum положительно подтверждается какъ гражданскими законами Имперіи, уставомъ граждан-

скаго судопроизводства, такъ и дѣйствующими въ губерніяхъ Царства гражданскимъ уложеніемъ и кодексомъ Наполеона. Хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣются въ виду собственно такіе акты, которые совершены заграницей, но, согласно совершенно правильному разъясненію Правительствующаго Сената (Гражд. Касс. Деп. 1884 г. № 140), означенныя нормы международнаго частнаго права, по аналогіи, въ силу ст. 9 уст. гражд. суд., имѣютъ примѣненіе и по отношенію къ актамъ и договорамъ, совершеннымъ хотя и въ предѣлахъ Россійскаго государства, но въ такихъ областяхъ, гдѣ дѣйствуютъ особые законы. Такимъ образомъ означенныя постановленія могутъ служить руководствомъ и при разрѣшеніи вопросовъ, вызываемыхъ столкновеніемъ всякихъ разномѣстныхъ законовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законахъ не имѣется положительныхъ указаній по сему предмету.

Эти постановленія слѣдующія: ст. 1077—1079 Свод. зак. т. X ч. 1 предоставляютъ русскимъ подданнымъ, пребывающимъ заграницей, совершать духовныя завѣщанія по обряду страны, въ которой они находятся. Ст. 464, 707, 708 и 1540 уст. гражд. суд. подтверждаютъ дѣйствительность договоровъ и актовъ, совершенныхъ заграницей по мѣстнымъ законамъ. То же начало выражено въ ст. 84 и 94 гражд. улож.—въ отношеніи метрикъ и актовъ гражданскаго состоянія; въ ст. 999 код. Наполеона—относительно духовныхъ завѣщаній, а въ ст. 2 ипот. уст. 1818 г.—относительно сдѣлокъ, касающихся ипотекованныхъ недвижимостей.

Въ виду всѣхъ этихъ указаній закона, освящающихъ принципъ locus regit actum, не можетъ подлежать сомнѣнію, что акты, совершенные лицами, водворенными въ одной области, временно пребывающими въ другой, сохраняютъ силу на всемъ пространствѣ государственной территоріи, даже если эти акты соотвѣтствуютъ лишь формамъ, установленнымъ законами, дѣйствующими въ мѣстѣ, въ которомъ пребывало лицо во время совершенія актовъ.

33. Таково общее правило, изъ котораго однако установлены закономъ извѣстныя исключенія. Эти изъятія изъ

правила locus regit actum допущены либо для извѣстныхъ правоотношеній въ виду *ихъ предмета*, либо для случаевъ, когда самое существованіе правоотношенія поставлено въ зависимость отъ опредѣленнаго въ законѣ *способа* его удостовѣренія. Такъ, напр., по ст. 11 ипот. уст. 1818 г. никакой актъ не можетъ установить вещнаго права на ипотекованную недвижимость, если онъ не внесенъ въ подлежащую ипотечную книгу. По ст. 207 и 208 гражд. улож. договоры, коими устанавливаются имущественныя отношенія между супругами, могутъ быть заключены не иначе, какъ до вступленія въ бракъ, и притомъ посредствомъ акта, совершеннаго у нотаріуса; эти договоры будутъ недѣйствительны, если о нихъ не будетъ упомянуто въ актѣ о бракосочетаніи.

34. Возбуждается вопросъ: какъ поступить въ томъ случаѣ, когда по законамъ мѣста совершенія брака не полагается вносить въ актъ о бракосочетаніи свѣдѣнія, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ священнодѣйствію [3]).

Мнѣ кажется, что для сохраненія силы предбрачнаго договора между самими сочетавшимися бракомъ несомнѣнно будетъ достаточно *удостовѣренія* подлежащей духовной власти *объ отказѣ* во внесеніи въ метрическое свидѣтельство о бракѣ оговорки о предъявленіи заключеннаго предбрачнаго договора. Но и по отношенію къ третьимъ лицамъ [4]), напр., кредиторамъ супруговъ, такое удостовѣреніе должно имѣть силу, если только оно свидѣтельствуетъ, что предбрачный

---

[3]) Формы метрическихъ книгъ и свидѣтельствъ указаны въ законахъ о состояніяхъ (Свод. зак. т. IX, изд. 1899 г.). Форма метрической книги о бракосочетавшихся, приложенная къ ст. 861, для православнаго исповѣданія, не допускаетъ внесенія иныхъ свѣдѣній, не относящихся „исключительно по отношенію къ событію церковнаго вѣнчанія“ (сравн. ст. 880 п. 2). Форма, приложенная къ ст. 904 для протестантскихъ исповѣданій (графа: общія замѣчанія) и къ ст. 913 для записки сочетанія браковъ между евреями (графа: главные акты или записи и обязательства между вступающими въ бракъ и свидѣтели оныхъ), не исключаетъ возможности внесенія свѣдѣній, не имѣющихъ прямого отношенія къ духовному обряду. Для исповѣданія римско-католическаго (ст. 882) въ законѣ форма книгъ не установлена.

[4]) Ср. Законодательные мотивы ст. 208 гражд. улож. Godlewski, стр. 258.

договоръ былъ заключенъ до совершенія брака и что о его заключеніи было заявлено во время внесенія брака въ метрическую книгу. При полной несомнѣнности соглашенія, вступленіе въ которое разрѣшается кореннымъ жителямъ одной части государственной территоріи, несмотря на ихъ пребываніе въ другой, нельзя отвергать дѣйствительности этого соглашенія лишь по невозможности въ другой части государственной территоріи облечь его въ форму, хотя и не вполнѣ соотвѣтствующую законамъ, которымъ подвѣдомо это соглашеніе, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно удостовѣряющую его существованіе.

35. Выше было замѣчено, что, по общему правилу, положеніе locus regit actum примѣняется не только къ договорамъ, но и къ актамъ правительственнымъ, а стало быть и къ актамъ судебнымъ, опредѣляющимъ права и обязанности. Слѣдуетъ теперь остановиться на исключеніи изъ этого общаго правила, установленномъ для нѣкоторыхъ актовъ судебныхъ; замѣтимъ притомъ, что загадочный лаконизмъ закона, при отсутствіи всякой литературной разработки этого вопроса, способенъ ввести судебныя мѣста въ такія заблужденія, которыя могутъ стать роковыми для заинтересованныхъ лицъ [5]). Мы имѣемъ въ виду ст. 467 учр. суд. уст. (ст. 248 пол. 19 февраля 1875 г.), которая изложена слѣдующимъ образомъ: постановленія Судебныхъ Уставовъ, которыя не примѣняются въ губерніяхъ Варшавскаго судебнаго округа, вслѣдствіе дѣйствія въ сихъ губерніяхъ ипотечнаго порядка, особыхъ гражданскихъ законовъ, либо иныхъ узаконеній, или же въ примѣненіи видоизмѣняются по причинамъ, указаннымъ въ предшедшихъ статьяхъ 465 и 466 и въ статьѣ 1524 устава гражданскаго судопроизводства, должны быть соблюдаемы въ точности по отношенію къ правамъ, опредѣляемымъ и охраняемымъ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи узаконеніями.

---

[5]) Моя статья „О защитѣ гражданскихъ правъ коренныхъ жителей Царства Польскаго въ судахъ Имперіи". Вѣстникъ Права. Мартъ. 1905.

По точному смыслу этого закона, въ Варшавскомъ судебномъ округѣ устанавливаются для одной и той же категоріи правъ два различныхъ судебныхъ производства въ зависимости отъ того, опредѣляется и охраняется ли данное право законами Имперіи или законами Царства; если право опредѣляется и охраняется законами Царства, то по отношенію къ нему, въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа, примѣняются особыя узаконенія, въ ст. 467 перечисленныя и отмѣняющія правила уставовъ, дѣйствующія въ прочихъ частяхъ Имперіи; если же право опредѣляется и охраняется законами Имперіи, то по отношенію къ нему и въ Варшавскомъ судебномъ округѣ соблюдаются общія постановленія уставовъ, несмотря на ихъ замѣну особыми узаконеніями, упомянутыми въ ст. 467. Такимъ образомъ оказывается, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сомнѣніе въ примѣнимости правилъ общаго имперскаго судопроизводства, или правилъ судопроизводства, установленнаго спеціально для Варшавскаго судебнаго округа, разрѣшается предварительнымъ установленіемъ, какими законами, имперскими или Царства, опредѣляется и охраняется данное право.

Какія же именно постановленія Судебныхъ Уставовъ не примѣняются, по общему правилу, въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, и въ какихъ исключительныхъ случаяхъ примѣненіе ихъ становится обязательнымъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ? Эти постановленія, насколько они имѣютъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу о „правахъ, опредѣляемыхъ и охраняемыхъ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи узаконеніями“,—слѣдующія.

36. Въ силу ст. 1 устава объ особыхъ производствахъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ 15 февраля 1875 г. (ст. 1646 уст. гражд. суд. 1883 г.), на Варшавскій округъ не распространяются постановленія Судебныхъ Уставовъ о судопроизводствѣ охранительномъ (ст. 1401—1460), но замѣняются этимъ уставомъ.

Ст. ст. 1401—1408 судопроизводства охранительнаго устанавливаютъ порядокъ судебнаго удостовѣренія наслѣдствен-

ныхъ правъ, основанныхъ на законѣ или на завѣщаніи (ст. 1408 прим. по прод. 1890 г.).

Мѣстными гражданскими законами установленъ особый порядокъ оффиціальнаго удостовѣренія наслѣдственнаго преемства лишь для правъ, внесенныхъ въ ипотечныя книги (ст. 125 ипот. уст. 1818 г.); въ отношеніи всякихъ иныхъ правъ такого удостовѣренія не требуется. По ст. 724 гражд. код. законные наслѣдники, а по ст. 1006 гражд. код. и общій легатарій, вступаютъ въ обладаніе наслѣдствомъ (saisine) по силѣ самаго закона; общій легатарій долженъ просить о вводѣ его во владѣніе завѣщаннымъ ему имуществомъ лишь въ томъ случаѣ, когда завѣщаніе было не нотаріальное, а собственноручное или тайное (ст. 1007 и 1008 гражд. код.).

Иной порядокъ удостовѣренія наслѣдственныхъ правъ установленъ имперскими законами.

На основаніи ст. 1060 зак. гражд. всякое духовное завѣщаніе должно быть представлено въ судъ для утвержденія къ исполненію его и, притомъ, въ опредѣленный срокъ. Что касается наслѣдниковъ по закону, то, хотя въ принципѣ они не нуждаются въ судебномъ удостовѣреніи ихъ наслѣдственныхъ правъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1867 № 384; 1877 № 310 и мн. др.), но начало saisine, т. е. непосредственнаго перехода наслѣдственныхъ правъ, въ законѣ прямо не выражено; кредитныя установленія, какъ государственныя, такъ и иныя, освобождены отъ обязанности провѣрять права наслѣдниковъ вкладчиковъ, и, по ихъ уставамъ, въ случаѣ смерти вкладчиковъ, выдаются вклады лишь тому, кто представитъ удостовѣреніе суда объ утвержденіи его въ правахъ наслѣдства. При такихъ обстоятельствахъ, утвержденіе въ правахъ наслѣдства хотя и факультативно, но въ дѣйствительности обыкновенно необходимо.

На основаніи ст. 1 и 3 закона 5 іюля 1844 г. (Дн. Зак. т. 35 стр. 132), соотвѣтствующихъ ст. 1287 и 1289 зак. гражд. (Св. зак. т. X ч. 1), право наслѣдованія въ движимомъ имуществѣ и право завѣщательнаго распоряженія таковымъ опредѣляется личными статутами наслѣдодателя, т. е. права наслѣдниковъ коренного жителя Имперіи,

умершаго въ губерніяхъ Царства, опредѣляются и охраняются общими законами Имперіи, а права наслѣдниковъ умершаго въ Имперіи коренного жителя Царства опредѣляются и охраняются законами Царства; притомъ мѣсто нахожденія наслѣдственнаго движимаго имущества совершенно безразлично.

На основаніи изложеннаго я прихожу къ заключенію, что на точномъ основаніи ст. 467 учр. суд. уст. въ Варшавскомъ судебномъ округѣ имѣютъ обязательное примѣненіе ст. 1401—1408 уст. гражд. суд. въ случаѣ заявленія ходатайства объ утвержденіи кого либо въ правахъ наслѣдства къ движимому имуществу, оставшемуся послѣ коренного жителя Имперіи, или просьбы объ утвержденіи къ исполненію духовнаго завѣщанія коренного жителя Имперіи, если предметомъ завѣщанія является какая либо движимость или недвижимое имущество, находящееся въ губерніяхъ имперскихъ; соблюденіе этого процессуальнаго порядка зависитъ, какъ подробнѣе изложено въ главѣ IX §§ 67 и 68, не отъ *формы* завѣщанія, а обусловливается тѣмъ, что основанное на завѣщаніи право наслѣдованія опредѣляется и охраняется дѣйствующими въ Имперіи узаконеніями.

Такъ какъ законъ 5 іюля 1844 г. содержалъ нормы не только междуобластного матеріальнаго, но и процессуальнаго права, и въ положеніи 19 февраля 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу прямого указанія объ отмѣнѣ въ чемъ либо этого закона не имѣется, то и возбуждался вопросъ о сохраненіи въ силѣ ст. 6 закона 5 іюля 1844 г., по которой духовныя завѣщанія коренныхъ жителей Имперіи, умершихъ въ Царствѣ, подлежали разсмотрѣнію судебными мѣстами края, къ коему умершій принадлежалъ по постоянному его водворенію. Но этотъ вопросъ разрѣшается въ смыслѣ отрицательномъ, какъ вышеприведенною статьей 467 учр. суд. уст., такъ и ст. 249 полож. 19 февраля 1875 г., по силѣ которой отмѣняются всѣ узаконенія, несогласныя съ постановленіями уставовъ 20 ноября 1864 г., съ тѣми измѣненіями, которыя въ нихъ сдѣланы настоящимъ положеніемъ [6]). Кромѣ того, Правитель-

[6]) При кодификаціи положенія 19 февраля 1875 г. статья 249 упущена.

ствующій Сенатъ по соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ рѣшеніи 1880 г. № 117, призналъ, что правилами 5 апрѣля 1869 г. о порядкѣ утвержденія къ исполненію духовныхъ завѣщаній и явки оныхъ (ст. 1060—1066[14] зак. гражд.) дополненъ законъ 5 іюля 1844 г.; „вслѣдствіе сего духовныя завѣщанія постоянныхъ жителей Имперіи, временно пребывающихъ въ губерніяхъ Царства, не могутъ быть принимаемы судебными учрежденіями Имперіи къ утвержденію, коль скоро завѣщательное распоряженіе касается такого имущества, которое находится въ предѣлахъ Царства Польскаго, и если самъ завѣщатель имѣлъ мѣсто пребыванія не въ томъ краѣ, коему по состоянію и званію или постоянному водворенію принадлежалъ. Такимъ образомъ, въ губерніяхъ Царства въ тѣхъ случаяхъ, которые имѣлъ въ виду законъ 5 іюля 1844 г., единственныя судебныя учрежденія, имѣющія право принимать завѣщаніе къ утвержденію, суть суды мѣстные, образованные, подобно судамъ имперскимъ, на основаніи Судебныхъ Уставовъ“.

37. Ст. ст. 1409—1423 судопроизводства охранительнаго указываютъ порядокъ производства раздѣла наслѣдственнаго недвижимаго и движимаго имущества. По объясненію самихъ редакторовъ Судебныхъ Уставовъ (см. изд. Государственной Канцеляріи), эти статьи являются лишь развитіемъ подлежащихъ правилъ законовъ гражданскихъ, не имѣющихъ примѣненія въ губерніяхъ Царства Польскаго, а потому и ст. 1409—1423 ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ примѣненію въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Въ отношеніи раздѣла наслѣдственнаго недвижимаго имущества, упомянутыя статьи не могутъ имѣть примѣненія еще потому, что на основаніи ст. 3 гражд. улож. всѣ недвижимыя имущества въ краѣ, кому бы они ни принадлежали, безусловно подлежатъ законамъ Царства Польскаго. Потому, взамѣнъ приведенныхъ статей судопроизводства охранительнаго, въ Варшавскомъ судебномъ округѣ ко всякаго рода раздѣламъ примѣняются правила устава объ особыхъ производствахъ (ст. 1768), независимо отъ того, производится ли раздѣлъ между временными или коренными жителями губерній Царства.

Разумѣется, что изложенное касается лишь процессуальной стороны производства раздѣла; самое опредѣленіе наслѣдственныхъ долей происходитъ по правиламъ, изложеннымъ въ гл. VIII § 60 и слѣд. (ср. рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1893 г. № 92).

38. Мы только-что приводили ст. 3 гражд. улож., по которой всѣ недвижимыя имущества въ краѣ, хотя бы они принадлежали лицамъ не водвореннымъ, а лишь временно въ краѣ пребывающимъ, подлежатъ законамъ мѣстнымъ,— loci rei sitae.

Поэтому ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть примѣненія въ Варшавскомъ судебномъ округѣ правила судопроизводства охранительнаго о вводѣ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ (ст. 1424—1437) и о выкупѣ родовыхъ имуществъ (ст. 1438—1450); послѣднія тѣмъ менѣе, что мѣстному законодательству чуждо понятіе о родовыхъ имуществахъ.

39. Слѣдующія ст. 1451—1459 судопроизводства охранительнаго устанавливаютъ порядокъ удостовѣренія въ безвѣстномъ отсутствіи и охраны имущества лица безвѣстноотсутствующаго.

Въ этомъ отношеніи имѣютъ примѣненіе соображенія, изложенныя въ гл. IV § 28, по которымъ мѣры охраны имущества, принадлежащаго лицамъ, лишеннымъ возможности проявлять свою волю, всегда опредѣляются *территоріальными* законами, т. е. законами мѣста нахожденія этого имущества. Поэтому ст. 1775—1779 устава объ особ. произ. имѣютъ полную силу по отношенію ко всѣмъ безъ различія жителямъ губерній Царства Польскаго.

40. Оба законодательства, какъ имперское, такъ и Царства Польскаго, допускаютъ узаконеніе (ст. 144^1 зак. гражд. по прод. 1906; ст. 1460^1—1460^7 уст. гражд. суд.; ст. 291—297 гражд. улож. Ц. П.) дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и усыновленіе (ст. 145—161 зак. гражд.; ст. 1460^8 (по прод. 1906

года)—1460[12] уст. гражд. суд.; ст. 308—325 гражд. улож. Ц. П.). Въ силу узаконенія, дитя, рожденное внѣ брака, пользуется тѣми же правами, которыя ему принадлежали бы, если бы оно было рождено во время брака его родителей; усыновленіе—юридическій актъ (по 319 гражд. улож. Ц. П. это собственно договоръ двухъ совершеннолѣтнихъ—усыновителя и усыновляемаго), устанавливающій между двумя лицами отношеніе подобное тому, которое существуетъ между родителями и ихъ дѣтьми, рожденными въ бракѣ. Кромѣ того, законы Царства допускаютъ еще *признаніе дѣтей, рожденныхъ внѣ брака*, т. е. юридическій актъ, не извѣстный имперскимъ гражданскимъ законамъ; актомъ признанія (ст. 298—307 гражд. улож. Ц. П.) устанавливаются особыя отношенія между незаконнорожденнымъ и признавшимъ его родителемъ. Всѣ три института вызываютъ измѣненія въ правахъ гражданскаго состоянія.

Возбуждаются вопросы: могутъ ли коренные жители Имперіи, пребывая въ губерніяхъ Царства, узаконять и признавать внѣбрачныхъ дѣтей или усыновлять на основаніи мѣстныхъ законовъ, и наоборотъ,—можетъ ли быть допущено узаконеніе, признаніе или усыновленіе по имперскимъ законамъ коренными жителями Царства, пребывающими въ губерніяхъ имперскихъ?

Первый вопросъ разрѣшается ст. 3 гражд. улож., по которой законамъ Царства, касающимся гражданскаго состоянія, подчиняются всѣ *туземцы*, хотя бы они проживали заграницей. Изъ этого слѣдуетъ, что права состоянія не туземцевъ, т. е. лицъ, не водворенныхъ въ краѣ, опредѣляются и охраняются ихъ отечественнымъ закономъ, а потому и ходатайства такихъ лицъ о допущеніи усыновленія или узаконенія внѣбрачныхъ дѣтей подлежатъ разрѣшенію съ соблюденіемъ условій, требуемыхъ имперскими гражданскими законами, и, на основаніи ст. 467 учр. суд. уст., въ порядкѣ подлежащихъ статей (1460[1]—1460[12]) судопроизводства охранительнаго, а не въ порядкѣ, установленномъ ст. 1661 уст. об. особ. произ. и мѣстными матеріальными и процессуальными законами, имѣющими примѣненіе лишь къ туземцамъ, т. е.

кореннымъ жителямъ Царства. Излишне указывать на послѣдствія, которыя можетъ имѣть несоблюденіе этого законнаго порядка; актъ, составленный не въ установленномъ порядкѣ или исходящій отъ власти, къ его совершенію не уполномоченной закономъ, не можетъ установить никакихъ правъ и даетъ законное основаніе для спора со стороны лицъ, интересамъ которыхъ онъ противорѣчитъ [7]).

Само собой разумѣется, что коренной житель Имперіи не въ правѣ совершать *акта признанія* (ст. 298 гражд. улож.) въ виду того, что его личныя права опредѣляются имперскими законами, которымъ институтъ *признанія* неизвѣстенъ; въ случаѣ предъявленія такого требованія, нотаріусъ обязанъ отклонить совершеніе акта на основаніи ст. 247 и 83 нот. пол.

Вышеприведенный выводъ въ существѣ вполнѣ подтверждается руководящимъ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 1898 г. № 32 (вопросы 12 и 37), послѣдовавшимъ въ разъясненіе сомнѣній, возникшихъ въ практикѣ судебныхъ установленій при примѣненіи закона 12 марта 1891 г. о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ. Правительствующій Сенатъ призналъ, что „къ лицамъ русскаго происхожденія, имѣющимъ постоянное жительство въ Привислинскомъ краѣ, но не перечисленнымъ въ установленномъ порядкѣ въ число туземцевъ сего края, долженъ быть примѣненъ и окружными судами Варшавскаго судебнаго округа порядокъ узаконенія дѣтей, установленный ст. 1460[1] и слѣд. уст. гражд. суд.“ Въ томъ же рѣшеніи прямо указано, что законъ 12 марта 1891 г. не распространяется на коренныхъ жителей Царства Польскаго.

41. Несравненно труднѣе разрѣшить второй вопросъ—о правѣ коренныхъ жителей Царства въ предѣлахъ имперскихъ губерній узаконять или признавать внѣбрачныхъ дѣтей и совершать усыновленіе. Въ принципѣ, на основаніи ст. 3 гражданскаго уложенія Царства Польскаго, это право принадлежитъ безу-

---

[7]) Къ сожалѣнію, такіе случаи бывали на практикѣ.

словно кореннымъ жителямъ Царства, пребывающимъ и внѣ территоріи губерній Царства. Этотъ законъ, наравнѣ со всѣми прочими законами, дѣйствуетъ по волѣ единой для всего государства верховной власти, а потому личныя права, присвоенныя этою властью кореннымъ жителямъ Царства, должны быть признаваемы и охраняемы во всѣхъ частяхъ государственной территоріи. Но осуществленіе этого теоретическаго начала въ иныхъ случаяхъ можетъ встрѣтить препятствіе, въ виду невозможности соблюсти форму, которою, по законамъ Царства, обусловливается юридическая сила акта.

Разсмотримъ отдѣльные случаи и начнемъ съ признанія дѣтей, рожденныхъ внѣ брака.

По ст. 298 гражд. улож. признаніе совершается либо нотаріальнымъ актомъ, либо при составленіи акта о рожденіи внѣбрачнаго ребенка; признать внѣбрачнаго ребенка могутъ либо каждый изъ родителей порознь, либо оба вмѣстѣ (ст. 300 гражд. улож.). Хотя институтъ признанія внѣбрачныхъ дѣтей и неизвѣстенъ общимъ гражданскимъ законамъ, но по несомнѣнности права, принадлежащаго коренному жителю Царства, совершить признаніе, и притомъ обязательно *нотаріальнымъ* порядкомъ, нотаріусъ въ губерніяхъ имперскихъ, въ виду ст. 83 нот. пол., не можетъ отказаться отъ совершенія такого акта.

Имперскіе законы не препятствуютъ удовлетворенію желанія сожительствующихъ указать одного изъ нихъ, или даже обоихъ, какъ родителей при внесеніи въ метрическую книгу рожденія внѣбрачнаго ребенка; для коренного жителя Царства такое внесеніе въ метрическую книгу о рожденіи его внѣбрачнаго ребенка повлечетъ юридическія послѣдствія, присвоенныя признанію при составленіи акта о рожденіи.

Такимъ образомъ оказывается, что къ совершенію коренными жителями Царства и въ имперскихъ губерніяхъ не встрѣчается препятствій для признанія внѣбрачныхъ дѣтей.

Перейдемъ къ вопросу объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака. Независимо отъ узаконенія per rescriptum principis, внѣбрачныя дѣти, на основаніи ст. 291 гражд. улож., могутъ быть узаконены послѣдующимъ бракомъ ихъ родите-

лей, если предварительно родители ихъ признали законнымъ порядкомъ до вступленія въ бракъ, или если они признаютъ ихъ при составленіи акта о бракосочетаніи; кромѣ того, узаконеніе можетъ произойти и безъ всякаго акта, а лишь посредствомъ предоставленія внѣбрачнымъ дѣтямъ постояннаго пользованія состояніемъ дѣтей законнорожденныхъ; въ послѣднемъ случаѣ заключеніе объ узаконеніи является выводомъ изъ цѣлаго ряда фактовъ, которые, по моему мнѣнію, могутъ быть установлены лишь судомъ, и притомъ въ порядкѣ состязательномъ.

Такъ какъ по соображеніямъ, изложеннымъ выше, и при предѣлахъ дѣйствія имперскихъ законовъ можетъ имѣть мѣсто признаніе внѣбрачныхъ дѣтей, то очевидно, что послѣдствіемъ вступленія родителей въ бракъ будетъ узаконеніе признанныхъ добрачныхъ дѣтей, хотя бы самое бракосочетаніе произошло въ губерніяхъ имперскихъ.

Но узаконеніе при самомъ составленіи акта о бракосочетаніи едва-ли можетъ быть осуществлено въ Имперіи коренными жителями Царства православнаго исповѣданія: этому препятствуетъ форма метрическихъ книгъ, приложенная къ ст. 861 Св. зак. т. IX изд. 1899 г., тѣмъ болѣе, что въ метрическую книгу и основанное на ней метрическое свидѣтельство (ст. 878) можетъ быть внесено лишь то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ событію церковнаго вѣнчанія (см. выше § 34).

Приложенная къ ст. 904 форма списковъ о бракомъ сочетавшихся протестантскихъ исповѣданій содержитъ графу „общія замѣчанія“, въ которую и могло бы быть занесено заявленіе брачащихся объ узаконеніи ихъ добрачныхъ дѣтей.

Что касается коренныхъ жителей Царства іудейскаго исповѣданія, то и они, пребывая въ имперскихъ губерніяхъ, остаются подъ дѣйствіемъ ст. 3 гражд. улож., а потому основанное на ст. 144[1] зак. гражд. разъясненіе Правительствующаго Сената 1903 г. № 147 о томъ, что бракомъ евреевъ не узаконяются ихъ добрачныя дѣти, относится лишь къ евреямъ, водвореннымъ въ Имперіи, и не имѣетъ примѣненія

къ евреямъ, состоящимъ коренными жителями Царства Польскаго.

Тѣмъ не менѣе коренные жители Царства, іудейскаго исповѣданія, пребывая въ губерніяхъ имперскихъ, лишены возможности послѣдующимъ бракомъ узаконять своихъ добрачныхъ дѣтей, такъ какъ приложенная къ ст. 913 Св. зак. т. IX изд. 1899 г. форма для записи сочетанія бракомъ евреевъ не допускаетъ подобной отмѣтки.

Въ отношеніи коренныхъ жителей Царства римско-католическаго исповѣданія слѣдуетъ замѣтить, что имперскій законъ, хотя и не воспрещаетъ внесенія въ метрику заявленія брачащихся объ узаконеніи ихъ добрачныхъ дѣтей, но на практикѣ препятствіемъ является установленная католическимъ духовнымъ начальствомъ форма метрическихъ книгъ.

42. Гражданскимъ законамъ губерній Царства Польскаго извѣстны три вида усыновленія: обыкновенное (ст. 308 и слѣд. гражд. улож.), особенное, изъ признательности лицу, спасшему жизнь усыновителя (ст. 310 гражд. улож.), и усыновленіе завѣщательное (ст. 331 гражд. улож.); каждый изъ этихъ видовъ усыновленія требуетъ наличности извѣстныхъ матеріально-правовыхъ условій, а дѣйствительность первыхъ двухъ видовъ поставлена, кромѣ того, еще въ зависимость отъ соблюденія опредѣленныхъ торжественныхъ формъ и процессуальныхъ обрядовъ. Эти формы и обряды слѣдующіе: актъ усыновленія совершается у нотаріуса; въ опредѣленный закономъ срокъ, актъ долженъ быть предъявленъ, чрезъ прокурора, въ окружный судъ для допущенія усыновленія; затѣмъ, въ установленный срокъ судъ представляетъ свое рѣшеніе въ судебную палату на утвержденіе; наконецъ, въ указанный срокъ, усыновленіе должно быть внесено въ книгу актовъ о рожденіи той мѣстности, гдѣ усыновитель имѣетъ мѣсто жительства. При упущеніи одной изъ этихъ формъ усыновленіе считается несостоявшимся (ст. 1661 уст. гражд. суд. и 320—324 ст. гражд. улож.) [8]).

---

[8]) Wołowski, I, № 360—362.

Этотъ перечень формъ и обрядовъ показываетъ совершенную невозможность соблюденія ихъ коренными жителями Царства, хотя и жительствующими въ Имперіи, но подлежащими тѣмъ не менѣе, въ силу ст. 3 гражд. улож., дѣйствію законовъ Царства о правахъ состоянія.

Положимъ, что нотаріусъ не въ правѣ отказаться отъ совершенія акта объ усыновленіи, но окружный судъ не можетъ представить въ палату для ревизіи свое постановленіе по дѣлу объ усыновленіи; наконецъ, въ виду дѣйствующихъ въ Имперіи правилъ о веденіи метрическихъ книгъ, актъ объ усыновленіи не можетъ быть внесенъ въ книгу о родившихся. Такимъ образомъ оказывается, что коренной житель Царства лишенъ возможности совершить усыновленіе въ губерніяхъ имперскихъ.

43. Критическая оцѣнка дѣйствующаго междуобластного права выходитъ изъ предѣловъ задачи настоящаго изслѣдованія; тѣмъ не менѣе нельзя, хотя мимоходомъ, не указать на крайнюю ненормальность такого положенія, при которомъ лицо, желающее осуществить свое право на основаніи обязательныхъ для него нормъ, дѣйствующихъ въ одной части государства, находясь въ другой части того же государства, поставлено въ невозможность воспользоваться своимъ правомъ. А между тѣмъ эта несуразность объясняется лишь недомолвкой въ законѣ; она могла бы быть устранена посредствомъ дополненія учрежденія судебныхъ установленій правиломъ, обратнымъ тому, которое изложено въ ст. 467 учр. суд. уст.; вмѣстѣ съ тѣмъ надлежало бы дополнить уставъ гражданскаго судопроизводства нормами, соблюденіе которыхъ требуется гражданскими законами Царства для осуществленія правъ, опредѣляемыхъ личными статутами: имперскіе суды примѣняли бы эти правила по отношенію къ правамъ, опредѣляемымъ и охраняемымъ дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго узаконеніями (ст. 467 a contrario).

44. При существованіи въ государствѣ разномѣстныхъ матеріально-правовыхъ нормъ, обязательныхъ для части на-

селенія, слѣдуетъ предоставить процессуальную возможность ихъ осуществленія на всемъ пространствѣ государственной территоріи.

„Такъ какъ судебныя учрежденія служатъ повсемѣстно одной общей цѣли правосудія и обязаны охранять гражданскія права, хотя бы разномѣстныя по ихъ субъектамъ, по предмету, по актамъ, оказавшимъ вліяніе на жизнь права, то отсюда слѣдуетъ, что по разнымъ вопросамъ, касающимся судьбы права, должны примѣняться въ судѣ законы всѣхъ упомянутыхъ мѣстностей, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ преобладанія передъ другими. Нельзя сказать, чтобы примѣненіе законовъ одной мѣстности было общимъ правиломъ, а примѣненіе законовъ другихъ мѣстностей—исключеніемъ“ (Малышевъ, стр. 144).

ГЛАВА VI.

О союзѣ брачномъ.

45. О подсудности бракоразводныхъ дѣлъ вообще.—46. О подсудности дѣлъ о расторженіи нехристіанскихъ браковъ.—47. Личныя послѣдствія, возникающія изъ брака.—48. Имущественныя послѣдствія, возникающія изъ брака; рѣш. IX Деп. Прав. Сената 1856 г.—49. Бракъ между коренными жителями разныхъ областей.—50. Перемѣна коренного мѣстожительства супругами.—51. Купля-продажа между супругами.—52. О значеніи предбрачныхъ договоровъ, заключенныхъ коренными жителями Имперіи, вступающими въ бракъ въ предѣлахъ Царства Польскаго; рѣш. Гражд. Касс. Деп. 7 мая 1908 г.

45. По законамъ Имперіи и Царства бракъ, по общему правилу, признается установленіемъ духовнымъ. Потому дѣла о недѣйствительности христіанскихъ браковъ, о разводѣ и о разлученіи отъ стола и ложа подлежатъ вѣдомству духовныхъ судилищъ и производятся по каноническимъ правиламъ каждаго исповѣданія. Исключеніе изъ этого общаго начала установлено для раскольниковъ; ихъ бракъ признается гражданскимъ договоромъ, производство же дѣлъ о раскольничьихъ бракахъ возложено на суды гражданскіе (ст. 1356^1—1356^9 уст. гражд. суд.).

Что касается законодательства Царства, то мнимое ст-

ступленіе отъ изложеннаго общаго правила допущено ст. 189 положенія о союзѣ брачномъ 1836 г. (Дн. Зак. т. 18 стр. 46) въ отношеніи браковъ между лицами какъ нѣкоторыхъ христіанскихъ исповѣданій (кромѣ православнаго, римско-католическаго, греко-уніатскаго, евангелическо-лютеранскаго и евангелическо-реформатскаго), такъ и браковъ нехристіанъ, евреевъ и магометанъ. Признавая, что и эти браки во всемъ подлежатъ правиламъ подлежащаго исповѣданія, составители закона 1836 г. лишь временно, впредь до устройства надлежащихъ духовныхъ судилищъ, возложили на гражданскій судъ разсмотрѣніе бракоразводныхъ дѣлъ лицъ, принадлежащихъ къ вышеупомянутымъ исповѣданіямъ [1]). Но ст. 189 положенія 1836 г. воспроизведена въ ст. 231 положенія 19 февраля 1875 г. и повторена въ ст. 1619 уст. гражд. суд.

Между тѣмъ въ Имперіи бракоразводныя дѣла и нехристіанъ вѣдаются ихъ духовными судами, либо во всѣхъ, либо, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ [2]).

46. Такимъ образомъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ можетъ возникнуть сомнѣніе о подсудности гражданскому суду дѣла о расторженіи нехристіанскаго брака, заключеннаго въ Имперіи. Мнѣ кажется, что духовныя лица нехристіанскихъ исповѣданій, принявъ къ своему разсмотрѣнію бракоразводное дѣло ихъ единовѣрцевъ, допустили бы наказуемое превышеніе власти. За неимѣніемъ въ губерніяхъ Царства компетентной духовной власти, на основаніи ст. 465 и 466 учр. суд. уст. слѣдуетъ признать, что бракоразводныя дѣла всѣхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій подлежатъ въ Царствѣ разсмотрѣнію тѣхъ установленій, которыя соотвѣтствуютъ, по своему вѣдомству, существующимъ въ Имперіи духовнымъ

---

[1]) См. законодательные мотивы у Konic. Dzieje prawa małżeńskiego w Kr. Pol. (Исторія брачнаго права въ Царствѣ Польскомъ), 1903 г. стр. 134.

[2]) У караимовъ 2-ая инстанція свѣтская (ст. 1289 и 1297 уст. ин. исп. т. XI ч. 1 изд. 1896 г.), у магометанъ Таврическаго и Оренбургскаго округовъ 3-я инстанція по дѣламъ о расторженіи браковъ—свѣтская (тамъ же ст. 1345, 1418, 1425); о существованіи духовныхъ судовъ для разбора бракоразводныхъ дѣлъ язычниковъ и магометанъ Туркестанскаго края и Степныхъ областей не имѣется указаній въ законѣ, а потому слѣдуетъ, казалось бы, признать эти дѣла подсудными коронному суду.

властямъ означенныхъ исповѣданій. Этими установленіями являются окружные суды, которые при разборѣ подобныхъ дѣлъ руководствуются религіозными законами подлежащаго исповѣданія [3]).

47. Мы уже говорили, что мѣстомъ водворенія жены признается мѣсто водворенія мужа (гл. II § 15); даже въ случаѣ прекращенія брака не измѣняется мѣсто водворенія женщины. Законами мѣста водворенія, а не законами мѣста совершенія брака, опредѣляются всѣ личныя, а также и имущественныя послѣдствія вступленія въ бракъ. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію этихъ послѣдствій.

Личныя послѣдствія, изъ брака возникающія по законамъ Царства Польскаго, изложены какъ въ гражданскомъ уложеніи (ст. 236—245), такъ и въ положеніи о союзѣ брачномъ 1836 г. (ст. 208—230 Дн. Зак. т. 18 стр. 46); эти правила положенія почерпнуты отчасти изъ отмѣненныхъ имъ статей гражданскаго уложенія 1825 г., отчасти же позаимствованы изъ имперскихъ гражданскихъ законовъ [4]). Мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ возбудить особыя сомнѣнія съ точки зрѣнія междуобластного права.

Хотя положеніе 1836 г., въ измѣненіе правилъ подсудности брачныхъ дѣлъ, установленной гражданскимъ уложеніемъ, изъяло бракоразводныя дѣла изъ вѣдомства судовъ гражданскихъ, но оно возложило на гражданскіе суды назначеніе мѣста, въ которомъ жена должна имѣть безотлучное пребываніе въ теченіе производства бракоразводнаго дѣла, а также опредѣленіе содержанія, какое мужъ обязанъ доставлять женѣ въ продолженіе самаго дѣла (ст. 219). Имперское брачное право не содержитъ постановленій объ отдѣльномъ жительствѣ супруговъ во время производства бракоразводнаго дѣла и не предоставляетъ женѣ, по этой причинѣ, требовать содержанія отъ мужа; потому, въ случаѣ предъявленія такого ходатай-

[3]) Того же мнѣнія Езіоранскій. См. его статьи по поводу 1-го изданія моего сочиненія—„Какимъ гражданскимъ законамъ подвѣдомы русскіе уроженцы, пребывающіе въ Царствѣ Польскомъ?“ Варшавская Судебная Газета 1884 г. №№ 30 и 31.

[4]) См. законодательные мотивы у Konic, стр. 293.

ства со стороны женщины, считающейся водворенной въ губерніяхъ имперскихъ, оно не подлежитъ удовлетворенію со стороны судовъ Варшавскаго судебнаго округа, и наоборотъ: имперскій судъ поступилъ бы неправильно, если бы отказалъ въ этомъ ходатайствѣ коренной жительницѣ Царства лишь на томъ основаніи, что въ имперскихъ законахъ не имѣется прямыхъ по сему предмету указаній; права и обязанности, изъ брака истекающія, опредѣляются личными статутами и признаются всюду, независимо отъ территоріальныхъ законовъ мѣста нахожденія суда.

48. Но всего чаще возбуждаются сомнѣнія въ примѣненіи общихъ или мѣстныхъ законовъ при обсужденіи имущественныхъ между собою отношеній супруговъ, водворенныхъ въ предѣлахъ Имперіи и пребывающихъ въ Царствѣ, или наоборотъ, а также при спорахъ о дѣйствительности обязательствъ, принятыхъ на себя замужними женщинами.

По законамъ Имперіи каждый изъ супруговъ сохраняетъ свою отдѣльную собственность; бракъ не предоставляетъ мужу опеки надъ имуществомъ жены; замужняя женщина подвергается ограниченію лишь возможности совершенія нѣкоторыхъ, точно указанныхъ сдѣлокъ (по личному найму — ст. 2202 зак. гражд.; по векселямъ, если не производитъ торговли отъ собственнаго своего имени, ст. 2 уст. векс. 27 мая 1902 года).

Между тѣмъ по законамъ Царства Польскаго имущественныя отношенія супруговъ устроены на совершенно иныхъ основаніяхъ. Гражданское уложеніе предусматриваетъ четыре типа отношеній по имуществу: исключеніе общности, признаваемое нормальнымъ типомъ и установленное въ видѣ общаго правила при несуществованіи особаго по сему предмету соглашенія между супругами (ст. 191—206 гражд. улож.); дотальная система (ст. 218—225 гражд. улож.); общность (ст. 226—230 гражд. улож.) и раздѣльность (ст. 213—216 гражд. улож.) имущества супруговъ. Лишь при установленіи раздѣльности сохраняется за женою пользованіе ея имуществомъ (ст. 213 гражд. улож.); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ женино

имущество поступаетъ въ управленіе и пользовладѣніе мужа, который въ отношеніи принадлежащихъ женѣ вещей потребляемыхъ (res fungibiles), въ существѣ, подчиняется общимъ правиламъ о пользовладѣніи (ст. 192 гражд. улож. и ст. 587 код. Нап.).

Но, какъ бы ни были устроены отношенія супруговъ по имуществу, замужняя женщина во всякомъ случаѣ подлежитъ слѣдующимъ ограниченіямъ дѣеспособности: она не можетъ безъ ассистенціи мужа искать и отвѣчать на судѣ, въ случаѣ же отказа мужа, она обязана получить надлежащее полномочіе отъ суда (ст. 1653—1659 уст. гражд. суд.); безъ согласія мужа жена не можетъ дарить или принимать даръ, отчуждать или обременять ипотекою свои недвижимыя имущества; что касается принятія на себя обязательствъ по движимому имуществу и его отчужденію, то она не нуждается для сего въ согласіи мужа лишь въ томъ случаѣ, если это имущество не находится въ управленіи мужа (ст. 182, 184 и 185 гражд. улож. и ст. 214 положенія о союзѣ брачномъ). Независимо отъ сего, жена, безъ согласія мужа, не можетъ принять наслѣдства, принять на себя обязанность душеприказчика (ст. 776 и 1029 код. Нап.), поступить въ услуженіе (ст. 521 зак. 24 мая 1860; Дн. Зак. т. 57 стр. 214), заниматься торговлей (ст. 4 торг. код.), обязаться вексельнымъ порядкомъ (тамъ же ст. 113). Этотъ краткій перечень показываетъ все принципіальное различіе брачнаго права на основаніи законовъ имперскихъ и законовъ Царства и всю важность какъ для самихъ супруговъ, такъ и для третьихъ лицъ знать точно, какими именно, общими или мѣстными, законами опредѣляются и охраняются отношенія каждаго супружества по имуществу. Для большей ясности разсмотримъ отдѣльно случаи, когда возникаетъ возбужденный нами вопросъ:

Прежде всего *если коренные (водворенные) жители Имперіи пребываютъ въ губерніяхъ Царства, или наоборотъ.*

На этотъ случай даетъ весьма опредѣленный отвѣтъ рѣшеніе б. IX Департамента Правительствующаго Сената [5]), состоявшееся еще въ 1856 г.

[5]) Kapuściński. Iurysprudencia Senatu (Юриспруденція Сената) 1869. № 341.

Оберъ-прокуроромъ было дано слѣдующее заключеніе: Кредиторъ мужа обратилъ взысканіе на хлѣбъ въ имѣніи жены. Бракъ былъ заключенъ на основаніи законовъ имперскихъ, такъ какъ мужъ, во время заключенія брака, былъ подданнымъ Имперіи, а, на основаніи ст. 17 гражд. улож., полька перестаетъ быть подданной Царства вслѣдствіе вступленія въ бракъ съ обывателемъ другого края. Поэтому отношенія по имуществу подлежатъ обсужденію по законамъ того края, въ подданствѣ котораго состоялъ мужъ во время вступленія въ бракъ.

По законамъ Имперіи мужъ никакихъ правъ не имѣетъ на доходы съ имущества жены, которая не ограничена въ правѣ управлять и распоряжаться своимъ имуществомъ.

Не взирая на это, суды двухъ первыхъ инстанцій признали арестъ хлѣба правильнымъ по тому соображенію, что недвижимыя имущества въ краѣ, хотя бы они принадлежали иностранцамъ, подлежатъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ, а потому, на основаніи ст. 192 гражд. улож., доходы съ недвижимаго имущества жены составляютъ собственность мужа.

Дѣйствительно, по ст. 3 гражд. улож., недвижимыя имущества въ краѣ, хотя бы они принадлежали иностранцамъ, подлежатъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ вовсе не возбуждается вопроса о законахъ, касающихся недвижимыхъ имуществъ; тутъ нѣтъ рѣчи о законахъ, опредѣляющихъ способы и условія распоряженія недвижимостью,—о законахъ, касающихся права собственности, принадлежностей недвижимаго имущества, сервитутовъ, ипотеки; ст. 3 гражд. улож. имѣетъ въ виду лишь такія вещныя права, которыя въ теоріи права называются statut réel.

Къ категоріи этихъ правъ не относится право мужа управлять имуществомъ жены; это личное право; оно принадлежитъ мужу, какъ таковому; хотя это право и касается имущества, но оно присвоено званію супруга; оно относится къ категоріи тѣхъ правъ, которыя составляютъ statut personnel, и, не касаясь недвижимаго имущества, это право не можетъ быть подведено подъ дѣйствіе ст. 3 гражд. улож. [6]).

[6]) О правѣ жены на законную ипотеку см. гл. X, § 70.

При вступленіи въ бракъ женщина подчиняется законамъ того края, къ которому принадлежитъ мужъ; отношенія по имуществу устанавливаются договорами; при незаключеніи договора вступаетъ въ дѣйствіе законъ.

Изъ этого видно, что вопросъ междуобластного права оберъ-прокуроръ полагалъ разрѣшить такимъ образомъ, чтобы признать, что права супруговъ на доходы съ недвижимаго имущества, расположеннаго въ Царствѣ, опредѣляются законами того края, къ которому принадлежалъ мужъ во время вступленія въ бракъ и жительницей котораго тѣмъ самымъ стала и жена.

Правительствующій Сенатъ призналъ, что споръ не касался недвижимаго имущества; спорнымъ представлялся вопросъ объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, которыя и должны подлежать оцѣнкѣ на основаніи имперскихъ законовъ; а такъ какъ, на основаніи сихъ законовъ, пользованіе своимъ имуществомъ принадлежитъ женѣ, то и слѣдуетъ отмѣнить арестъ, наложенный кредиторомъ мужа на имущество, не принадлежащее должнику [7]).

---

[7]) Рѣшенія IX Департамента Правительствующаго Сената не публиковались для свѣдѣнія и руководства, а потому мѣстные нотаріусы, руководствуясь мѣстными законами, продолжали обусловливать совершеніе актовъ женщинами, водворенными въ Имперіи, согласіемъ ихъ мужей. Войдя въ разсмотрѣніе вопроса о правоспособности русскихъ замужнихъ женщинъ при совершеніи актовъ, Учредительный комитетъ въ засѣданіи 7/19 февраля 1867 г. (т. IX ст. 959) постановилъ: при совершеніи русскими замужними женщинами, временно пребывающими въ Царствѣ, актовъ, *не касающихся недвижимаго въ Царствѣ имущества*, или при совершеніи русскими замужними женщинами, постоянно въ Царствѣ водворенными, актовъ, касающихся недвижимыхъ имѣній въ Имперіи, нотаріусамъ Царства поставляется въ обязанность, относительно правоспособности русскихъ замужнихъ женщинъ, руководствоваться существующими по сему предмету законами Имперіи.

Это постановленіе не было повергнуто на Высочайшее соизволеніе и не обнародовано въ Дневникѣ Законовъ, а потому, на основаніи постановленія Намѣстника отъ 16 января 1816 г. (Дн. Зак., т. I, стр. 106; ср. еще пост. Учр. комит., т. XX, ст. 3171), не получило силы закона. Приведенное разъясненіе Учредительнаго комитета поражаетъ своею юридическою необоснованностью; оно ставитъ разрѣшеніе вопроса о дѣеспособности замужней женщины въ зависимость не отъ какого либо опредѣленнаго факта, напр., мѣста водворенія или т. под., а отъ понятія *русской* или *нерусской* замужней женщины, оставляя это понятіе безъ всякаго опредѣленія.

Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніяхъ по имуществу супруговъ, состоящихъ коренными жителями Имперіи, но пребывающихъ въ губерніяхъ Царства, разрѣшается въ смыслѣ опредѣленія этихъ отношеній законами имперскими, а не мѣстными.

Разумѣется, что изложенныя соображенія, mutatis mutandis, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе и въ обратномъ случаѣ,—если супруги, состоящіе коренными жителями Царства, пребываютъ въ губерніяхъ имперскихъ.

Изъ законодательныхъ мотивовъ гражданскаго уложенія видно [8]), что его постановленія объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу исходятъ изъ той основной мысли, что сущность этихъ отношеній опредѣляется существомъ супружескаго обѣта, существомъ брака; права мужа на имущество жены непосредственно вытекаютъ изъ совокупности правъ и обязанностей брачнаго состоянія, въ виду чего эти отношенія по имуществу (какъ и самый бракъ) должны быть признаваемы всюду, независимо отъ мѣста пребыванія супруговъ, и обнимаютъ всякое имущество супруговъ, независимо отъ мѣста его нахожденія.

Хотя для коренныхъ жителей Царства, совершающихъ акты въ имперскихъ губерніяхъ, и не имѣется правила, соотвѣтствующаго ст. 247 нот. пол., но на основаніи ст. 83 нот. пол., при совершеніи актовъ женщинами, водворенными въ Царствѣ, на нотаріусахъ лежитъ несомнѣнная обязанность удостовѣриться не только въ общей гражданской правоспособности, но и установить еще и спеціальную дѣеспособность, руководствуясь въ семъ отношеніи какъ ст. 182—190 гражд. улож., такъ и предбрачнымъ договоромъ, о существованіи или несуществованіи котораго они могутъ убѣдиться изъ акта о бракосочетаніи, впрочемъ, конечно, только если онъ былъ составленъ въ предѣлахъ губерній Царства Польскаго.

49. Вышеприведенное рѣшеніе IX Департамента Правительствующаго Сената даетъ отвѣтъ еще на другой вопросъ:

---

[8]) Godlewski, стр. 222 и 247—249.

имѣетъ ли какое либо вліяніе на опредѣленіе отношенія супруговъ по имуществу то обстоятельство, что брачащіеся состояли коренными жителями разныхъ областей, одинъ— Имперіи, другой—Царства.—Нѣтъ, не имѣетъ. Вступая въ бракъ, женщина причисляется къ кореннымъ жителямъ мѣста водворенія мужа, а потому отношенія супруговъ по имуществу всегда опредѣляются законами края, кореннымъ жителемъ котораго считается мужъ.

50. Еще вопросъ: *какими законами опредѣляются отношенія по имуществу супруговъ, въ случаѣ ихъ переселенія для водворенія изъ Имперіи въ Царство, или наоборотъ.*

Перемѣна мѣста водворенія не измѣняетъ отношеній супруговъ по имуществу. Допущеніе противоположнаго начала повергло бы имущественныя отношенія супруговъ въ неразрѣшимую путаницу и поставило бы замужнюю женщину въ безусловную имущественную зависимость отъ мужа, такъ какъ избраніе мѣста водворенія зависитъ отъ мужа; слѣдовательно, отъ мужа зависѣло бы, посредствомъ переселенія изъ Имперіи въ губерніи Царства, лишить жену свободы управленія, пользованія и распоряженія имуществомъ, обезпеченныхъ за нею законами имперскими. Въ этомъ смыслѣ состоялось въ 1846 г. рѣшеніе IX Департамента Правительствующаго Сената [9]), который, основываясь на ст. 12 прав. о введеніи въ дѣйствіе гражд. улож. 1825 г. [10]), призналъ, что въ случаѣ переселенія, для водворенія, супруговъ изъ Имперіи въ Царство, отношенія супруговъ по имуществу опредѣляются тѣми же законами, которымъ они подлежали во время заключенія брака. И Варшавская судебная палата слѣдовала тому же началу; въ рѣшеніи 20 сентября 1885 г. по дѣлу наслѣдниковъ Іотейки съ Еленковскимъ палата признала, что взаимное наслѣдованіе супруговъ опредѣляется законами того края, гдѣ супруги считались водворенными при совершеніи

---

[9]) Kapuściński, № 99.

[10]) „Однако имущественныя отношенія между супругами будутъ разсматриваемы по правиламъ того закона, который имѣлъ обязательную силу во время заключенія брака". Дн. Зак., т. 10, стр. 291.

брака, и что послѣдовавшее послѣ брака переселеніе наслѣдодателя, Іотейки, изъ Имперіи въ Царство, съ одной стороны, не ограничило правъ его жены согласно ст. 109 Св. зак. т. X ч. I, а съ другой стороны не расширило предоставляемыхъ ст. 1148 того же тома правъ вдовы на оставшееся послѣ мужа имущество [11]).

51. Разсмотримъ еще *вопросъ о куплѣ-продажѣ между супругами.* По ст. 116 Св. зак. т. X ч. 1 супругамъ не возбраняется взаимно переукрѣплять между собою собственное ихъ имѣніе посредствомъ продажи или дара; а по ст. 1595 код. Нап. договоръ продажи не допускается между супругами, за исключеніемъ трехъ случаевъ, въ той же статьѣ указанныхъ. Который изъ этихъ законовъ имѣетъ примѣненіе къ кореннымъ жителямъ Имперіи, пребывающимъ въ Царствѣ, или въ обратномъ случаѣ?

Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ выяснить цѣль установленнаго кодексомъ Наполеона воспрещенія супругамъ взаимно переукрѣплять имущества.

Воспрещеніемъ купли-продажи между супругами законъ имѣетъ въ виду предупредить возможность совершенія супругами, подъ видомъ возмезднаго договора, безмезднаго, дарственнаго переукрѣпленія имущества однимъ въ пользу другого, во вредъ лицамъ, для коихъ по закону (913 и слѣд. код. Нап.) должно быть сохранена извѣстная доля наслѣдственнаго имущества, могущаго остаться послѣ смерти су-

---

[11]) Въ обратномъ смыслѣ разрѣшается этотъ вопросъ по Св. мѣстн. узак. Приб. По ст. XXIX „права супруговъ по имуществу подлежатъ тѣмъ узаконеніямъ, которымъ мужъ былъ подчиненъ, во время вступленія въ бракъ, по мѣстожительству и званію. Если впослѣдствіи наступитъ перемѣна въ мѣстожительствѣ или въ званіи мужа, то и права по имуществу супруговъ подлежатъ соотвѣтственной перемѣнѣ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы отъ сего не былъ нанесенъ ущербъ пріобрѣтеннымъ до тѣхъ поръ правамъ посторонннихъ лицъ".

Справедливо указываетъ Erdmann (стр. 54) на крайнюю недостаточность этого правила. Законъ ограждаетъ интересы лишь третьихъ лицъ, да и то лишь тѣхъ, притязанія которыхъ уже окончательно установлены; посредствомъ произвольной перемѣны мѣста жительства мужъ можетъ причинить женѣ существенный ущербъ; напр., перенося свое мѣсто жительства въ городъ, мужъ дѣлаетъ все имущество жены отвѣтственнымъ за его долги.

пруговъ (héritiers à réserve); облеченіе даренія въ форму купли-продажи дало бы сдѣлкѣ характеръ безповоротности, не признаваемый закономъ за безмезднымъ отчужденіемъ имущества. Такимъ образомъ оказывается, что причину установленнаго ст. 1595 воспрещенія слѣдуетъ искать въ наслѣдственномъ правѣ; обратимся къ нему.

Въ отношеніи имущества, находящагося въ губерніяхъ Царства, право наслѣдованія для коренныхъ жителей Имперіи опредѣляется, какъ ниже (гл. VIII) будетъ изложено подробнѣе, различно въ зависимости отъ того, касается ли оно движимаго имущества, или же недвижимаго.

Наслѣдованіе въ движимомъ имуществѣ происходитъ всегда по законамъ мѣста водворенія наслѣдодателя, т. е. по законамъ имперскимъ; права наслѣдниковъ на недвижимое имущество всегда опредѣляются законами мѣста нахожденія сего имущества. Примѣняя эти начала, мы приходимъ къ слѣдующему разрѣшенію обсуждаемаго вопроса: супруги, состоящіе коренными жителями Имперіи, могутъ и въ губерніяхъ Царства свободно продавать или дарить другъ другу свое движимое имущество, такъ какъ по законамъ Имперіи никто изъ ихъ наслѣдниковъ не имѣетъ законнаго притязанія на обязательную долю (réserve légale); но дарить одинъ другому имущество недвижимое, расположенное въ Царствѣ, и коренные жители Имперіи могутъ лишь съ сохраненіемъ доли, могущей причитаться ихъ héritiers à réserve, продавать же другъ другу свое недвижимое имущество, находящееся въ губерніяхъ Царства, они не могутъ на основаніи ст. 1595 код. Наполеона.

По тѣмъ же соображеніямъ, но въ обратномъ смыслѣ, разрѣшается вопросъ о правѣ коренныхъ жителей Царства переукрѣплять взаимно движимое имущество или недвижимое, расположенное въ губерніяхъ Имперіи. Пребывая даже въ имперскихъ губерніяхъ, они въ отношеніи движимаго имущества подчиняются правиламъ кодекса о réserve légal, сохраняемой въ пользу héritiers à réserve; переукрѣплять взаимно недвижимое имущество, находящееся въ губерніяхъ имперскихъ, они въ правѣ на общемъ основаніи дѣйствующихъ въ Имперіи законовъ.

52. Слѣдуетъ намъ коснуться еще одного *вопроса о необходимости, силѣ и значеніи предбрачныхъ договоровъ, иногда заключаемыхъ коренными жителями Имперіи, вступающими въ бракъ въ предѣлахъ губерній Царства.*

О томъ значеніи, которое по мѣстнымъ законамъ присвоено предбрачнымъ договорамъ, было сказано въ началѣ этой главы; о послѣдствіяхъ несоблюденія установленной закономъ формы и затруднительности соблюденія законнаго порядка въ губерніяхъ имперскихъ мы имѣли случай сказать въ гл. V § 34.

Упуская изъ вида, что вслѣдствіе вступленія въ бракъ съ кореннымъ жителемъ Имперіи женщина, числящаяся водворенною въ губерніяхъ Царства, не подвергается ограниченію дѣеспособности, мужъ же не пріобрѣтаетъ никакихъ правъ на имущество жены,—брачащіеся тѣмъ не менѣе входятъ иногда въ особое соглашеніе о своихъ будущихъ отношеніяхъ по имуществу и заключаютъ съ этою цѣлью предбрачный договоръ.

Если брачащіеся принадлежатъ къ инославнымъ или иновѣрнымъ исповѣданіямъ, то внесеніе въ актъ о бракосочетаніи оговорки о заключенномъ предбрачномъ договорѣ совершается безпрепятственно, такъ какъ акты гражданскаго состоянія лицъ христіанскихъ исповѣданій (кромѣ православнаго) соединены съ церковными метриками и ведутся подлежащимъ приходскимъ духовенствомъ (ст. 71 гражд. улож.), акты же о бракосочетаніи лишь нехристіанскихъ исповѣданій составляются особыми чиновниками гражданскаго состоянія. Если же бракъ подлежитъ вѣнчанію по обряду православной церкви, то нерѣдко возникаютъ сомнѣнія относительно формальностей, соблюденіемъ которыхъ обусловлена дѣйствительность предбрачныхъ договоровъ. Недоразумѣнія происходятъ отъ того, что духовенство православнаго исповѣданія, хотя и обязано вести *акты* гражданскаго состоянія „по формамъ, въ Царствѣ Польскомъ существующимъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и независимо отъ актовъ гражданскаго состоянія оно содержитъ *метрическія книги* по порядку, установленному законами Имперіи (§§ 9 и 19 Полож. о дѣлахъ Греко-Росс. Церкви

въ Царствѣ Польскомъ; Дн. Зак. т. 15, стр. 359;—ст. 859 и слѣд. зак. сост.; Св. зак. т. IX, изд. 1899 г.). Требованіе внести *въ метрическое свидѣтельство* о бракѣ оговорку о составленномъ актѣ о бракосочетаніи не можетъ быть удовлетворено по соображеніямъ, приведеннымъ выше (гл. V); зная же, что по имперскимъ законамъ въ метрическихъ свидѣтельствахъ не упоминается о какихъ-либо имущественныхъ сдѣлкахъ, брачащіеся православнаго исповѣданія, если и требуютъ составленія *акта* о бракосочетаніи, то не заявляютъ о заключенномъ ими предбрачномъ договорѣ.

Но какое же юридическое значеніе предбрачнаго договора, совершеннаго супругами, водвореными въ Имперіи? По моему мнѣнію, подобный актъ, совершенно независимо отъ того, упомянуто ли о немъ въ актѣ о бракосочетаніи, не имѣетъ силы и значенія предбрачныхъ договоровъ въ точномъ смыслѣ, по мѣстнымъ законамъ; это лишь обыкновенный договоръ объ имуществѣ, заключенный двумя полноправными субъектами правъ; обстоятельство вступленія ихъ впослѣдствіи въ брачный союзъ, не вліяя, само по себѣ, на принадлежащую каждому изъ нихъ сферу имущественныхъ правъ, не можетъ отразиться и на юридической квалификаціи заключенной ими сдѣлки по имуществу. Предбрачнымъ договоромъ видоизмѣняются лишь тѣ отношенія супруговъ по имуществу, которыя установлены мѣстными законами на случай незаключенія супругами предбрачнаго договора. За непримѣнимостью же къ кореннымъ жителямъ Имперіи означенныхъ мѣстныхъ законовъ о *нормальныхъ* (ст. 191—206 гражд. улож.) отношеніяхъ супруговъ по имуществу, не могутъ имѣть къ нимъ примѣненія и правила, устанавливающія исключенія изъ нормы. Поэтому предбрачный договоръ, заключенный кореннными жителями Имперіи, подлежитъ прежде всего оцѣнкѣ съ точки зрѣнія гражданской равноправности, охраняемой, по законамъ Имперіи, и за замужнею женщиною, ограниченіе дѣеспособности которой не вытекаетъ изъ усвоеннаго имперскимъ законодательствомъ понятія о бракѣ; между тѣмъ установленныя польскимъ правомъ имущественныя отношенія супру-

говъ выводятся, какъ мы видѣли выше (§ 48), изъ своеобразной, отличной отъ русской, точки зрѣнія на значеніе и объемъ супружескаго обѣта. Къ сдѣлкѣ объ имуществѣ, заключенной коренными жителями Имперіи до вступленія въ бракъ, или, вообще, когда взаимныя отношенія супруговъ подлежатъ дѣйствію законовъ имперскихъ, не имѣетъ примѣненія правило ст. 209 гражд. улож. о ненарушимости предбрачныхъ договоровъ посредствомъ новаго соглашенія сторонъ; это послѣднее обстоятельство лишаетъ предбрачный договоръ, совершенный коренными жителями Имперіи, значенія и силы, присвоенныхъ такимъ договорамъ мѣстными законами, и не выводитъ его изъ числа обыкновенныхъ имущественныхъ сдѣлокъ, могущихъ быть отмѣненными по соглашенію лицъ, въ нихъ участвовавшихъ.

Оставляя безъ отвѣта *общій* вопросъ о значеніи предбрачныхъ договоровъ, совершенныхъ коренными жителями Имперіи въ Царствѣ Польскомъ, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 7 мая 1908 г. по дѣлу Михневича съ наслѣдниками Елены Лукашевичъ (еще не напечатанномъ въ сборникѣ въ порядкѣ ст. 815 уст. гражд. суд.) пришелъ однако къ иному выводу.

Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ, что заключенный въ предѣлахъ губерній Царства Польскаго коренными жителями Имперіи предбрачный договоръ, устанавливающій общность имущества между супругами (ст. 222 гражд. улож.), является дѣйствительнымъ въ отношеніи принадлежащихъ супругамъ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ означенныхъ губерніяхъ.

Свой выводъ Правительствующій Сенатъ основываетъ, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ соображеніяхъ: „То обстоятельство, что въ предбрачномъ договорѣ участвовалъ, въ качествѣ контрагента, *коренной житель Имперіи*, т. е. лицо, по происхожденію и постоянному водворенію своему, подчиненное дѣйствію обще-имперскаго закона, могло бы служить основаніемъ къ признанію его недѣйствительнымъ только при наличности въ этомъ послѣднемъ законѣ правила, воспрещающаго кореннымъ жителямъ Имперіи вступать въ пред-

брачные договоры, съ цѣлью установленія имущественныхъ между супругами отношеній по началамъ предусмотрѣнной мѣстнымъ, по нахожденію сего имущества, закономъ (ст. 226 гражд. улож.) общности всего имущества. Такого запретительнаго правила, однако, въ нашемъ законѣ нѣтъ, и изъ постановленій его вывести нельзя. Не подлежитъ сомнѣнію, что житель Россійской Имперіи, заключая какую-либо сдѣлку или вступая въ какое либо юридическое отношеніе внѣ предѣловъ дѣйствія общеимперскаго закона, тѣмъ не менѣе, при полномъ дѣйствіи ст. 707 уст. гражд. суд., остается связаннымъ этимъ отечественнымъ закономъ во всемъ, что касается такъ называемаго *личнаго его статута* (status personalis), т. е. гражданскаго его состоянія и его правоспособности (п. 3 ст. 3 гражд. улож. 1825 г.)".

„Составляющая такъ называемый реальный статутъ (status realis) совокупность юридическихъ отношеній лица къ имуществу, т. е. законныя условія пріобрѣтенія разныхъ видовъ имущественныхъ правъ, владѣнія, пользованія и распоряженія ими, а также отчужденія, наслѣдованія и прекращенія ихъ, опредѣляется въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ обязательно законами той территоріи, въ которой эти недвижимости находятся (lex rei sitae; п. 2 ст. 3 гражд. улож. 1825 г.; ст. 1295 1 ч. X т. Свод. зак.)".

„Если же силою предписанія самого закона недвижимость, расположенная въ предѣлахъ Царства Польскаго, во всемъ, что касается юридической ея судьбы, подчиняется законамъ того края, безразлично, кому она принадлежитъ, то изъ этого слѣдуетъ, что всякій, хотя бы не подчиненный лично дѣйствію этихъ законовъ, собственникъ или владѣлецъ такой недвижимости можетъ относительно нея заключать всякаго рода сдѣлки, допускаемыя по закону мѣста ея нахожденія, будучи стѣсненъ въ этомъ правѣ законами его отечества лишь настолько, насколько это касается личнаго его статута, т. е. вопроса о личной его правоспособности".

„Слѣдовательно, коренной житель Имперіи, не ограниченный въ своей правоспособности, можетъ въ отношеніи своего имущества, находящагося въ предѣлахъ Царства Поль-

скаго, совершать всякаго рода сдѣлки, дозволенныя законами этого края, въ томъ числѣ и предбрачный договоръ объ установленіи общности этого имущества [12])".

ГЛАВА VII.

Союзъ родителей и дѣтей.

53. Общія начала.—54. Законность рожденія.—55. Отдѣльное имущество дѣтей; опека надъ несовершеннолѣтними при жизни родителей и порядокъ ея установленія.—56. Производство дѣлъ о законности рожденія; затрудненія, могущія возникнуть въ имперскихъ судахъ.—57. Дѣти отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными.—58. Дѣти узаконенныя, усыновленныя, признанныя.—59. Неузаконенныя и непризнанныя внѣбрачныя дѣти.

53. Союзъ родителей и дѣтей основанъ на фактѣ естественнаго происхожденія. Законъ какъ Имперіи, такъ и Царства различаетъ дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, и дѣтей отъ браковъ недѣйствительныхъ, дѣтей узаконенныхъ, усыновленныхъ и внѣбрачныхъ; законы Царства выдѣляютъ еще въ особую группу дѣтей, рожденныхъ отъ кровосмѣшенія или прелюбодѣянія, и внѣбрачныхъ признанныхъ. Съ

---

[12]) Соображенія и выводъ этого рѣшенія мнѣ предоставляются неправильными. Прежде всего, признавая, что личныя права, къ каковымъ относятся правоспособность и дѣеспособность, опредѣляются національнымъ закономъ (личнымъ статутомъ), Правительствующій Сенатъ ставитъ *ограниченіе* дѣеспособности супруговъ относительно недвижимости въ зависимость отъ закона rei sitae. Дѣлая этотъ выводъ, Сенатъ впадаетъ въ ошибку, о которой предупреждаетъ Баръ (см. гл. X § 69), а именно: признавая, что *способность распоряженія* (Dispositionsfähigkeit) недвижимымъ имуществомъ опредѣляется законами мѣста расположенія имущества, Правительствующій Сенатъ, отступая отъ положенія, выраженнаго въ томъ же рѣшеніи, тѣмъ самымъ признаетъ, что *личное* право зависитъ не отъ личнаго статута, а отъ законовъ территоріальныхъ (ср. Foelix. Traité du droit internat. privé. 1856, I, стр. 199 и рѣш. IX Деп. Сен. 1856 г., приведенное въ § 48).

Этотъ неправильный выводъ объясняется, повидимому, тѣмъ ошибочнымъ предположеніемъ, что предбрачный договоръ составляетъ неизвѣстную имперскимъ законамъ лишь *форму* распоряженія имуществомъ. Но предбрачный договоръ *неотмѣняемъ*, а *неотмѣняемость* предбрачнаго договора относится не къ формѣ, а къ самому существу, силѣ и значенію этой сдѣлки. Однако иного мнѣнія Змирловъ. Изъ практики Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. Журналъ Министерства Юстиціи 1907 г., Апрѣль, стр. 186.

каждымъ изъ этихъ гражданскихъ состояній связаны особыя личныя послѣдствія; кромѣ того, съ ними соединены извѣстныя личныя права и обязательства независимо отъ ихъ важнаго значенія въ сферѣ наслѣдственнаго права.

Но вопросы, касающіеся наслѣдственнаго права, будутъ разсмотрѣны въ главѣ VIII; теперь же мы остановимся на личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми разныхъ категорій, насколько эти взаимныя отношенія представляютъ интересъ съ точки зрѣнія междуобластного частнаго права [1]).

Въ видѣ основного положенія, имѣющаго примѣненіе къ каждому случаю, можно признать: *гражданское состояніе и сопряженныя съ нимъ личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми опредѣляются законами того края, къ которому принадлежитъ лицо, сообщающее другому свое состояніе.* Этотъ выводъ основанъ не только на косвенныхъ указаніяхъ, имѣющихся въ законодательствѣ какъ имперскомъ, такъ и Царства [2]); онъ подтверждается въ особенности и тѣмъ соображеніемъ, что обратное начало (т. е. признаніе, что личныя и имущественныя отношенія между

---

[1]) На основаніи ст. XXXI Введ. Св. мѣстн. узак. губ. Приб. „отношенія, возникающія изъ родительской власти, подлежатъ законамъ, дѣйствующимъ въ мѣстожительствѣ отца, и по его званію".

Этотъ законъ оставляетъ открытымъ вопросъ, измѣняются ли отношенія между родителями и дѣтьми (подобно отношеніямъ супруговъ по имуществу) въ зависимости отъ перемѣны мѣста жительства отца. По мнѣнію Erdman'a (стр. 57), родительская власть, а также искъ объ отысканіи отца опредѣляются законами мѣста жительства отца во время рожденія ребенка; право родителей на имущество дѣтей можетъ подлежать измѣненію въ зависимости отъ законовъ, дѣйствующихъ въ мѣстѣ жительства отца въ случаѣ перемѣны такового; узаконеніе и усыновленіе подвѣдомо законамъ того мѣста, въ которомъ совершаются эти дѣйствія.

Такимъ образомъ оказывается, что, въ случаѣ рожденія дѣтей въ послѣдовательно перемѣняемомъ мѣстѣ жительства отца, личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми одной семьи могутъ быть различны, въ зависимости отъ разномѣстныхъ законовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ эти отношенія возникли.

См. гл. IV, прим. 3.

[2]) Зак. сост. ст. 37, Св. зак. т. IX изд. 1899 г.; п. 3 и 4 ст. 144^1 и 152 Св. зак. т. X ч. 1, изд. 1900 г.: ст. 132^3 т. X ч. 1, по прод. 1906 г.; ст. 236, 294—297, 312 гражд. улож. Ц. П.

родителями и дѣтьми опредѣляются законами края, въ которомъ эти отношенія возникли или къ которому принадлежитъ лицо, *пріобрѣтающее* права состоянія) привело бы къ установленію такихъ взаимныхъ правъ и обязанностей по отношенію къ однимъ, которыя оказались бы несовмѣстимыми съ такими же правами и обязанностями по отношенію къ другимъ членамъ одной и той же семьи въ томъ случаѣ, если эти лица, до вступленія въ семью, подлежали вѣдомству различныхъ законовъ; такая аномалія имѣла бы мѣсто въ случаѣ, напр., усыновленія однимъ лицомъ двухъ лицъ, изъ коихъ права одного опредѣляются ст. 315 гражд. улож., а права другого ст. 156[1] т. X ч. I. изд. 1900 г.

Обратимся къ разсмотрѣнію взаимныхъ правъ и обязанностей лицъ, образующихъ союзъ родителей и дѣтей.

54. Законность рожденія зависитъ отъ законности брака; но, такъ какъ условія законности брака опредѣляются тождественными во всемъ государствѣ каноническими правилами каждаго вѣроисповѣданія, то и разсмотрѣніе условій законности брака не входитъ въ нашу задачу.

Что касается собственно *законности рожденія*, то признаки его, въ силу вышеприведеннаго начала, служащаго руководствомъ при разрѣшеніи вопросовъ о правахъ и обязанностяхъ, сопряженныхъ съ союзомъ родителей и дѣтей, опредѣляются законами того края, въ которомъ родители считаются водворенными. По законамъ Имперіи и Царства признаки законности рожденія по своему существу хоть и не вполнѣ совпадаютъ, но даже коренное ихъ различіе не имѣло бы значенія съ точки зрѣнія междуобластного частнаго права, такъ какъ вопросъ о законности рожденія касается гражданскаго состоянія, опредѣляемаго, на основаніи 3 п. 3 ст. гражд. улож., всегда личными статутами, которымъ подчинялось лицо во время возникновенія его гражданскаго состоянія. Поэтому вопросъ о законности рожденія, напр., коренного жителя Царства подлежитъ разрѣшенію по законамъ края, къ которому принадлежали его родители во время его рожденія. Такимъ образомъ, какъ при опредѣленіи признаковъ законности ро-

жденія, такъ и при установленіи личныхъ и по имуществу отношеній между законными дѣтьми и ихъ родителями, исключается возможность примѣненія законовъ по мѣсту пребыванія родителей или дѣтей; такъ, напр., согласно вышеизложенному, взаимныя права и обязанности родителей и дѣтей доставлять другъ другу содержаніе опредѣляются статутами личными.

55. Важныя сомнѣнія могутъ однако возникнуть при обсужденіи отношенія родителей къ отдѣльному имуществу дѣтей.

На основаніи ст. 341—344 и 430 гражд. улож. родителямъ по закону принадлежитъ пользованіе имуществомъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей; притомъ, во время брака родителей, не допускается учрежденія особой опеки надъ отдѣльнымъ имуществомъ дѣтей, такъ какъ интересы дѣтей признаются достаточно огражденными естественною къ нимъ привязанностью родителей; на случай, однако, противоположности ихъ интересовъ слѣдуетъ созвать семейный совѣтъ съ цѣлью назначенія спеціальнаго опекуна (ad hoc), на обязанности котораго будетъ лежать, въ данномъ случаѣ, представительство дѣтей для заключенія, напр., съ ихъ отцомъ юридической сдѣлки, въ которой интересы сторонъ не совпадаютъ [3]).

Необходимость въ назначеніи особаго опекуна (ad hoc) можетъ встрѣтиться для защиты имущества, принадлежащаго несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, отъ неправильно обращеннаго на него взысканія кредиторомъ родителей (ст. 1092 уст. гражд. суд.).

По ст. 193 и 180 т. X ч. I родители не имѣютъ никакихъ правъ на отдѣльное имущество дѣтей и, во время несовершеннолѣтія дѣтей, управляютъ имъ на общемъ правѣ опекунскомъ. Такимъ образомъ по отношенію къ лицамъ, водвореннымъ въ Имперіи, но временно пребывающимъ въ губерніяхъ Царства, возникаетъ вопросъ объ

---

[3]) Wołowski. I № 395; Aubry et Rau, Cours de dr. civ. fr. 1869 г. I § 123.

установленіи семейнаго совѣта, какъ учрежденія, обязаннаго наблюдать за дѣйствіями опекуновъ. Отношеніе родителей къ имуществу дѣтей опредѣляется пространствомъ родительской власти, установленнымъ даннымъ законодательствомъ; существо и предѣлъ родительской власти опредѣляются личными статутами, подобно власти мужниной. Поэтому я полагаю, что надъ обладающими отдѣльнымъ отъ родителей имуществомъ дѣтьми коренныхъ жителей Имперіи, пребывающихъ въ Царствѣ, безусловно должна быть учреждена опека, хотя бы установленіе таковой и не требовалось по отношенію къ кореннымъ жителямъ Царства.

Въ силу тѣхъ же соображеній о существѣ и предѣлахъ родительской власти коренные жители Царства, пребывая въ Имперіи, управляютъ отдѣльнымъ имуществомъ своихъ дѣтей самостоятельно, внѣ контроля мѣстныхъ опекунскихъ установленій, и въ правѣ обратиться къ этимъ установленіямъ съ требованіемъ о назначеніи спеціальнаго опекуна въ случаѣ несовмѣстимости интересовъ родителей съ интересами несовершеннолѣтнихъ.

Такимъ образомъ, хотя самый *порядокъ* опеки и опредѣляется территоріальными законами (см. гл. IV § 25), но *поводы* учрежденія опеки устанавливаются статутами личными, которыми опредѣляются и охраняются родительская власть и взаимныя права родителей и дѣтей (ст. 467 учр. суд. уст.).

56. Обсуждая взаимныя отношенія между родителями и законными дѣтьми, необходимо остановиться еще на самомъ производствѣ дѣлъ о законности рожденія.

Въ ст. 235 и 236 положенія 19 февраля 1875 г. о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ Варшавскому судебному округу (ст. 1623 и 1624 уст. гражд. суд.), въ отмѣну главы второй раздѣла третьяго устава гражданскаго судопроизводства (ст. 1346—1353), постановлено: дѣла о законности рожденія производятся на общемъ основаніи, съ изъятіями, въ статьяхъ 272—290 гражданскаго уложенія 1825 года установленными. Но ст. 1346—1353 уст. гражд. суд., хотя и

не дѣйствуютъ, въ видѣ общаго правила, въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, должны однако, въ силу ст. 467 учр. суд. уст., быть соблюдаемы въ точности по отношенію къ правамъ, опредѣляемымъ и охраняемымъ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи узаконеніями. Такъ какъ вопросъ о законности рожденія коренныхъ жителей Имперіи опредѣляется законами имперскими, то по отношенію къ нимъ и въ Варшавскомъ судебномъ округѣ дѣла о законности рожденія должны производиться не на основаніи ст. 1623 и 1624 уст. гражд. суд. и ст. 272 и 290 гражд. улож., а съ примѣненіемъ имперскихъ законовъ, какъ матеріальнаго, такъ и согласованнаго съ ними процессуальнаго права.

Этотъ вопросъ едва-ли можетъ возбудить какія либо сомнѣнія.

Но какъ поступать *имперскому* суду, въ случаѣ возбужденія въ немъ дѣла о законности рожденія коренного жителя Царства? За отсутствіемъ прямого указанія въ законѣ, имперскій судъ можетъ затрудниться примѣнить подлежащія правила гражданскаго уложенія, тѣмъ болѣе, что въ ст. 272—290 гражд. улож. содержатся нормы не только матеріальнаго, но и процессуальнаго права.

Примѣненіе къ дѣлу о законности рожденія коренного жителя Царства матеріальныхъ и процессуальныхъ нормъ имперскаго права представляется невозможнымъ и вотъ почему: не говоря уже о томъ, что по гражданскому уложенію самые признаки законности рожденія (ст. 272—274) не вполнѣ совпадаютъ съ соотвѣтственными указаніями имперскихъ гражданскихъ законовъ,—право мужа матери на возбужденіе спора о законности рожденнаго его женой ребенка ограничивается различными по обоимъ законодательствамъ сроками; по ст. 1350 уст. гражд. суд. споръ о незаконности рожденія можетъ быть возбужденъ мужемъ матери въ теченіе года или двухъ со времени рожденія ребенка, смотря по тому, находился ли мужъ въ предѣлахъ государства или заграницей; между тѣмъ по ст. 276 гражд. улож. споръ о незаконности рожденія дитяти можетъ быть заявленъ мужемъ матери лишь въ мѣсячный срокъ, если мужъ нахо-

дился въ мѣстѣ рожденія ребенка, или въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, если мужъ отсутствовалъ. Кромѣ того, и самый кругъ лицъ, имѣющихъ право возбуждать споръ о незаконности рожденія, въ случаѣ смерти мужа матери до истеченія вышеуказанныхъ сроковъ, опредѣляется различно по законамъ Царства и Имперіи; по ст. 1352 уст. гражд. суд. такое право принадлежитъ *законнымъ наслѣдникамъ* мужа, тогда какъ по ст. 277 гражд. улож. могутъ предъявить такой споръ не только законные наслѣдники, но и общіе и долевые легатаріи мужа [4]). Достаточно указать на эти существенныя различія между законами имперскими и губерній Царства, чтобы усмотрѣть, что примѣненіе однѣхъ правовыхъ нормъ вмѣсто другихъ глубоко затрогиваетъ интересъ не только лица, законность рожденія котораго оспаривается, но и законный интересъ третьихъ лицъ.

Но судъ не можетъ отказаться отъ разрѣшенія дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. Для избѣжанія обвиненія въ отказѣ правосудія, имперскому суду остается, по моему мнѣнію, лишь одно средство: въ силу ст. 9 уст. гражд. суд. разрѣшить вопросъ о законности рожденія коренного жителя Царства на основаніи гражданскаго уложенія, такъ какъ этимъ закономъ опредѣляются и охраняются личныя права всѣхъ коренныхъ жителей Царства.

Всякія по сему предмету недоразумѣнія были бы устранены въ случаѣ помѣщенія въ процессуальныхъ законахъ правила, соотвѣтствующаго статьѣ 467 учр. суд. уст., на случай возбужденія въ имперскихъ судахъ дѣла о правахъ, опредѣляемыхъ и охраняемыхъ законами Царства Польскаго.

57. Существенно различіе между законами имперскими и Царства, опредѣляющими положеніе *дѣтей отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными*, и отношеніе такихъ дѣтей

[4]) Рѣш. 1870 года IX Деп. Пр. Сената; См. мой Сборникъ рѣшеній бывш. Варшавскаго IX Деп. Пр. Сен. и пр. 1898. стр. 23.

къ родителямъ. Хотя по законамъ какъ Имперіи, такъ и Царства (ч. I т. X ст. 131[1]—131[6] по прод. 1906 г. и ст. 260 и 261 гражд. улож.) послѣдующее признаніе недѣйствительности брака не вліяетъ на гражданское состояніе рожденныхъ отъ сего брака дѣтей, которыя сохраняютъ права дѣтей законныхъ, но разница между обоими законодательствами состоитъ въ томъ, что по имперскому это положеніе имѣетъ значеніе безусловное, внѣ зависимости отъ добросовѣстности родителей, вступившихъ въ бракъ; между тѣмъ по законамъ Царства сохраненіе за дѣтьми, рожденными отъ брака недѣйствительнаго, правъ дѣтей законныхъ обусловлено добросовѣстностью по крайней мѣрѣ одного изъ его родителей при вступленіи въ бракъ; въ отсутствіи такой добросовѣстности дитя признается внѣбрачнымъ [5]).

Такимъ образомъ прекращеніе брака, по причинѣ признанія его недѣйствительности, влечетъ, по отношенію къ рожденнымъ отъ него дѣтямъ, послѣдствія, аналогичныя съ тѣми, которыя наступаютъ въ случаѣ прекращенія брака по другимъ причинамъ—развода или смерти родителей; судьба дѣтей, рожденныхъ отъ брака недѣйствительнаго, опредѣляется по личнымъ статутамъ, которымъ подчинялись его родители во время рожденія ребенка въ зависимости отъ того, считались ли они водворенными въ Царствѣ или въ Имперіи.

То же самое начало (по аналогіи ст. 119 т. X ч. I и 272 гражд. улож.) должно имѣть примѣненіе при сужденіи о правахъ состоянія ребенка, зачатаго до признанія недѣйствительности брака его родителей, но рожденнаго послѣ прекращенія брака на этомъ основаніи.

58. При обсужденіи значенія формы актовъ (гл. V §§ 40—42) мы уже касались вопроса объ *узаконеніи и усыновленіи*; при этомъ было выяснено, что порядокъ усыновленія и узаконенія коренными жителями Имперіи существенно отличается отъ порядка, установленнаго для узаконенія или усыновленія коренными жителями Царства. Это формальное различіе обоихъ

[5]) Wołowski. I №№ 223, 267.

порядковъ обусловлено отчасти различіемъ матеріально-правовыхъ нормъ, имѣющихъ примѣненіе въ каждомъ изъ означенныхъ случаевъ. Сопоставимъ теперь существенныя черты русскихъ и польскихъ законовъ объ узаконеніи и усыновленіи.

Отличительная черта польскаго законодательства состоитъ въ томъ, что его постановленія имѣютъ равное примѣненіе къ лицамъ всѣхъ исповѣданій и всѣхъ состояній [6]); кромѣ того, въ законахъ Царства преобладаетъ религіозная идея чистоты брака надъ естественнымъ стремленіемъ и общественною обязанностью родителей обезпечить участь дѣтей, рожденныхъ внѣ брака. Между тѣмъ имперскій законъ (ст. 144[1] т. X ч. I по прод. 1906 г.) разрѣшаетъ лишь христіанскому населенію узаконеніе внѣбрачныхъ дѣтей послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1903 г. № 147); усыновленіе христіанами нехристіанъ, и наоборотъ, запрещено (ст. 148 т. X ч. I изд. 1900 г.), а въ ст. 151—156 т. X ч. I указаны особыя условія усыновленія для каждаго сословія. Притомъ не исключается возможность узаконенія и усыновленія дѣтей, рожденныхъ и отъ прелюбодѣянія, а усыновленія—даже дѣтей, рожденныхъ отъ кровосмѣшенія; усыновленіе собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей пользуется особымъ покровительствомъ закона и происходитъ на основаніи особенно льготныхъ правилъ (т. X ч. I ст. 150[1] по прод. 1906 г.).

На ряду съ узаконеніемъ и усыновленіемъ гражданскому уложенію извѣстенъ еще институтъ *признанія* внѣбрачныхъ дѣтей. По своему существу признаніе близко подходитъ къ русскому усыновленію собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей, ибо въ основаніи того и другого лежитъ, главнымъ образомъ, собственное заявленіе усыновляющаго или признающаго о происхожденіи отъ нихъ усыновляемаго или признаваемаго; роль органовъ власти сводится въ этомъ отношеніи единственно къ повѣркѣ степени вѣроятности заявленія усыновляющаго или признающаго; такъ, напр., не можетъ быть

---

[6]) Законодательству Царства чуждо понятіе о сословіяхъ.

допущено признаніе или усыновленіе, какъ собственнаго внѣбрачнаго ребенка, лицомъ младшимъ лица старшаго.

По обоимъ законодательствамъ дѣти усыновленныя пользуются правами дѣтей законныхъ. Права дѣтей усыновленныхъ по гражданскому уложенію шире правъ, предоставляемыхъ имъ имперскими законами: по уложенію они наслѣдуютъ послѣ усыновителя наравнѣ съ дѣтьми законными (ст. 315 гражд. улож.), тогда какъ по ст. 156[1] т. X ч. I изд. 1900 г. усыновленные наслѣдуютъ лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ усыновителя.

По польскому законодательству дѣти *признанныя* выдѣляются въ особую группу; правъ дѣтей законныхъ они не имѣютъ (ст. 302 гражд. улож.); регламентаціи ихъ наслѣдственныхъ правъ посвящены ст. 756—766 код. Нап., при чемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, имъ предоставляется наслѣдовать даже во всемъ имуществѣ родителей (ст. 758 код. Нап.).

Дѣти, рожденныя отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія ихъ родителей, не могутъ быть ни узаконены, ни признаны (ст. 291 и 299 гражд. улож.; ст. 762 код. Нап.); о воспрещеніи усыновлять собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей законъ не упоминаетъ, такъ какъ, по мысли закона, усыновленію могутъ подлежать лишь чужія, а не собственныя дѣти [7]).

59. Существенно отличается отношеніе польскаго законодательства и къ другимъ внѣбрачнымъ дѣтямъ—неузаконеннымъ и непризнаннымъ—отъ воззрѣнія законовъ имперскихъ на дѣтей внѣбрачныхъ, неузаконенныхъ. За исключеніемъ немногихъ случаевъ (напр., въ случаѣ похищенія женщины), когда происхожденіе ребенка отъ даннаго мужчины можетъ быть установлено въ порядкѣ уголовномъ (ст. 305 гражд. улож.), или въ случаѣ обольщенія матери ребенка обѣщаніемъ на ней жениться (ст. 243 полож. о союз. бр. 1836 г.), дѣйствующее гражданское уложеніе, вслѣдъ за кодексомъ Наполеона, отвер-

[7]) Проектъ закона о примѣненіи въ губ. Царства Польскаго началъ закона 3 іюня 1902 г. объ улучшеніи положенія внѣбрачныхъ дѣтей представленъ въ Государственную Думу.

гаетъ всякую связь между внѣбрачными дѣтьми и физическимъ виновникомъ ихъ рожденія и воспрещаетъ даже самое возбужденіе производства съ цѣлью отысканія отца— la recherche de la paternité est interdite (ст. 305 гражд. улож.).

Отыскивать мать разрѣшается, за исключеніемъ, однако, случаевъ рожденія отъ прелюбодѣянія или кровосмѣшенія (ст. 306 и 307 гражд. улож.); по признаніи судебнымъ порядкомъ происхожденія отъ данной матери, внѣбрачный ребенокъ получаетъ права наслѣдованія послѣ нея, на основаніи общихъ правилъ о наслѣдованіи внѣбрачными признанными дѣтьми (ст. 756 код. Нап.; рѣш. IX Деп. Правит. Сен. 1864 г. [8]); судебное рѣшеніе замѣняетъ актъ признанія.

Между тѣмъ имперскій законъ 3 іюня 1902 г. объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей (ст. 132—132[15] т. X ч. I, по прод. 1906 г.), дѣйствіе котораго не распространено на губерніи Царства Польскаго, позволяетъ всякимъ внѣбрачнымъ дѣтямъ отыскивать судебнымъ порядкомъ родителей.

Хотя гражданское состояніе ни матери, ни отца не сообщается внѣбрачному, но отецъ внѣбрачнаго ребенка обязанъ доставлять ему содержаніе, матери же предоставляется родительская власть и право наслѣдованія послѣ внѣбрачнаго ребенка, точно такъ же, какъ и внѣбрачному принадлежитъ право наслѣдованія въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери.

По имперскому праву внѣбрачный ребенокъ хотя и не вводится въ составъ юридической семьи, но внѣбрачное сожитіе, послѣдствіемъ котораго было рожденіе ребенка, ex lege возлагаетъ на отца по отношенію къ ребенку и его матери извѣстныя обязательства по ихъ содержанію, аналогичныя тѣмъ, которыя устанавливаются въ силу законнаго брака (ср. рѣш. Гр. Касс. Деп. 1888 г. № 17).

Совершенно иное по польскому праву; незаконное сожительство, даже въ случаѣ рожденія ребенка, не возлагаетъ на отца никакихъ обязательствъ ни въ отношеніи ребенка,

[8]) Kapusciński. № 597.

ни въ отношеніи его матери; незаконное сожительство получаетъ характеръ гражданскаго деликта лишь въ томъ случаѣ, когда со стороны мужчины были допущены обманные пріемы (manoeuvres); да и въ этомъ случаѣ потерпѣвшею признается лишь мать ребенка, которой посему и предоставляется искъ объ убыткахъ, на основаніи ст. 1382 код. Нап.; внѣбрачный ребенокъ остается всецѣло на попеченіи матери и не имѣетъ права требовать содержанія отъ сожителя своей матери [9]).

Вслѣдствіе такого различія въ юридической оцѣнкѣ одного и того же факта можетъ возникнуть своеобразная коллизія между законами мѣста совершенія дѣянія (незаконнаго сожительства, послѣдствіемъ котораго было рожденіе ребенка) и національнымъ закономъ, которымъ опредѣляется отношеніе отца къ его внѣбрачному ребенку и его матери. Въ силу общаго правила, какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ (гл. XI § 79), обязательства, основанныя на деликтахъ, возникаютъ исключительно въ томъ случаѣ, когда дѣяніе признается деликтомъ по законамъ мѣста совершенія этого дѣянія. Потому въ территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствія законовъ польскихъ всякій, а въ томъ числѣ и коренной житель Имперіи, можетъ быть привлеченъ къ имущественной отвѣтственности за такое незаконное сожительство, которое квалифицируется деликтомъ (ст. 243 полож. о союз. бр.: „если женихъ, отъ котораго сговоренная съ нимъ невѣста сдѣлалась беременною, станетъ потомъ отказываться отъ вступленія съ нею въ бракъ. . .). Но коренной житель Имперіи, кромѣ того, въ силу своего національнаго закона, можетъ и внѣ случая, указаннаго въ ст. 243 пол. о союз. бр., быть понужденъ къ исполненію и *личной* обязанности, возлагаемой на него русскимъ закономъ,—пещись о своихъ даже внѣбрачныхъ дѣтяхъ и о ихъ матери. Притомъ имущественная отвѣтственность за деликтъ переходитъ и на наслѣдниковъ виновнаго, личная же обязанность родителя съ его смертью прекращается (ср.

[9]) См. Sirey—Codes Annotés. 1901 г. ст. 1382 № 871—882; Ст. 243 полож. союз. бр. 1836 г. постановлена, какъ видно изъ законодательныхъ мотивовъ, въ развитіе ст. 1382 код. Нап., см. Konic, стран. 295.

рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1888 г. № 17). Между тѣмъ, коренной житель Царства не можетъ подлежать какой либо отвѣтственности за незаконное, въ предѣлахъ губерній имперскихъ, сожительство даже въ случаѣ рожденія ребенка; отвѣтственности ex delicto онъ не подлежитъ, потому что такое дѣяніе, по имперскому праву (по закону мѣста совершенія), не признается деликтомъ; отвѣтственности личной ex lege онъ не можетъ быть подвергнутъ въ виду того, что законы о правахъ семейственныхъ, дѣйствующіе въ Имперіи, а въ томъ числѣ и законъ 2 іюня 1902 года, не распространяются на лицъ, подчиняющихся въ семъ отношеніи своимъ особымъ національнымъ законамъ [10]).

Выходъ изъ такого ненормальнаго положенія можетъ быть обезпеченъ лишь посредствомъ объединенія законодательства по вопросу о юридической квалификаціи незаконнаго сожительства и возникающихъ изъ сего отношеній въ случаѣ рожденія ребенка [11]).

---

[10]) „Eine Deliktsobligation entspringt immer dann, aber auch nur dann, wenn das Recht des Thatorts sie entspringen lässt; eine Legalobligation entspringt dann, aber auch nur dann, wenn das Heimatrecht des in Anspruch genommenen sie entstehen lässt". Zitelmann II стр. 469—471.

До изданія закона 2 іюня 1902 г., во всей государственной территоріи дѣйствовала ст. 994 улож. нак., по которой за противозаконное сожитіе неженатаго съ незамужней полагалось церковное покаяніе. Въ случаѣ рожденія ребенка, „отецъ обязанъ, сообразно съ состояніемъ своимъ, обезпечить приличнымъ образомъ содержаніе младенца и матери".

Въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа, ст. 994 улож. нак. смягчала крайне суровое отношеніе мѣстныхъ законовъ къ внѣбрачнымъ дѣтямъ и ихъ матерямъ.

Но законъ 1902 г., значительно улучшивъ положеніе означенныхъ лицъ въ предѣлахъ дѣйствія Св. зак. т. X ч. I, вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно отмѣнилъ ст. 994 улож. нак., которая утратила свою силу и въ округѣ Варшавской судебной палаты (опр. Общ. Собр. Касс. Деп. Правительствующаго Сената отъ 17 марта 1903 г.).

Вслѣдствіе сего въ губерніяхъ Царства Польскаго положеніе внѣбрачныхъ дѣтей и ихъ матерей опредѣляется исключительно мѣстными законами, разсмотрѣнными въ текстѣ.

[11]) По ст. XXX введ. Св. мѣст. узак. губ. Прибалт. „отношенія, происходящія отъ внѣбрачнаго сожитія, разсматриваются по постановленіямъ того права, которому подвѣдомственъ обольститель, по мѣстожительству и по званію". Такимъ образомъ мѣстные законы не разсматриваютъ внѣбрачное сожитіе, какъ деликтъ. Но отношенія отца къ внѣбрачнымъ дѣтямъ

ГЛАВА VIII.

О наслѣдованіи по закону.

60. Отсутствіе единства принциповъ наслѣдованія въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ.—61. Вытекающія изъ сего послѣдствія.—62. Наслѣдованіе въ движимомъ имуществѣ послѣ лица, не считающагося водвореннымъ исключительно въ одной области.—63. Отреченіе отъ наслѣдства и принятіе наслѣдства на правѣ инвентарномъ.—64. Отвѣтственность за долги, оставшіеся послѣ владѣльца маіората.

60. Наслѣдственное право находится въ тѣснѣйшей связи съ правомъ семейнымъ, а потому, казалось бы, въ основаніе того и другого должны быть положены одни и тѣ же начала.

Если, какъ мы видѣли выше, отношенія семейныя опредѣляются статутами личными, законами національными, то строгая послѣдовательность требуетъ примѣненія тѣхъ же принциповъ къ наслѣдственному праву.

Этотъ взглядъ, къ которому склоняется и новѣйшая литература по международному гражданскому праву, принятъ итальянскимъ гражданскимъ кодексомъ, въ ст. VIII котораго сказано: наслѣдства законное и по завѣщанію, какъ въ отношеніи порядка наслѣдованія, такъ и содержанія наслѣдственныхъ правъ и внутренней силы распоряженій, опредѣляются національнымъ закономъ наслѣдодателя, независимо отъ рода имущества и того, въ какой странѣ оно находится [1]).

Русско-польское междуобластное частное право, согласно со взглядами, господствовавшими во время выработки его нормъ, проводитъ иное начало.

На основаніи ст. 1 Высочайше утвержденнаго 5 іюля 1844 г.

опредѣляются, какъ указано выше въ прим. 1.—И до отмѣны ст. 994 улож. нак. иски объ обезпеченіи внѣбрачнаго ребенка и его матери подлежали производству въ гражданскомъ порядкѣ въ виду ст. 167—170, 152 и слѣд. т. III Св. мѣстн. узак. губ. Прибалт. (опр. Общ. Собр. Касс. Деп. 1891 г. № 24).

[1]) Bar, II, № 362—367.—Мартенсъ, Совр. междунар. пр. 1883 г. т. II стран. 310—317.—Laurant, Principes de Dr. Civ. 1869. I № 126. „Logiquement, il faut admettre un seul et même principe pour les meubles et pour les immeubles, pour les personnes et pour les biens". „Les biens sont l'accessoire de la personne".

мнѣнія Государственнаго Совѣта, соотвѣтствующей ст. 1287 зак. гражд., права и обязанности по отношенію къ наслѣдству *движимаго* имущества послѣ лицъ, водворенныхъ въ Имперіи, но временно пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ, и наоборотъ, послѣ водворенныхъ въ Царствѣ, но временно пребывающихъ въ губерніяхъ великороссійскихъ или въ областяхъ, состоящихъ на особыхъ правахъ, опредѣляются: въ первомъ случаѣ,—общими законами Имперіи или мѣстными законами того края, къ коему по званію и состоянію своему принадлежалъ умершій, а въ послѣднемъ—законами, дѣйствующими въ Царствѣ Польскомъ. По ст. 9 того же закона (ст. 1295 зак. гражд.) это правило не касается постановленій, опредѣляющихъ порядокъ наслѣдованія въ имѣніяхъ *недвижимыхъ*.

61. Разсмотримъ послѣдствія, вытекающія изъ этихъ нормъ русско-польскаго междуобластного права.

Оба законодательства, русское и польское, согласны въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ на сущность права наслѣдованія, какъ на универсальное преемство, въ силу котораго имущественная личность наслѣдователя воскресаетъ въ лицѣ его наслѣдника, вступающаго вслѣдствіе сего во всѣ имущественныя юридическія отношенія умершаго. Право наслѣдованія опредѣляется отношеніемъ преемника не къ предмету наслѣдованія, а къ лицу наслѣдователя; оно является правомъ личнымъ, хотя и касается лишь имущественной сферы правъ наслѣдователя (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1885 г. № 131). Исходя изъ этихъ основныхъ положеній обоихъ законодательствъ, слѣдовало бы ожидать, что и нормы междуобластного права, въ примѣненіи тѣхъ же началъ, признаютъ, что, при различіи личныхъ статутовъ разныхъ областей, содержаніе права наслѣдованія ни въ какомъ случаѣ не опредѣляется законами loci rei sitae, а законами той мѣстности, кореннымъ жителемъ которой считался умершій, т. е. личными статутами наслѣдователя. Между тѣмъ, въ силу выше приведенныхъ положительныхъ нормъ междуобластного права, выходитъ иное: несмотря на то, что наслѣдство составляетъ

единую массу, кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, и размѣръ участія каждаго изъ нихъ въ наслѣдствѣ послѣ лица, водвореннаго въ Имперіи, но временно пребывавшаго въ Царствѣ, или въ обратномъ случаѣ, опредѣляется различно по отношенію къ имуществу движимому и недвижимому (ср. гл. XI § 80). Въ отношеніи движимаго имущества примѣняются національные законы наслѣдодателя; по отношенію къ недвижимому — законы мѣстности, гдѣ оно расположено [2]).

Поясним это примѣромъ. Если послѣ умершаго коренного жителя Имперіи останется недвижимость въ Царствѣ, а кромѣ того и движимое имущество, то раздѣлъ между вдовою, сыномъ и дочерью умершаго придется совершить слѣдующимъ образомъ: въ недвижимомъ имуществѣ сынъ и дочь наслѣдуютъ поровну, а вдова получаетъ долю, равную долѣ каждаго изъ дѣтей (въ данномъ случаѣ $^1/_3$), но лишь въ пожизненное пользовладѣніе (ст. 232 гражд. код.); въ движимомъ имуществѣ вдова получитъ въ собственность $^1/_4$, а дочь — $^1/_8$; остальное получитъ сынъ (ст. 1148 и 1130 зак. гражд.).

Если послѣ умершаго коренного жителя Царства останется недвижимость въ Имперіи, а кромѣ того и движимое имущество, то, при указанныхъ выше условіяхъ, раздѣлъ между вдовой, сыномъ и дочерью совершается слѣдующимъ образомъ: изъ недвижимаго имущества вдова получитъ $^1/_7$, а дочь $^1/_{14}$ въ собственность; остальное получаетъ сынъ; изъ движимаго имущества сынъ и дочь наслѣдуютъ поровну, а вдова получаетъ долю, равную долѣ каждаго изъ дѣтей, но лишь въ пожизненное пользовладѣніе.

Такимъ образомъ оказывается, что при наслѣдованіи по законамъ Царства не принимаются въ соображеніе ни полъ наслѣдниковъ, ни свойство наслѣдственнаго имущества; равно

---

[2]) На основаніи ст. XXXIV Св. мѣстн. узак. Прибалт. въ губерніяхъ Эстляндской и Курляндской право наслѣдованія какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ опредѣляется законами той территоріи, къ которой принадлежалъ наслѣдодатель по своему послѣднему мѣстожительству и по званію. Наслѣдованіе въ недвижимомъ имуществѣ, расположенномъ въ Лифляндіи и во внутреннихъ имперскихъ губерніяхъ, опредѣляется законами lоci rei sitae.

не имѣетъ значенія и происхожденіе имуществъ, такъ какъ законамъ Царства чуждо понятіе о родовомъ имуществѣ (ст. 732 гражд. код.).

По законамъ имперскимъ право наслѣдованія не ограничено какой либо степенью родства; между тѣмъ, по законамъ Царства, въ боковыхъ линіяхъ, родственники далѣе двѣнадцатой степени не наслѣдуютъ (ст. 755 гражд. код.).

62. Крайне трудно, по дѣйствующимъ коллизіоннымъ нормамъ, разрѣшить вопросъ о наслѣдованіи въ *движимомъ* имуществѣ послѣ лица, которое не можетъ быть признано водвореннымъ исключительно въ Имперіи или въ губерніяхъ Царства, т. е. послѣ лица, имѣющаго двойное мѣсто водворенія. По ст. 1294 т. X ч. 1 (ст. 8 зак. 5 іюля 1844 г. для Царства Польскаго и ст. 8 зак. 8 апрѣля 1843 г. для Финляндіи) права такого лица „по распоряженію движимымъ имуществомъ опредѣляются законами *мѣста его происхожденія; но тѣмъ же закономъ рѣшатся и дѣла по раздѣламъ оставшагося послѣ него имущества*“. Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1899 г. № 15 выразилъ мнѣніе, что подъ выраженіемъ *происхожденіе* слѣдуетъ понимать мѣсто *рожденія*. Но едва-ли не правильнѣе сужденіе Правительствующаго Сената по Первому Общему Собранію (см. гл. II прим. 5), что случайный фактъ рожденія въ той либо иной области не можетъ обосновать *укорененія*. Согласно съ духомъ закона 5 іюля 1844 г., дающаго мѣсту *коренного* жительства рѣшающее значеніе въ вопросѣ о коллизіи разномѣстныхъ законовъ, слѣдуетъ, казалось бы, подъ *мѣстомъ происхожденія*, о которомъ говорится въ ст. 1294 т. X ч. 1, понимать мѣсто *первоначальной* приписки наслѣдодателя въ коренные жители той либо иной области [3]).

---

[3]) Подробный разборъ рѣшенія Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1899 г. № 15 см. у Нольде Вѣстникъ Права 1900 г. Сентябрь (стр. 41) и Шалландъ (Право 1901 г. № 41). Такъ какъ единственнымъ признакомъ мѣста водворенія въ Царствѣ Польскомъ служитъ внесеніе въ книги постояннаго народонаселенія (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1890 г. № 63), то едва-ли можетъ представить дѣйствительное затрудненіе разрѣшеніе во-

63. Но различный способъ опредѣленія размѣра правъ, принадлежащихъ наслѣдникамъ въ имуществѣ движимомъ и недвижимомъ, не лишаетъ наслѣдственную массу единства, въ смыслѣ совокупности имущественныхъ правъ и обязательствъ наслѣдодателя. Поэтому какъ отреченіе отъ наслѣдства, такъ и его принятіе не могутъ относиться къ части наслѣдства; можно только либо всецѣло отречься отъ наслѣдства, либо принять его всецѣло. Принятіе наслѣдства влечетъ, по обоимъ законодательствамъ, сліяніе имущества наслѣдодателя съ имуществомъ наслѣдника, дѣлая такимъ образомъ послѣдняго отвѣтственнымъ за пассивъ наслѣдства, хотя бы онъ превышалъ активъ.

Но такая неограниченная отвѣтственность наслѣдника не является *необходимымъ* послѣдствіемъ принципа универсальности наслѣдственнаго преемства; этотъ принципъ требуетъ лишь, чтобы передъ кредиторами наслѣдодателя отвѣчалъ его наслѣдникъ тѣмъ самымъ имуществомъ, которымъ обладалъ наслѣдодатель-должникъ. Поэтому, согласно съ римскимъ правомъ, и законы Царства допускаютъ еще особый видъ принятія наслѣдства, на правѣ инвентарномъ; имъ предупреждается сліяніе наслѣдственнаго имущества съ имуществомъ наслѣдника, который, такимъ образомъ, отвѣтствуетъ передъ кредиторами наслѣдодателя исключительно унаслѣдованнымъ имуществомъ. Отъ имени несовершеннолѣтнихъ и лицъ, состоящихъ подъ законнымъ прещеніемъ, наслѣдство, въ силу самаго закона, можетъ быть принято не иначе, какъ на правѣ инвентарномъ (ст. 438 гражд. улож. и 776 код. Нап.). Между тѣмъ имперскіе законы не допускаютъ такого принятія наслѣдства съ ограниченіемъ, лишь предѣлами актива, отвѣтственности за обременяющіе его долги.

Поэтому возбуждается вопросъ: опредѣляется ли возможность принять наслѣдство на правѣ инвентарномъ личными

проса о томъ, слѣдуетъ ли данное лицо считать кореннымъ жителемъ Имперіи или Царства (см. гл. II §. 14). По *общимъ* коллизіоннымъ нормамъ (ст. 1285 т. X ч. 1) вопросъ о наслѣдованіи въ движимомъ имуществѣ послѣ лица, имѣвшаго двойное *мѣсто жительства*, разрѣшается по законамъ мѣста его послѣдняго пребыванія.

статутами наслѣдодателя, или законами края, которымъ подвѣдомственно самое наслѣдственное имущество.

Въ законахъ не имѣется прямого отвѣта на этотъ вопросъ, но ключъ для его разрѣшенія можно найти въ тѣхъ соображеніяхъ, которыми оправдывается самый институтъ универсальнаго наслѣдственнаго преемства.

Едва-ли необходимо оговаривать невозможность принятія *части* наслѣдства на правѣ инвентарномъ, *части* же съ неограниченною отвѣтственностью за долги наслѣдодателя; заявленіе о принятіи наслѣдства на такихъ условіяхъ не имѣло бы своимъ послѣдствіемъ ограниченія отвѣтственности наслѣдниковъ за пассивъ наслѣдства.

Институтъ универсальнаго наслѣдственнаго преемства оправдывается интересами кредита, твердость котораго требуетъ его независимости отъ продолжительности жизни должника. Весьма вѣроятно предположеніе, что, предварительно открытія кредита, кредиторъ собралъ надлежащія свѣдѣнія не только объ имуществѣ должника, но и о его личности, а стало быть, о его національности и о тѣхъ особыхъ постановленіяхъ національнаго права должника, которыми опредѣляется наслѣдственное послѣ его смерти преемство. Поэтому будетъ согласно съ интересами кредита и справедливымъ въ отношеніи кредиторовъ признать, что кредиторамъ умершаго въ Имперіи коренного жителя Царства не могло быть неизвѣстнымъ правило польскаго закона, допускающее принятіе наслѣдства съ ограниченною отвѣтственностью за долги наслѣдодателя; кредиторы же умершаго въ Царствѣ коренного жителя Имперіи, при открытіи кредита, могли принять въ разсчетъ русскій національный законъ, возлагающій на наслѣдника, принявшаго наслѣдство, полную отвѣтственность за пассивы, обременяющіе наслѣдство.

Такимъ образомъ разсматриваемый вопросъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что возможность принять наслѣдство на правѣ инвентарномъ опредѣляется личнымъ статутомъ наслѣдодателя. Предлагаемое начало устанавливаетъ справедливый, простой и ко всѣмъ случаямъ примѣнимый способъ разрѣшенія возбужденнаго вопроса.

Поэтому наслѣдники коренного жителя Имперіи, умершаго въ Царствѣ, будутъ въ правѣ либо отказаться отъ наслѣдства, либо принять его вмѣстѣ съ отвѣтственностью за всѣ пассивы наслѣдства; наслѣдники же умершаго въ Имперіи коренного жителя Царства въ правѣ не только отказаться отъ наслѣдства или принять его безусловно, но они, кромѣ того, въ правѣ заявить суду о принятіи наслѣдства на правѣ инвентарномъ, и такое заявленіе со стороны наслѣдниковъ коренного жителя Царства, подобно заявленію объ отреченіи отъ наслѣдства, имперскій судъ, въ силу ст. 1266 зак. гражд., обязанъ принять къ свѣдѣнію, постановить о томъ частное опредѣленіе и имѣть въ виду на случай предъявленія кредиторами наслѣдства исковъ къ наслѣдникамъ (ср. рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1874 г. №№ 476 и 228 и 1872 г. № 776).

64. Остановимся еще на вопросѣ о принятіи наслѣдства послѣ владѣльца маіоратнаго имѣнія въ Царствѣ Польскомъ въ томъ случаѣ, когда пассивы наслѣдства превышаютъ активы.

Отвѣчаетъ ли лицо, къ которому перешелъ маіоратъ, за долги наслѣдодателя? Совмѣстимъ ли отказъ отъ наслѣдства послѣ маіоратнаго владѣльца со вступленіемъ въ его права по маіорату?

На основаніи ст. 23 закона 4 (16) октября 1835 г. (Дн. зак. т. 17 стр. 322) имѣнія, пожалованныя на маіоратномъ правѣ, переходятъ въ цѣльномъ составѣ отъ одного лица къ другому, по опредѣленному въ семъ законѣ порядку, и притомъ свободными отъ всякихъ обремененій, которыя могли быть установлены умершимъ владѣльцемъ (разумѣется, только на доходахъ съ имѣнія). Въ постановленіи Намѣстника отъ 29 марта 1842 г. № 1491 [4]) разъяснено, что „владѣлецъ, получающій доходы изъ пожалованныхъ имѣній, отнюдь

---

[4]) Это постановленіе не помѣщено въ Дневникѣ законовъ, но оно приведено у Завадскаго—Гражданское право Царства Польскаго (Zawadzki) 1860 г. т. I, стр. 655.

не освобождается отъ обязанности производить, въ означенныхъ закономъ размѣрахъ, изъ доходовъ удовлетвореніе по казеннымъ и частнымъ долгамъ, слѣдуемымъ отъ такого владѣльца; само собою однако разумѣется, что со дня смерти владѣльца, по переходѣ маіоратнаго имѣнія на наслѣдниковъ, долги эти не могутъ уже обременять ни пожалованныхъ имѣній, ни доходовъ, отъ нихъ получаемыхъ, если самъ наслѣдникъ добровольно не приметъ на себя уплаты по онымъ".

Такимъ образомъ оказывается, что дѣйствительнымъ вотчинникомъ маіоратнаго имѣнія является собственно родъ лица пожалованнаго, а не личность даннаго владѣльца, которому принадлежитъ лишь право пользовладѣнія; это право прекращается смертью пользовладѣльца и въ первоначальномъ объемѣ переходитъ къ другому лицу въ порядкѣ, указанномъ спеціальнымъ закономъ. Новый пользовладѣлецъ по *собственному* праву, а не въ силу преемства, вступаетъ въ права умершаго; новый пользовладѣлецъ не является продолжателемъ гражданской личности своего предшественника, онъ не является наслѣдникомъ въ смыслѣ ст. 724 код. Нап., а потому къ нему не можетъ имѣть примѣненія и выраженное въ этой статьѣ начало, что на наслѣдника переходитъ совокупность правъ и обязательствъ умершаго (рѣш. Гражд. Кас. Деп. 1880 г. № 108, 1903 г. № 8).

Изъ этого слѣдуетъ, что маіоратное имѣніе не входитъ въ составъ наслѣдства, оставшагося послѣ его владѣльца; наслѣдственную массу составляютъ лишь всякое иное недвижимое и движимое имущество, съ принятіемъ котораго единственно и связывается отвѣтственность за долги наслѣдодателя.

Поэтому лицо, вступающее въ пользовладѣніе маіоратнымъ имѣніемъ, не лишается права отречься отъ наслѣдства, оставшагося послѣ умершаго владѣльца маіората, и вступленіе его во владѣніе маіоратомъ не влечетъ, по необходимости, отвѣтственности за долги бывшаго владѣльца, ни изъ доходовъ маіората, ни изъ собственнаго имущества новаго владѣльца [5]).

[5]) Аналогичный вопросъ по русскимъ заповѣднымъ имѣніямъ обстоя-

Вопросъ о *порядкѣ* удостовѣренія наслѣдственныхъ правъ коренныхъ жителей Имперіи, пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ, разсмотрѣнъ нами въ гл. V § 35.

ГЛАВА IX.

О духовныхъ завѣщаніяхъ.

65. Начала, которыми опредѣляется свобода завѣщательныхъ распоряженій.—66. Форма завѣщаній.—67. Явка завѣщаній для утвержденія къ исполненію въ Варшавскомъ судебномъ округѣ.—68. То же въ судахъ имперскихъ завѣщаній, составленныхъ по формѣ, установленной законами Царства Польскаго.

65. Духовнымъ завѣщаніемъ можетъ быть измѣненъ, по усмотрѣнію завѣщателя, но въ опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ, законный порядокъ наслѣдованія; установленный такимъ образомъ завѣщаніемъ порядокъ наслѣдованія относится къ порядку законнаго наслѣдованія, какъ исключеніе къ правилу. По русско-польскому междуобластному частному праву предѣлъ усмотрѣнію завѣщателя въ распоряженіи его имуществомъ устанавливается тѣми же статутами, которыми опредѣляется законное наслѣдованіе. Такимъ образомъ право завѣщательнаго распоряженія движимымъ имуществомъ опредѣляется личнымъ статутомъ завѣщателя, его національнымъ закономъ, а право завѣщательнаго распоряженія недвижимымъ имуществомъ опредѣляется законами loci rei sitae.

Независимо отъ общаго начала, изложеннаго въ ст. 3 гражд. улож. Царства Польскаго, это правило выражено категорически въ ст. 3 закона 5 іюля 1844 г. (Дн. зак. т. 35, стр. 132; ст. 1289 Св. зак. т. X ч. 1): водворенные постоянно и числящіеся въ губерніяхъ и областяхъ великороссійскихъ или состоящихъ на особыхъ правахъ, но временно пребывающіе въ Царствѣ Польскомъ, и наоборотъ, „обязаны во всѣхъ распоряженіяхъ, какъ при жизни, такъ и на слу-

---

тельно разсмотрѣнъ въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1907 г. № 63 и разрѣшенъ, въ существѣ, по соображеніямъ вышеприведеннымъ.

чай смерти, о движимомъ имуществѣ и капиталахъ, находящихся въ мѣстѣ постояннаго жительства или же при нихъ, руководствоваться законами того края или той губерніи, къ коимъ они, по званію и состоянію своему, принадлежатъ". По ст. 9 того же закона (ст. 1295 Св. зак. т. X ч. I) „означенныя правила, распространяясь лишь на движимое имущество, остающееся послѣ лицъ, умершихъ въ мѣстѣ временнаго ихъ пребыванія, нисколько не касаются постановленій, опредѣляющихъ порядокъ наслѣдованія въ имѣніяхъ недвижимыхъ".

Въ силу этихъ началъ коренной житель Имперіи при завѣщательномъ распоряженіи недвижимымъ имуществомъ, расположеннымъ въ Царствѣ, обязанъ сообразоваться съ постановленіями мѣстныхъ законовъ (ст. 913—919, 757 код. Нал. и 315 гражд. улож.), изъемлющихъ въ пользу прямыхъ нисходящихъ и восходящихъ, дѣтей внѣбрачныхъ признанныхъ, а также усыновленныхъ (héritiers à réserve) извѣстную долю имущества изъ свободнаго распоряженія по актамъ дарственнымъ и завѣщательнымъ. Затѣмъ завѣщать можно, помимо означенныхъ лицъ, лишь часть имущества, подлежащую свободному распоряженію (quotité disponible); нарушеніе этого правила имѣетъ своимъ послѣдствіемъ сбавку отказа [1]).

Эти же правила имѣютъ примѣненіе къ завѣщательнымъ распоряженіямъ движимымъ имуществомъ коренныхъ жителей Царства, пребывающихъ въ Имперіи.

Наоборотъ, установленное ст. 1068 т. X ч. 1 ограниченіе права завѣщать родовыя имущества распространяется и на коренныхъ жителей Царства, обладающихъ такими имуществами въ Имперіи (Гражд. Касс. Деп. 1888 г. № 34), а коренной житель Имперіи, пребывая въ Царствѣ, пользуется полной свободой завѣщательныхъ распоряженій отно-

[1]) По этимъ соображеніямъ Варшавскіе окружный судъ и судебная палата, на основаніи ст. 1094 гражд. код., сбавили до половины предоставленное завѣщаніемъ коренного жителя Имперіи, имѣвшаго двухъ дѣтей, вдовѣ пользовладѣніе недвижимостью въ Царствѣ (дѣло Звѣревой и Лосевой); Карпинскій. Сборн. рѣш. Варш. суд. пал. № 937 выпускъ XVII (Karpiński).

сительно движимаго имущества. Такимъ образомъ оказывается, что, какъ это признано и Правительствующимъ Сенатомъ (1890 г. № 63), дѣйствительность завѣщательнаго распоряженія по его существу опредѣляется закономъ 5 іюля 1844 года.

Законная *способность* распоряженія имуществомъ посредствомъ завѣщанія [2]) опредѣляется исключительно личнымъ статутомъ завѣщателя; такъ, напр., коренной житель Царства, пребывающій въ Имперіи, уже по достиженіи шестнадцатилѣтняго возраста (ст. 904 код. Нап.) можетъ составить завѣщаніе; между тѣмъ коренной житель Имперіи, пребывая въ губерніяхъ Царства, лишенъ этой способности до достиженія совершеннолѣтія (1019 ст. зак. гражд.). Право законнаго наслѣдованія опредѣляется личнымъ статутомъ наслѣдодателя, поэтому и возможность ограниченія этого права посредствомъ завѣщанія не можетъ быть основана на иномъ началѣ.

Способность завѣщать необходима какъ во время совершенія завѣщанія, такъ и въ моментъ смерти завѣщателя.

66. Перейдемъ къ вопросу о формѣ завѣщаній. Ст. 969 код. Нап. устанавливаетъ три вида завѣщаній: собственноручныя, публичныя и тайныя. Сводъ законовъ допускаетъ завѣщанія нотаріальныя и домашнія (ст. 1036 и 1045 т. X ч. 1). Можетъ ли коренной житель одной области, пребывая въ другой, писать завѣщаніе соотвѣтственно формѣ, установленной отечественными законами, или же слѣдуетъ писать завѣщаніе по формѣ, указанной въ законахъ мѣста пребыванія?

Будетъ ли форма завѣщанія соотвѣтствовать законамъ мѣста фактическаго пребыванія или законамъ мѣста коренного жительства завѣщателя,—въ обоихъ случаяхъ завѣщаніе дѣйствительно. И къ формѣ духовныхъ завѣщаній, совер-

---

[2]) Правильно предупреждаетъ Ваг (II стр. 319), что не слѣдуетъ смѣшивать общей дѣеспособности со способностью совершать завѣщанія. Законы, ограничивающіе дѣеспособность, установлены въ огражденіе интересовъ лицъ, лишенныхъ дѣеспособности; тогда какъ законы, ограничивающіе способность завѣщать, установлены въ интересахъ законныхъ наслѣдниковъ.

шаемыхъ коренными жителями одного края во время пребыванія въ другомъ, вполнѣ примѣняется правило locus regit actum. Это начало категорически признано Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ въ рѣшеніи 1906 г. № 108 въ отношеніи завѣщаній, составленныхъ русскими подданными заграницей по мѣстнымъ законамъ, и тѣмъ самымъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о правѣ коренного жителя одной области, во время пребыванія въ другой, изложить свою послѣднюю волю въ формѣ, установленной мѣстными законами.

Но коренной житель Имперіи, временно пребывающій въ Царствѣ, можетъ писать духовное завѣщаніе и по правиламъ имперскихъ законовъ; это право основано на ст. 1077 зак. гражд.: „россійскій подданный заграницею можетъ совершать домашнее духовное завѣщаніе по обряду той страны, гдѣ оное будетъ писано.“ Изъ этого видно, съ одной стороны, что законъ не возбраняетъ руководствоваться законами мѣста совершенія завѣщанія; съ другой стороны, слѣдуетъ заключить, что совершеніе завѣщанія по отечественнымъ законамъ все-таки признается за правило. Но, если русскій подданный заграницей можетъ руководствоваться своими отечественными законами, то, a fortiori, пребывая въ Царствѣ, т. е. въ предѣлахъ русскаго государства, онъ не лишается права объявить свою волю въ формѣ, установленной закономъ, дѣйствующимъ въ области, въ которой онъ числится кореннымъ жителемъ. Этотъ взглядъ твердо проводится въ судебной практикѣ [3]).

Точно такъ же и наоборотъ, коренной житель Царства, пребывая въ губерніяхъ Имперскихъ, можетъ составить духовное завѣщаніе либо по формѣ, установленной закономъ мѣста пребыванія, либо по законамъ Царства.

Правило, аналогичное ст. 1077 т. X ч. 1, содержитъ

---

[3]) Рѣш. Варшавскаго окружнаго суда 22 мая 1884 г. и Варшавской судебной палаты 26 апрѣля 1885 г. по дѣлу Звѣревой и Лосевой. Карпинскій № 937. Опредѣленіе Кѣлецкаго окружнаго суда 7 декабря 1889 г. объ утвержденіи къ исполненію духовнаго завѣщанія Плотникова;—рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1897 № 51, 1902 № 84; 1901 № 19.

ст. 999 код. Нап.: „туземецъ, находящійся въ иностранномъ государствѣ, можетъ сдѣлать свои завѣщательныя распоряженія посредствомъ частнаго акта, какъ предписано въ ст. 970 (т. е. собственноручнаго завѣщанія), или же посредствомъ оффиціальнаго акта, съ соблюденіемъ формъ, употребляемыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ актъ будетъ совершенъ". Въ силу аргументаціи, приведенной по поводу ст. 1077 зак. гражд., на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи имѣетъ обязательную силу, какъ санкціонированное одною и тою же верховною властью, ст. 999 код. Нап. въ отношеніи всѣхъ лицъ, которыхъ она касается, т. е. коренныхъ жителей Царства; поэтому никакой имперскій судъ не въ правѣ отвергнуть силу составленнаго, хотя бы въ предѣлахъ имперскихъ губерній, кореннымъ жителямъ Царства завѣщанія, лишь въ виду его совершенія по формѣ, установленной гражданскими законами Царства, а не Имперіи.

Впрочемъ, возможность для коренного жителя Царства, во время пребыванія въ губерніяхъ имперскихъ, облекать свое духовное завѣщаніе въ одну изъ формъ, допускаемыхъ законами Царства, не распространяется на тайныя завѣщанія (ст. 976 код. Нап.). Этотъ выводъ основанъ, главнымъ образомъ, на текстѣ ст. 999 код. Нап., не упоминающей о тайныхъ завѣщаніяхъ, и подтверждается неприспособленностью имперскихъ какъ нотаріальныхъ конторъ, такъ и судебныхъ мѣстъ къ соблюденію установленнаго законами Царства порядка составленія, храненія, засвидѣтельствованія, явки, вскрытія и описанія тайныхъ завѣщаній, согласно ст. 976—980 код. Нап. и ст. 1742 уст. гражд. суд. (ср. еще § 68 настоящей главы).

Ст. 1077 т. X и ст. 999 код. Нап., разрѣшающія кореннымъ жителямъ одной изъ областей, пребывающимъ въ другой, излагать свою послѣднюю волю въ формѣ, установленной ихъ національными законами, допускаютъ исключеніе изъ правила locus regit actum, но его не отмѣняютъ [4]).

---

[4]) Въ опредѣленіи 27 мая 1881 г., по дѣлу объ утвержденіи къ исполненію духовнаго завѣщанія Булгакова, Варшавская судебная палата выразила

67. Обратимся къ вопросу о явкѣ духовныхъ завѣщаній для утвержденія къ исполненію.

Этотъ вопросъ распадается на два: 1) объ утвержденіи въ Варшавскомъ судебномъ округѣ къ исполненію завѣщаній коренныхъ жителей Имперіи, и 2) объ утвержденіи въ судахъ имперскихъ къ исполненію завѣщаній, составленныхъ коренными жителями Царства по формѣ, установленной мѣстными законами Царства.

По первому вопросу. До введенія судебной реформы, по статьѣ 6 закона 1844 г. (ст. 1292 т. X ч. I), суды Царства не могли входить въ разсмотрѣніе вопроса о дѣйствительности духовныхъ завѣщаній коренныхъ жителей Имперіи; такія завѣщанія препровождались въ судъ той губерніи, въ которой завѣщатель считался водвореннымъ. Со введеніемъ судебной реформы всѣ правила о подсудности, изложенныя въ приведенномъ законѣ, потеряли всякое значеніе. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи 1880 г. № 117 обстоятельно разъяснено, что завѣщанія коренныхъ жителей Имперіи, умершихъ въ Царствѣ, могутъ быть приняты мѣстными судами къ утвержденію къ исполненію на общемъ основаніи ст. 16 врем. прав. о духов. завѣщ. 5 апрѣля 1869 г. (ст. 1060 зак. гражд.), по мѣсту нахожденія завѣщаннаго имущества или по послѣднему мѣсту жительства завѣщателя. Самая необходимость утвержденія къ исполненію составленныхъ коренными жителями Имперіи духовныхъ завѣщаній, касающихся движимаго имущества или недвижимаго, расположеннаго въ Имперіи, основывается на ст. 467 учр. суд. уст. Хотя, какъ уже было изложено выше (гл. V § 36), постановленія о судопроизводствѣ охранительномъ, въ силу ст. 1646 уст. гражд. суд., не имѣютъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ значенія правилъ общеобязательныхъ, тѣмъ не менѣе они, на основаніи ст. 467 учр. суд. уст., должны

начало, что если завѣщаніе, по формальнымъ нарушеніямъ, и не можетъ быть признано въ силѣ домашняго завѣщанія по законамъ Имперіи, то слѣдуетъ признать его въ силѣ собственноручнаго завѣщанія по ст. 970 код. Нап. если оно писано, помѣчено числомъ и подписано самимъ завѣщателемъ.

быть примѣняемы въ точности по отношенію къ правамъ, опредѣляемымъ и охраняемымъ дѣйствующими въ прочихъ частяхъ Имперіи узаконеніями. Въ силу же ст. ст. 3 и 9 закона 5 іюля 1844 г. (Дн. зак. т. 35 стр. 132) коренной житель Имперіи, пребывающій въ Царствѣ, обязанъ въ отношеніи движимаго имущества и въ отношеніи находящагося въ имперскихъ губерніяхъ имущества недвижимаго руководствоваться своими отечественными законами въ распоряженіяхъ на случай смерти. Потому-то содержащія такія распоряженія завѣщанія коренныхъ жителей Имперіи обязательно подлежатъ утвержденію къ исполненію въ порядкѣ примѣч. (по прод. 1890 г.) къ ст. 1408 уст. гр. суд.

Когда предметомъ завѣщательнаго распоряженія, сдѣланнаго кореннымъ жителемъ Имперіи, будетъ лишь только недвижимое имущество, расположенное въ предѣлахъ Царства, то такое завѣщаніе не подлежитъ представленію къ утвержденію въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства; права завѣщателя по распоряженію такою недвижимостью (но не юридическая *способность* распоряжаться; ср. § 69) и самыя наслѣдственныя права къ этому имуществу опредѣляются и охраняются не имперскими, а законами Царства; поэтому ст. 467 учр. суд. уст. не можетъ имѣть примѣненія.

При разрѣшеніи вопроса о необходимости утвержденія завѣщанія къ исполненію не имѣетъ никакого значенія форма, въ которую облечено завѣщательное распоряженіе; несоотвѣтствіе завѣщанія формамъ, указаннымъ имперскимъ закономъ, и облеченіе его въ одну изъ формъ, установленныхъ законами Царства, не служитъ препятствіемъ для утвержденія завѣщанія къ исполненію; самая необходимость соблюденія этого порядка обусловливается не формой завѣщанія, а существомъ завѣщательнаго распоряженія, опредѣляемаго и охраняемаго законами Имперіи. Независимо отъ соображеній, приведенныхъ выше по поводу ст. 467 учр. суд. уст., можно, въ подтвержденіе этого вывода, сослаться еще и на ст. 1077 и 1079 т. X ч. I.

Въ силу этихъ законовъ русскій подданный, пребывая заграницей, можетъ совершить духовное завѣщаніе по мѣст-

ному обряду; но и такія завѣщанія должны быть представлены для утвержденія къ исполненію на общемъ основаніи. Если, стало быть, изложеніе завѣщанія по формѣ, преподанной иностраннымъ закономъ, не служитъ препятствіемъ для утвержденія завѣщанія къ исполненію, то тѣмъ менѣе можетъ служить препятствіемъ облеченіе завѣщанія въ форму, установленную мѣстнымъ закономъ, единою для всего государства верховною властью [5]).

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что, въ

---

[5]) Варшавской судебной палатой 27 мая 1881 г. утверждено къ исполненію собственноручное завѣщаніе коренного жителя Имперіи, писанное по формѣ ст. 970 код. Нап. (Karpiński. выпускъ XVII № 318, рѣш. той же палаты 20 сентября 1885 г. Karpiński вып. XIX стр. 58); Варшавскій окружный судъ 16 сентября 1882 г. утвердилъ къ исполненію завѣщаніе Флядченки, а 14 февраля 1886 г.—завѣщаніе Свѣчина; оба составленныя по ст. 970 код. Нап.; тотъ же судъ 12 апрѣля 1883 г. утвердилъ публичное завѣщаніе Абрамова, составленное по ст. 971 код. Нап. Изъ рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1901 г. № 19 видно, что еще до 1895 г. суды Варшавскаго судебнаго округа твердо держались начала, по которому утвержденіе завѣщаній къ исполненію зависѣло не отъ формы завѣщанія, а отъ существа завѣщательнаго распоряженія. Смущеніе вызвало вышеприведенное рѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента, установившее тезисъ, что „въ округѣ Варшавской судебной палаты духовное завѣщаніе, составленное тамъ по гражданскому кодексу жителемъ другой части Имперіи, о движимости, сверхъ соблюденія послѣ его смерти обряда, установленнаго ст. 1007 гражд. код. и ст. 1742 уст. гражд. суд., не нуждается еще въ утвержденіи къ исполненію порядкомъ, установленнымъ ст. 1060 и слѣд. т. X. ч. I св. зак. гражд.“

Въ подтвержденіе своего вывода Сенатъ ссылается единственно на текстъ ст. 1007 гражд. код. и ст. 1742 уст. гражд. суд. и, вовсе не касаясь ст. 467 уст. гражд. суд., упускаетъ изъ вида, что въ силу ст. 467, отмѣнено дѣйствіе судопроизводственныхъ правилъ, заключающихся въ ст. 1007 гражд. код. и ст. 1742 уст. гражд. суд., по отношенію къ правамъ, опредѣляемымъ и охраняемымъ законами Имперіи.

Правильность этого рѣшенія Сената подлежитъ тѣмъ большему сомнѣнію, что оно находится въ противорѣчіи съ позднѣйшимъ рѣшеніемъ 1902 г. № 84, въ которомъ признано, что обрядъ вскрытія и описанія завѣщаній (ст. 1742 уст. гражд. суд. и 1007 гражд. код.) не равносиленъ обряду утвержденія завѣщанія къ исполненію.

Наконецъ, въ рѣшеніи 1906 г. № 108, имѣющемъ примѣненіе, по ст. 9 уст. гражд. суд., и къ междуобластному праву, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ призналъ, что духовныя завѣщанія русскихъ подданныхъ, составленныя заграницею по мѣстнымъ законамъ, подлежатъ утвержденію русскихъ судовъ.

силу ст. 467 учр. суд. уст., въ Варшавскомъ судебномъ округѣ подлежатъ утвержденію къ исполненію всякія духовныя завѣщанія коренныхъ жителей Имперіи, независимо отъ того, изложены ли они по формѣ мѣстныхъ или по обряду имперскихъ законовъ, если только предметомъ завѣщанія не является исключительно недвижимое имущество, расположенное въ губерніяхъ Царства. Санкція этого правила состоитъ въ томъ, что его несоблюденіе открываетъ возможность для законныхъ наслѣдниковъ завѣщателя предъявить свои, основанныя на порядкѣ законнаго наслѣдованія, притязанія къ имуществу, такъ какъ, по ст. 1065 т. X ч. 1, завѣщанія, не представленныя въ теченіе срока, указаннаго въ ст. 1063 зак. гражд., къ утвержденію, признаются ничтожными.

Бывали случаи, когда завѣщаніе, писанное въ формѣ собственноручнаго или тайнаго, представлялось, тотчасъ послѣ смерти завѣщателя, предсѣдателю окружнаго суда для вскрытія и оглашенія въ порядкѣ ст. 1007 код. Нап. и ст. 1742 уст. гражд. суд.; убѣдившись затѣмъ, что, по существу завѣщательнаго распоряженія, необходимо прибѣгнуть къ утвержденію завѣщанія къ исполненію, наслѣдники обращались въ судъ съ просьбой о томъ уже по истеченіи годового срока, установленнаго ст. 1063 т. X ч. 1.

Практика допускала утвержденіе къ исполненію и въ такихъ случаяхъ. Судъ исходилъ изъ того воззрѣнія, что годовой срокъ для явки установленъ, въ числѣ другихъ формальностей, для удостовѣренія подлинности завѣщанія; этой цѣли закона соотвѣтствуетъ протоколъ составляемый о вскрытіи завѣщанія съ подробнымъ описаніемъ его внѣшняго вида [6]).

68. По второму вопросу. Правила процессуальныя хотя и находятся въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ нормами матеріальнаго права, для охраны или осуществленія которыхъ

---

[6]) Впрочемъ, этотъ выводъ представляется сомнительнымъ въ виду рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1906 № 108.

они установлены, но сами по себѣ процессуальные законы относятся къ области права публичнаго; отсюда ихъ обязательность для всѣхъ. Принадлежность данной законной нормы къ области права частнаго или публичнаго не зависитъ отъ мѣста, которое ему отведено по кодификаціоннымъ или инымъ соображеніямъ; характеръ нормы опредѣляется ея существомъ. Какъ въ кодексѣ Наполеона, такъ и въ нашемъ т. X ч. I имѣется много правилъ чисто судопроизводственныхъ, установленныхъ для охраны или съ цѣлью предоставленія возможности осуществленія гражданскихъ правъ. Къ числу такихъ чисто судопроизводственныхъ нормъ относятся ст. 1007 код. Нап. и ст. 1060—1066[13] т. X ч. I.; силою тѣхъ и другихъ сообщается духовнымъ завѣщаніямъ судебная санкція, но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ между ними весьма существенное различіе. Прежде всего, по кодексу, въ отличіе отъ X тома, завѣщанія нотаріальныя вовсе не нуждаются въ такой санкціи; они подлежатъ исполненію независимо отъ разрѣшенія суда и соблюденія какихъ либо судопроизводственныхъ формальностей. Указанная въ ст. 1007 процедура установлена исключительно для завѣщаній собственноручныхъ (olographes) и тайныхъ (mystiques); да и то въ законѣ не имѣется указаній на безусловную необходимость соблюденія этого порядка подъ страхомъ недѣйствительности завѣщанія [7]). Если бы не существовало ст. 467 учр. суд. уст., то можно бы согласиться съ мнѣніемъ Правительствующаго Сената, изложеннымъ въ рѣшеніи 1901 г. № 19, которому, впрочемъ, противорѣчатъ рѣшенія 1902 г. № 84 и 1906 г. № 108 (см. прим. 6), что установленное ст. 1007 код. Нап. процессуальное правило примѣнимо ко всякимъ собственноручнымъ или тайнымъ завѣщаніямъ, кѣмъ бы они ни были составлены, т. е. коренными или лишь временными жителями Царства и независимо отъ предмета завѣщательнаго распоряженія.

Иное значеніе имѣютъ процессуальныя правила X т. о порядкѣ утвержденія духовныхъ завѣщаній къ исполненію;

---

[7]) Aubry et Rau, т. VII. § 710.

эти правила не только распространяются въ равной мѣрѣ на завѣщанія домашнія и нотаріальныя, но несоблюденіе ихъ влечетъ недѣйствительность самаго завѣщанія (ст. 1060 и 1065); кромѣ того, въ виду отсутствія особыхъ постановленій относительно духовныхъ завѣщаній, совершенныхъ коренными жителями Царства (т. е. за отсутствіемъ правила, обратнаго положенію, выраженному въ ст. 467 учр. суд. уст.), въ силу ст. 1060 т. X, подлежатъ предъявленію для утвержденія къ исполненію завѣщанія умершихъ въ имперскихъ губерніяхъ коренныхъ жителей Царства, писанныя по одной изъ формъ, установленныхъ ихъ національнымъ закономъ [8]).

Такимъ образомъ по второму вопросу мы приходимъ къ слѣдующему окончательному выводу: изложеніе кореннымъ жителемъ Царства завѣщанія по одной изъ формъ, установленныхъ кодексомъ, не служитъ препятствіемъ для утвержденія его къ исполненію. Утвержденіе къ исполненію необходимо для осуществленія предоставленнаго по завѣщанію права на недвижимое имущество, расположенное въ губерніяхъ имперскихъ, такъ какъ безъ соблюденія этого порядка не можетъ быть совершенъ вводъ во владѣніе (ст. 1097 т. X ч. 1); хотя для осуществленія основаннаго на завѣщаніи права на движимое имущество, находящееся въ губерніяхъ имперскихъ, особаго акта ввода во владѣніе и не требуется, но самая передача такой движимости обусловлена предварительнымъ утвержденіемъ завѣщанія къ исполненію. Для осуществленія основанныхъ на завѣщаніи, составленномъ кореннымъ жителемъ Царства, правъ на недвижимое или на движимое имущество, находящееся въ Царствѣ, утвержденіе завѣщанія къ исполненію представляется излишнимъ, какъ въ виду несуществованія въ Варшавскомъ судебномъ округѣ ввода во владѣніе завѣщаннымъ недвижимымъ имуществомъ въ порядкѣ охранительномъ, такъ и потому, что въ виду установленныхъ

---

[8]) Рѣшеніями Гражд. Касс. Деп. 1902 г. № 84 и 1906 г. № 108 положительно признано, что утвержденію къ исполненію можетъ подлежать и духовное завѣщаніе, составленное по законамъ мѣста совершенія, напр., собственноручное завѣщаніе, составленное во Франціи.

мѣстными законами (ст. 1007 Код. Нап.; ст. 1742 уст. гражд. суд.) особыхъ правилъ явки духовныхъ завѣщаній.

ГЛАВА X.

О правахъ вещныхъ.

69. Пріобрѣтеніе и утрата вещныхъ правъ на недвижимое имущество опредѣляются законами мѣста его нахожденія, насколько эти законы *непосредственно* относятся къ вещному праву. — 70. Вопросы о примѣненіи этихъ законовъ къ вещному праву, устанавливаемому въ обезпеченіе притязаній, истекающихъ изъ отношеній, опредѣляемыхъ личными статутами.—71. Вещное право на движимое имущество; перемѣщеніе предмета; покупка похищенной вещи.—72. Дареніе. — 73. Движимость и капиталы, обезпеченные ипотекой.—74. Какими законами охраняются обязательства одаренныхъ?

69. Вещныя права имѣютъ своимъ предметомъ непосредственное юридическое господство лица надъ вещью.

Наиболѣе полное господство надъ вещью выражается въ правѣ собственности.

Господство надъ вещью можетъ касаться имущества движимаго или недвижимаго; вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли данное имущество считать движимымъ или недвижимымъ, разрѣшается законами мѣста нахожденія имущества.

Тогда какъ одно и то же лицо по поводу своихъ отношеній по различнымъ обязательствамъ можетъ одновременно подлежать дѣйствію разномѣстныхъ законовъ, право разныхъ лицъ на одну и ту же вещь опредѣляется исключительно *однимъ* закономъ; этимъ закономъ, по общему правилу, является законъ мѣста нахожденія вещи—lex loci rei sitae.

По отношенію къ имуществу недвижимому это положеніе прямо выражено въ дѣйствующихъ нормахъ русско-польскаго междуобластного права, а именно въ 2 п. 3 ст. гражд. улож. и въ ст. 9 закона 5 іюля 1844 г. (Дн. зак. т. 35 стр. 132, ст. 1295 т. X ч. 1). Потому не иначе, какъ законами loci rei sitae, опредѣляется порядокъ пріобрѣтенія вещныхъ правъ на недвижимое имущество посредствомъ договоровъ, посредствомъ наслѣдованія по закону или по завѣщанію, — владѣ-

ніе, пользованіе и распоряженіе недвижимостью, а также прекращеніе вещныхъ правъ.

Впрочемъ, это начало, по справедливому замѣчанію Бара [1]), слѣдуетъ примѣнять съ извѣстною осторожностью; изъ законовъ, дѣйствующихъ въ мѣстѣ нахожденія имущества, имѣютъ безусловное примѣненіе лишь тѣ юридическія положенія, которыя непосредственно относятся къ вещному праву; нѣкоторыя юридическія предпосылки (Vorfragen), которыми въ конкретномъ случаѣ разрѣшается вопросъ о пріобрѣтеніи или объ утратѣ даннымъ лицомъ вещнаго права, не разрѣшаются закономъ мѣста нахожденія имущества; такъ, напр., всѣ *личныя* права были бы поставлены въ зависимость отъ территоріальныхъ законовъ мѣста нахожденія имущества, если бы и юридическую *способность* распоряженія послѣдними (Dispositionsfähigkeit) опредѣлять на основаніи сихъ законовъ.

Согласно съ этими теоретическими соображеніями высказался и IX Департаментъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1856 г.: если супруги состоятъ постоянными жителями Имперіи, то доходы съ расположеннаго въ Царствѣ недвижимаго имущества жены не могутъ быть обращены на удовлетвореніе кредиторовъ мужа, ибо къ имущественнымъ отношеніямъ такихъ супруговъ должны быть примѣнены законы, дѣйствующіе въ Имперіи, въ силу коихъ жена не ограничена въ управленіи и даже распоряженіи своимъ имуществомъ. Ст. 3 гражд. улож. не можетъ въ данномъ случаѣ имѣть примѣненія, ибо права мужа на имущество жены не составляютъ правъ, относящихся къ владѣнію и распоряженію недвижимостями, а составляютъ права личныя (statut personnel), принадлежащія мужу, какъ таковому (Сбр. Капусцинскаго № 341) [2]).

---

[1]) Bar, I, стр. 598. — Erdmann, стр. 52—58. По ст. XXXIII Св. мѣст. узак. губ. Прибалт., права на недвижимое имущество (владѣніе, пріобрѣтательная давность, ограниченія права собственности и т. под.) опредѣляются законами loci rei sitae (относительно наслѣдованія см. прим. 2 гл. VIII). Въ отношеніи правъ на движимое имущество признается начало mobilia personam sequuntur. Поэтому съ перемѣной мѣста жительства измѣняется и юридическое отношеніе собственника къ движимости, насколько это не нарушаетъ правъ, пріобрѣтенныхъ третьими лицами (Ср. Zwingmann. Civilrechtliche Entscheidungen der Riga'schen Stadtgerichte. 1880. V № 687).

[2]) По мнѣнію Zitelmann'a (II стр. 333), правоспособность пріобрѣтателя

70. Не могутъ имѣть примѣненія законы rei sitae и въ томъ случаѣ, когда ими устанавливается вещное право въ обезпеченіе притязаній, истекающихъ изъ такихъ отношеній, которыя въ данномъ случаѣ сами опредѣляются личными статутами. На этомъ основаніи Варшавская судебная палата рѣшила въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ: если супруги состоятъ коренными жителями Имперіи и лишь временно пребываютъ въ Царствѣ, то можетъ ли жена записать законную ипотеку на недвижимость, принадлежащую ея мужу въ Царствѣ. Въ оправданіе этого совершенно правильнаго вывода палата привела слѣдующія соображенія: что ст. 205 гражд. улож. 1825 г. и ст. 15 закона о прив. и ипот. 1825 г., предоставляющія женѣ законную ипотеку на недвижимомъ имуществѣ ея мужа, находятся въ тѣсной связи съ законами о взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, а потому не имѣютъ примѣненія къ отношеніямъ, возникающимъ изъ брачнаго союза постоянныхъ жителей Имперіи, подлежащихъ дѣйствію имперскихъ законовъ, хотя бы они временно пребывали въ Царствѣ и владѣли тамъ недвижимымъ имуществомъ [3]).

71. И на движимое имущество устанавливается вещное право по законамъ того мѣста, въ которомъ находилось имущество во время наступленія событія или дѣйствія, съ которыми, по закону loci rei sitae, сопряжено такое юридическое послѣдствіе. Поэтому перемѣщеніе предмета въ сферу дѣйствія иного закона, не связывающаго юридическихъ послѣдствій съ означенными событіями или дѣйствіями, ни въ чемъ не

вещнаго права и его право отчужденія опредѣляются законами rei sitae. Но право отчужденія (Veräusserungsmacht) можетъ принадлежать и третьимъ лицамъ въ силу особаго субъективнаго права; сюда онъ относитъ права мужа на имущество жены, опекуна на имущество опекаемаго, отца на имущество дѣтей, душеприказчика на завѣщанное имущество. „Die Frage ob ein solches Recht entstanden ist, darf dann nicht nach dem Sachstatut, sondern muss nach dem Personalstatut des Eigenthümers, dass allein ein solches Recht zu verleihen die Macht hat, beurteilt werden".

[3]) Рѣш. 27 ноября 1881 г.; см. Сборн. Карпинскаго № 651; ср. Bar, I, стр. 650.

поразить уже пріобрѣтенныхъ правъ. Такъ, напр., по ст. 2280 код. Нап. покупка похищенной вещи на ярмаркѣ, на рынкѣ или у торговца, обычно торгующаго подобными вещами, ограждаетъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя отъ виндикаціи со стороны собственника; между тѣмъ на основаніи ст. 1512 т. X ч. 1 въ подобномъ случаѣ допускается виндикація. Но какъ перемѣщеніе похищаемаго предмета, купленнаго въ губерніяхъ имперскихъ, въ предѣлы дѣйствія законовъ Царства не лишаетъ дѣйствительнаго собственника возможности требовать его возвращенія, такъ точно въ обратномъ случаѣ право на похищенный предметъ, пріобрѣтенное подъ охраной законовъ Царства, не можетъ прекратиться вслѣдствіе перемѣщенія законно пріобрѣтеннаго предмета въ территоріальную сферу дѣйствія законовъ, не придающихъ юридическаго значенія пріобрѣтенію похищенной вещи [4]).

Вопросъ о томъ, какими законами устанавливаются права на движимость въ случаѣ ея перемѣщенія въ территоріальную сферу дѣйствія другихъ законовъ, имѣетъ особое значеніе въ томъ случаѣ, когда это перемѣщеніе послѣдовало до окончательнаго наступленія событія, способнаго, по закону мѣста первоначальнаго нахожденія предмета, установить вещное на него право; такимъ событіемъ является владѣніе въ теченіе опредѣленнаго времени и съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, опредѣленныхъ закономъ; но обсужденіе этого вопроса удобнѣе отложить до разсмотрѣнія вопроса о пріобрѣтеніи и прекращеніи правъ посредствомъ давностнаго владѣнія (гл. XII § 84).

72. Разсмотримъ здѣсь одинъ изъ способовъ перенесенія вещныхъ правъ—посредствомъ даренія.

Даръ имѣетъ своимъ предметомъ безмездное перенесеніе вещнаго права дарителемъ на одареннаго. Но даръ не чуждъ и договорнаго характера; обѣщаніе дара и принятіе дара могутъ сопровождаться взаимными обязательствами дарителя и одареннаго.

---

[4]) Bar, I, стр. 634.

Форма и порядокъ совершенія актовъ даренія недвижимости, по общему правилу, опредѣляются законами, дѣйствующими въ мѣстѣ нахожденія имущества (ст. 66, 241, 256 нот. пол., ст. 1 ипот. уст. 1818 г.).

Къ дарeнію движимаго имущества примѣняется начало—locus regit actum.

Для дарственныхъ распоряженій и движимымъ имуществомъ ст. 931 код. Нап. требуетъ нотаріальной формы подъ страхомъ недѣйствительности даренія; потому, какъ признано и Правительствующимъ Сенатомъ по Гражданскому Кассаціонному Департаменту въ рѣшеніи 1906 г. № 2, недѣйствительно дареніе движимости, совершенное въ Царствѣ Польскомъ въ формѣ домашняго акта временно пребывающимъ тамъ жителемъ Имперіи.

Что касается самаго права дарственно располагать движимостью, то оно, на основаніи ст. 1289 т. X ч. 1 (ст. 3 зак. 5 іюля 1844 г., Дн. зак. т. 35, стр. 132), какъ установлено и вышеприведеннымъ рѣшеніемъ Правительствующаго Сената, опредѣляется законами постояннаго мѣста жительства (водворенія), а не законами мѣста пребыванія. Потому постоянный житель Имперіи, и при временномъ пребываніи въ Царствѣ, можетъ свободно дарственно распоряжаться всякою движимостью и капиталомъ, гдѣ бы таковые ни находились; онъ не стѣсненъ указанными въ ст. 913—930 и 1091—1100 код. Нап. ограниченіями права дарственнаго распоряженія (droit de réserve, quotité disponible, droit de réduction, droit de rapport); напротивъ, постоянный житель губерній Царства и во время пребыванія въ Имперіи подвергается указаннымъ въ кодексѣ ограниченіямъ въ дарственномъ распоряженіи всякою движимостью, хотя бы таковая и находилась при немъ.

Слѣдуетъ, однако, не упускать изъ вида, что установленное ст. 931 код. Нап. правило относится лишь къ письменнымъ формамъ даренія и не касается подарка въ формѣ непосредственной передачи (don manuel). Форма личной передачи вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ необходимымъ условіямъ для дѣйствительности даренія при жизни дарителя (Гражд.

Касс. Деп. 1891 г. № 103) и остается въ силѣ, гдѣ бы передача ни совершилась.

73. Составляютъ ли обезпеченные ипотекою капиталы имущество движимое?

IX Департаментъ Правительствующаго Сената, въ рѣшеніи 1845 г., правильно разрѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Хотя, согласно ст. 52 ипот. уст. 1818 г., ипотекованные капиталы могутъ быть предметомъ ипотеки, но это обстоятельство не измѣняетъ ихъ природы, а только даетъ возможность обезпечить на нихъ другія обязательства. Ипотекованные капиталы не перестаютъ быть простымъ займомъ съ особеннымъ только обезпеченіемъ на данномъ предметѣ, а послѣ уплаты представляютъ лишь денежную сумму, т. е. движимость. Не измѣняетъ, слѣдовательно, природы капитала то обстоятельство, что къ обязательству уплаты его присоединена ипотека, т. е. особое обезпеченіе и первенство передъ другими кредиторами. Такой взглядъ подтверждается и постояннымъ различіемъ, дѣлаемымъ между недвижимостью и ипотекованными капиталами, какъ ипотечнымъ уставомъ 1818 г. въ ст. 82, 88, 90, 105, 145 и 162, такъ и въ законѣ о привилегіяхъ и ипотекахъ 1825 г. (Дн. зак. т. 4 стр. 355), который въ этомъ отношеніи является автентическимъ толкованіемъ устава 1818 года [5]).

Но неподчиненіе мѣстнымъ законамъ о дарственномъ распоряженіи движимостью сопряжено и съ лишеніемъ тѣхъ преимуществъ, которыя предоставляютъ мѣстные законы дарителю. Такъ, напримѣръ, лицо, водворенное въ Имперіи, совершившее въ Царствѣ даръ движимаго имущества, не можетъ требовать отмѣны дара на основаніи ст. 960 код. Нап., по случаю послѣдовавшаго рожденія законныхъ дѣтей; на основаніи ст. 967 т. X ч. 1 даръ совершается окончательно; поворотъ дара можетъ послѣдовать лишь на основаніи ст. 974 и 977 т. X ч. 1.

---

[5]) Сборн. Капусцинскаго № 81. Этотъ вопросъ обстоятельно разсмотрѣнъ Лебединцевымъ (Ипотечные уставы 1818 и 1825 г.г. Варшава 1906 г. стр. 218).

74. Выше было упомянуто, что принятіе дара можетъ стать источникомъ обязательственныхъ отношеній между дарителемъ и одареннымъ; обязательства одареннаго могутъ быть установлены либо по его соглашенію съ дарителемъ, либо они возникаютъ въ силу самаго закона.

Опредѣляются ли законныя (ex lege) обязательства, одареннаго въ случаѣ даренія движимости, законами мѣста совершенія даренія или законами, опредѣляющими право дарителя распоряжаться своимъ имуществомъ?

Я полагаю, что обязательства одареннаго опредѣляются не законами мѣста ихъ возникновенія, а законами, которымъ подвѣдомо самое правоотношеніе, изъ котораго они возникли, по общимъ правиламъ объ обязательствахъ, возникающихъ ex lege (гл. XI § 80). Но, такъ какъ право дарственнаго отчужденія движимости и объемъ отказа дарителя отъ его права на вещь опредѣляются личнымъ статутомъ дарителя, то и обязательства одареннаго не могутъ быть шире тѣхъ, которыя, на основаніи законовъ, опредѣляющихъ права дарителя на дарственное распоряженіе, сопряжены съ принятіемъ дара; въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить, что на одаренномъ могутъ лежать обязательства, исполненія которыхъ даритель, по своимъ личнымъ статутамъ, не въ правѣ требовать.

Такъ, напримѣръ, принятіе въ губерніяхъ Царства отъ постояннаго жителя Имперіи дара движимости не повлечетъ обязанности доставлять дарителю средства содержанія (алименты) по 3 п. 955 ст. код. Нап., ибо это обязательство, по законамъ Имперіи, не лежитъ на одаренномъ. Каждому праву одной стороны соотвѣтствуетъ обязанность другой; если даритель, дарственно располагая своимъ движимымъ имуществомъ, на основаніи законовъ Имперіи лишенъ права требовать отмѣны дара по 3 п. 955 ст. код. Нап., то и принявшій даръ не несетъ обязательства, за неисполненіе котораго этотъ законъ угрожаетъ поворотомъ дара.

ГЛАВА XI.

Объ обязательствахъ.

75. Къ договорнымъ обязательствамъ примѣняются законы мѣста ихъ заключенія; рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1894 г. № 74 и 1906 г. № 57.—76. Споры по исполненію обязательствъ; неустойка, обновленіе, передаточная надпись, протестъ, акцептъ, поручительная надпись на векселѣ.—77. Обязательства ex quasi contractu.—78. Способность вступать въ обязательства.—79. Обязательства изъ деликтовъ и quasi деликтовъ.—80. Обязательства ex lege.—81. Неторговая несостоятельность; ея вліяніе на осуществленіе несостоятельнымъ его имущественныхъ правъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ.—82. Открытіе торговой несостоятельности въ округѣ Варшавской судебной палаты послѣ объявленія неторговой несостоятельности въ имперскомъ судѣ.

75. При обсужденіи отношеній, возникающихъ изъ обязательствъ, можетъ встрѣтиться сомнѣніе, которымъ изъ разномѣстныхъ законовъ слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи силы и значенія обязательствъ какъ съ ихъ формальной стороны, такъ и съ точки зрѣнія ихъ содержанія, т. е. правъ и обязанностей, ими устанавливаемыхъ для сторонъ. Можетъ быть коллизія между слѣдующими разномѣстными законами: между законами 1) мѣста возникновенія обязательства какъ договорнаго, такъ и недоговорнаго происхожденія (quasi ex contractu, ex delicto, quasi ex delicto) и законами 2) мѣста исполненія обязательства, 3) мѣста предъявленія иска (lex fori), 4) постояннаго мѣста жительства должника, какъ мѣста сосредоточенія его главнѣйшихъ имущественныхъ интересовъ, и, наконецъ, законами 5) національными, т. е. коренного мѣстожительства или мѣста водворенія должника.

Для обязательствъ договорныхъ русско-польскимъ междуобластнымъ частнымъ правомъ установлено, что конфликтъ между разномѣстными законами разрѣшается законами мѣста возникновенія обязательства. Это положеніе выражено въ п. 5 Высочайше утвержденнаго 12 января 1838 г. (Дн. зак. т. 21 стр. 372) мнѣнія Государственнаго Совѣта: „дѣйствительность долгового обязательства, договора, или иного акта,

опредѣляется на основаніи законовъ того края, по узаконеніямъ и формамъ коего акты были совершены“ [1]).

Это правило дословно воспроизведено въ Высочайше утвержденномъ 11 іюля 1852 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта.

При существованіи этихъ спеціальныхъ узаконеній по русско-польскому междуобластному частному праву, трудно объяснить, почему до 1894 г. Правительствующій Сенатъ непосредственному примѣненію спеціальныхъ законовъ предпочиталъ аналогичное примѣненіе къ вопросамъ междуобластного права статьи 707 уст. гражд. суд., устанавливающей норму *международнаго* частнаго права: „Договоры и акты, совершенные заграницей, обсуждаются на основаніи законовъ того государства, въ предѣлахъ коихъ они совершены, и признаются дѣйствительными, если только заключающаяся въ нихъ сдѣлка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Имперіи“.

Правило ст. 707 уст. гражд. суд., говоритъ Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1886 г. № 91, примѣнимо, по аналогіи, и къ договорамъ и актамъ, совершеннымъ въ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, въ которыхъ дѣйствуютъ особые для нихъ законы (1884 г. № 140). Только въ рѣшеніи 1894 г. № 74 Правительствующимъ Сенатомъ установлено, что по спору по обязательству, выданному въ С.-Петербургѣ и предъявленному ко взысканію въ Варшавѣ, вопросъ о примѣнимости ст. 707 уст. гражд. суд. устраняется спеціальнымъ закономъ, а именно п. 5 Высочайше утвержденнаго 12 января 1838 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, изъ котораго слѣдуетъ, „что обязательство, *воз-*

---

[1]) По ст. XXXV свод. мѣстн. узак. Прибалт. дѣйствительность и содержаніе договорныхъ обязательствъ опредѣляются законами, которымъ стороны согласились подчиниться; при отсутствіи соглашенія примѣняются законы мѣста, гдѣ обязательство *подлежало* исполненію. Въ отсутствіе такихъ данныхъ слѣдуетъ, по мнѣнію Erdmann'а (стр. 64), примѣнять законы, дѣйствующіе въ мѣстѣ жительства должника (Гражд. Касс. Деп. 1894 г. № 23; относительно погасительной давности см. Zwingmann, VI, № 960).

никшее въ Имперіи и имѣющее силу по общимъ законамъ Имперіи, и при исполненіи онаго въ губерніяхъ Царства Польскаго подлежитъ оцѣнкѣ на основаніи тѣхъ же общихъ законовъ, а не мѣстныхъ узаконеній этого края"; „ . . . . этотъ законъ ни прямо, ни косвенно никакими позднѣйшими законами, въ разсматриваемомъ отношеніи, не отмѣненъ".....

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать твердо установленнымъ принципъ русско-польскаго междуобластного права, что при коллизіи общихъ и мѣстныхъ законовъ по вопросамъ договорно-обязательственнаго права надлежитъ руководствоваться законами мѣста возникновенія обязательства.

Этотъ принципъ совершенно согласенъ и съ началомъ международнаго частнаго права, выраженнымъ въ ст. 707 уст. гражд. суд., а потому сужденія Сената по поводу сего послѣдняго закона, хотя бы и непосредственно касались международнаго права, имѣютъ полное примѣненіе и къ русско-польскому междуобластному частному праву, тѣмъ болѣе, что и въ рѣшеніяхъ, относящихся къ послѣднему, Сенатъ и послѣ своего рѣшенія 1894 г. № 74, по аналогіи, обыкновенно цитируетъ ст. 707 уст. гражд. суд. (а не законъ 1838 года) при разрѣшеніи вопросовъ русско-польскаго междуобластного права.

Въ руководящемъ рѣшеніи 1906 г. № 57 Гражд. Касс. Деп., обозрѣвъ свою практику, въ измѣненіе стоящаго особнякомъ рѣшенія 1895 г. № 89, призналъ, что „по точному разуму 707 ст. уст. гражд. суд., договоры и акты, совершаемые заграницею (въ томъ числѣ и вексельныя обязательства), въ отношеніи какъ формы ихъ совершенія, такъ и правъ и обязанностей, ими устанавливаемыхъ, подлежатъ, вопреки разбираемому рѣшенію, дѣйствію иностранныхъ *законовъ мѣста ихъ совершенія безотносительно къ мѣсту ихъ исполненія*".

76. Въ томъ же рѣшеніи признано, что „*споры по исполненію въ Россіи* заключенныхъ заграницей сдѣлокъ обязательно подлежатъ разрѣшенію на основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ Россіи, въ тѣхъ случаяхъ, *когда споры эти касаются обрядовой стороны* совершаемыхъ въ Россіи дѣй-

ствій по исполненію сдѣлки (порядка передачи, взноса на храненіе, предъявленія къ платежу, протеста, совершенія платежа, предваренія о просрочкѣ и т. п.). Но это нисколько не противорѣчитъ вышесказанному, а, наоборотъ, оправдывается тѣмъ же общимъ юридическимъ началомъ „locus regit actum“, примѣнимымъ вообще ко всякимъ юридическимъ дѣйствіямъ, въ силу котораго упомянутыя дѣйствія, имѣя вполнѣ самостоятельное значеніе, должны подчиняться законамъ мѣста *ихъ* совершенія“.

Приведемъ нѣсколько случаевъ примѣненія вышеизложенныхъ началъ.

По обязательству, выданному въ предѣлахъ дѣйствія Свода законовъ, предметъ коего ограничивается платежомъ опредѣленной суммы, и предъявленному ко взысканію въ губерніяхъ Царства, можно требовать договорной неустойки (ст. 1583 и слѣд. т. X ч. 1), хотя бы ея размѣръ и превышалъ ростъ, установленный мѣстными законами (ст. 1153 и 1229 код. нап.) (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1894 г. № 74; 1880 г. № 74).

Обновленіе правооснованія подлежитъ обсужденію по законамъ того края, въ предѣлахъ котораго оно совершено (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1902 г. № 4).

Передаточная надпись на простомъ векселѣ должна быть разсматриваема, въ отношеніи порядка осуществленія векселедержателемъ права своего на надписателѣ, какъ отдѣльный актъ, подчиняющійся дѣйствію законовъ мѣста его совершенія (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1886 г. № 91).

Но протестъ въ неплатежѣ по векселю, выданному въ губерніяхъ Царства Польскаго, по которому назначенъ платежъ въ Имперіи, долженъ быть совершенъ въ срокъ, установленный не закономъ мѣста совершенія того векселя, а въ срокъ, устаповленный общими законами Имперіи, дѣйствующими въ назначенномъ мѣстѣ платежа по тому обязательству (тамъ же) [2]).

---

[2]) Этотъ выводъ Сената подтверждается ст. 33 пол. 19 февр. 1875 г. (ст. 251 нот. пол.), по которой „при протестѣ векселей нотаріусъ руководствуется правилами, изложенными въ *мѣстномъ* торговомъ кодексѣ“. Ср. ст. 131 нот. пол.

Мѣстомъ совершенія вексельной сдѣлки по принятію переводнаго векселя къ платежу является мѣсто акцепта; поэтому послѣдствія принятія векселя, неплатежъ по оному въ срокъ и опущеніе протеста обсуждаются по законамъ области, въ которой совершенъ акцептъ (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1887 г. № 3).

Поручительная на векселѣ надпись, учиненная въ Царствѣ Польскомъ, должна обсуждаться по законамъ Царства не только относительно обряда ея совершенія, но и въ отношеніи правъ и обязанностей, устанавливаемыхъ ею для сторонъ, а также въ отношеніи всѣхъ послѣдствій, въ случаѣ неисполненія поручителемъ своего обязательства, а въ томъ числѣ и въ отношеніи давности или сроковъ, въ теченіе которыхъ обязавшаяся сторона подлежитъ отвѣтственности (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1890 г. № 12).

77. Начала, установленныя для обязательствъ договорныхъ, слѣдуетъ, по аналогіи, примѣнять и въ отношеніи правъ и обязанностей, проистекающихъ изъ quasi contractu.

78. Самая *способность* вступать въ обязательственныя отношенія (дѣеспособность) опредѣляется правилами, изложенными въ гл. IV о дѣеспособности и ея ограниченіи.

79. Обратимся къ обязательствамъ, проистекающимъ изъ деликтовъ и изъ quasi деликтовъ.

По коренному началу, уголовные и полицейскіе законы, какъ установленные въ огражденіе общественнаго порядка, обязываютъ всѣхъ лицъ, пребывающихъ въ территоріальныхъ предѣлахъ дѣйствія этихъ законовъ; потому нарушеніе такихъ постановленій влечетъ наказанія и гражданскія послѣдствія для каждаго нарушителя, независимо отъ его національности, по законамъ loci delicti commissi. При дѣйствіи на всемъ пространствѣ русскаго государства однихъ и тѣхъ же, за немногими исключеніями, уголовныхъ законовъ, вопросъ о коллизіи законовъ по поводу обязательствъ ex delicto не имѣетъ существеннаго значенія; въ случаѣ же нарушенія особыхъ уголовныхъ (см. прил. VI къ ст. 168 улож. нак. изд.

1885 г.) или мѣстныхъ полицейскихъ постановленій, отвѣтственность, конечно—по законамъ loci delicti commissi, можетъ быть возбуждена и предъ иными судами, а не только предъ судомъ по мѣсту совершенія преступленія (ст. 208 и слѣд. уст. гражд. суд.), при наличности условій, указанныхъ въ ст. 247 и 248 уст. угол. суд. [3]).

По аналогіи слѣдуетъ примѣнять то же начало къ отвѣтственности по обязательствамъ, возникшимъ quasi ex delicto. Да и Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи 1885 г. № 79 призналъ, что споры, вытекающіе изъ правонарушительныхъ дѣйствій, разрѣшаются по законамъ страны, гдѣ совершены эти дѣйствія. Поэтому, напр., коренной житель Имперіи, пребывая въ Царствѣ, отвѣчаетъ за вредъ, причиненный его дѣтьми, слугами и животными, на основаніи ст. 1384 и 1385 код. Нап., а не на основаніи ст. 686—688 т. X ч. 1.

80. Особую группу составляютъ наконецъ обязательства, которыя въ силу самаго закона (ex lege) лежатъ на каждомъ

---

[3]) При введеніи въ губерніяхъ Царства Польскаго уложенія и устава о наказаніяхъ въ указѣ 12 сентября 1876 г. (П. С. З. № 56371) было сказано, что уложеніе и уставъ вводятся „съ тѣми изъ оныхъ изъятіями, *кои вызываются мѣстными гражданскими законами Царства*, а также существующими въ губерніяхъ онаго особыми узаконеніями, уставами и правилами“.... (Эта часть указа 1876 г. не кодифицирована). Потому, кромѣ случаевъ, указаныхъ въ прил. VI къ ст. 168 улож. нак., въ означенныхъ губерніяхъ не имѣютъ примѣненія еще и другія, изданныя впослѣдствіи статьи уложенія и устава, какъ несогласныя съ мѣстными гражданскими узаконеніями.

Къ числу этихъ новыхъ карательныхъ законовъ принадлежитъ ст. 176[1] уст. нак., какъ устанавливающая уголовную санкцію для правилъ 7 марта 1879 г. (П. С. З. № 59374),—о розысканіи средствъ должниковъ къ удовлетворенію кредиторовъ (ст. 1222[г]—1222[ю] уст. гражд. суд.),—не имѣющихъ примѣненія въ Варшавскомъ судебномъ округѣ (рѣш. Угол. Касс. Деп. 1907 г. № 28).

Не имѣютъ въ губерніяхъ Царства Польскаго примѣненія и ст. 1681 допол. (по прод. 1906 г.) улож. нак. и ст. 177 допол. (по прод. 1906 г.) уст. нак., опредѣляющія уголовную санкцію для нераспространеннаго на упомянутыя губерніи закона 8 февраля 1904 г. по проекту правилъ о сдѣлкахъ купли-продажи движимаго имущества съ разсрочкою платежа (Собр. Узак. ст. 549; ст. 1509[г]—1509[6] т. X, ч. 1, по прод. 1906 г.).

лицѣ, находящемся въ извѣстномъ состояніи, дающемъ опредѣленнымъ лицамъ право требовать совершенія извѣстныхъ дѣйствій. Сюда относится, напр., состояніе мужа, опекуна, наслѣдника; мужъ обязанъ доставлять женѣ содержаніе,— опекунъ обязанъ отчетностью по опекѣ,—наслѣдникъ обязанъ платить долги наслѣдодателя. Каждое изъ этихъ обязательствъ есть послѣдствіе особаго правоотношенія, являющагося его причиной. Поэтому не только его объемъ, но и самый вопросъ о его существованіи опредѣляется тѣмъ закономъ, коему, по соображеніямъ, изложеннымъ въ предшествующихъ главахъ, подвѣдомо то состояніе (мужа, опекуна, наслѣдника и др.), которымъ оно обусловлено. Такимъ образомъ обязательства, вытекающія изъ союза брачнаго или семейнаго, подлежатъ обсужденію на основаніи законовъ личныхъ (statuta personalia); обязательства опекуна опредѣляются законами края, на основаніи которыхъ учреждена опека. Обязательства наслѣдниковъ платить долги наслѣдодателя опредѣляются законами того края, на основаніи которыхъ послѣдовало принятіе наслѣдства; если же наслѣдство, вслѣдствіе особыхъ началъ русско-польскаго междуобластного права, подлежитъ раздѣлу на двѣ массы, изъ коихъ каждая переходитъ къ наслѣдникамъ на основаніи особыхъ правилъ (одна по національному закону наслѣдодателя, а другая по законамъ loci rei sitae; см. гл. VIII §§ 61 и 63), то, по опредѣленіи доли пассивовъ, приходящихся на каждую наслѣдственную массу, отвѣтственность наслѣдниковъ за долги опредѣляется по каждой массѣ отдѣльно по законамъ того края, на основаніи которыхъ принята данная наслѣдственная масса.

81. Въ виду того, что открытіе конкурснаго производства измѣняетъ порядокъ удовлетворенія кредиторовъ по обязательствамъ лица, объявленнаго несостоятельнымъ, разсмотримъ здѣсь вопросъ о вліяніи, которое имѣетъ открытіе имперскимъ судомъ *неторговой* несостоятельности на право несостоятельнаго управлять и распоряжаться своимъ недвижимымъ имуществомъ, находящимся въ одной изъ губерній Царства Польскаго; поражается ли такимъ судебнымъ постановленіемъ

его дѣеспособность и въ предѣлахъ Варшавскаго судебнаго округа?

Тогда какъ Сводъ законовъ различаетъ несостоятельность по торговлѣ отъ неторговой несостоятельности,— по мѣстнымъ законамъ Царства могутъ быть объявлены несостоятельными лишь лица торгующія (ст. I код. торг.), прекратившія свои платежи (ст. 437 код. торг.); удовлетвореніе кредиторовъ лицъ не торгующихъ, прекратившихъ платежи, происходитъ въ порядкѣ ст. 1216—1221 и 1593—1597 уст. гражд. суд.

Всякое конкурсное производство имѣетъ цѣлью доставить удовлетвореніе *всѣмъ* личнымъ кредиторамъ (ст. 558 торг. код. Ц. П.; ст. 416 и 505 уст. суд. торг., Св. зак. XI, ч. 2, изд. 1903 г.), на *одинаковыхъ* основаніяхъ и притомъ изъ *всего* имущества должника въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ. Эти основныя положенія конкурснаго процесса имѣютъ равное примѣненіе къ обоимъ родамъ несостоятельности, какъ къ несостоятельности торговой, такъ и неторговой (ст. 20 прил. III къ ст. 1400 уст. гражд. суд., прим.). И при неторговой несостоятельности законъ исходитъ изъ начала *единства* имущества (unité du patrimoine), отвѣтственнаго за долги несостоятельнаго, независимо отъ нахожденія этого имущества въ мѣстѣ ли открытія неторговой несостоятельности, т. е. въ мѣстѣ постояннаго жительства должника (ст. 2 прил. III къ ст. 1400 уст. гражд. суд., прим.), или въ какой либо иной части Россійской Имперіи. Нахожденіе принадлежащаго несостоятельному *недвижимаго* имущества въ такой части государства, гдѣ оно, какъ, напр., въ губерніяхъ Царства Польскаго, на основаніи ст. 3 гражд. улож., подлежитъ дѣйствію особыхъ мѣстныхъ законовъ, имѣетъ лишь то значеніе, что и при дѣйствіи конкурса, открытаго въ другой мѣстности, должны имѣть примѣненіе законы (statuta realia), коими опредѣляется юридическое положеніе имѣнія, *какъ такового*, независимо отъ личности его владѣльца (Aubry et Rau, I, § 31 прим. 8). Но, если самъ несостоятельный, въ отношеніи пользованія означеннымъ имуществомъ, извлеченія изъ него доходовъ и распоряженія ими, не стѣсненъ какими либо постановленіями мѣстныхъ законовъ, то упомянутые доходы не

могутъ быть изъяты изъ вѣдѣнія и конкурснаго управленія, принимающаго, въ силу самого закона (ст. 459 уст. суд. торг.—ст. 442 торг. код.), *всѣ* дѣла несостоятельнаго въ свое управленіе и распоряженіе (ст. 460 и 477 уст. суд. торг.).

Спорный въ наукѣ [4]) вопросъ о томъ, распространяется ли сила состоявшагося въ одномъ государствѣ судебнаго постановленія объ объявленіи несостоятельности и на находящееся въ другомъ государствѣ имущество должника, разрѣшенъ, согласно съ господствующимъ воззрѣніемъ, Правительствующій Сенатомъ (рѣш. Касс. Деп. 1881 №32) въ смыслѣ отрицательномъ. Но такое разрѣшеніе означеннаго вопроса не можетъ служить руководствомъ въ томъ случаѣ, когда возбуждается вопросъ о силѣ судебнаго постановленія, состоявшагося не въ *другомъ* государствѣ, а о томъ, имѣетъ ли силу постановленіе суда Имперіи объ объявленіи *неторговой* несостоятельности въ *другой части* того же государства, въ которой, по мѣстнымъ законамъ, лишь только лица *торговаго* званія могутъ быть объявлены несостоятельными.

До введенія въ 1876 г. судебной реформы въ губеріяхъ Царства Польскаго, эта часть государства, въ судебномъ отношеніи, управлялась на основаніи особыхъ законовъ и учрежденій; ея обособленность была такова, что постановленія судебныхъ мѣстъ Имперіи приводились въ исполненіе въ губерніяхъ Царства не иначе, какъ на основаніи тѣхъ же правилъ, которыя были установлены для приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній иностранныхъ судовъ (рѣш. Касс. Деп. 1880 № 117). Но, съ воспослѣдованіемъ (на основаніи положенія 19 февраля 1875 г.) объединенія судебной части, судебныя установленія Имперіи и Царства были поставлены въ положеніе одинаковое; статьей 225 того положенія (ст. 1611 уст. гражд. суд.) и ст. 893 уст. гражд. суд. присвоено судебнымъ установленіямъ равное значеніе во всѣхъ частяхъ государства. Поэтому, хотя мѣстными законами, дѣйствую-

---

[4]) Lyon Caen. Traité de droit commercial. Paris. 1899. VIII № 1235 bis и 1236;—Bar, II, № 479.

щими въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, и не допускается объявленіе несостоятельности лицъ неторговаго званія, но это ни въ чемъ не ослабляетъ коренного правила, изложеннаго въ ст. 893 уст. гражд. суд., о повсемѣстной, въ предѣлахъ государства, а стало быть, и въ губерніяхъ Царства Польскаго, обязательности, до отмѣны въ установленномъ порядкѣ, постановленій каждаго русскаго суда и о наступленіи для лицъ, коихъ они касаются, всѣхъ послѣдствій, присвоенныхъ такому постановленію на основаніи тѣхъ законовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ они состоялись.

По справедливому заключенію Lyon Caen (№ 1235 bis) и Bar'a (№ 479) законы о несостоятельности не относятся ни къ личнымъ, ни къ реальнымъ статутамъ, и объявленіе несостоятельности не имѣетъ своей непосредственной цѣлью ограниченіе дѣеспособности; несостоятельный не становится недѣеспособнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, подобно несовершеннолѣтнему; тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что, насколько объявленіемъ несостоятельности поражается дѣеспособность, ограниченная такимъ образомъ дѣеспособность, такъ же, какъ и правоспособность, одного и того же лица не могутъ быть различными въ различныхъ частяхъ государства [5]).

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1907 г. № 3 призналъ, что дѣеспособность лица, объявленнаго имперскимъ судомъ несостоятельнымъ не по торговлѣ, должна считаться ограниченною и въ Варшавскомъ судебномъ округѣ въ той же мѣрѣ, въ какой ограничивается дѣеспособность лицъ, объявленныхъ несостоятельными не по торговлѣ, въ силу тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ состоялось опредѣленіе суда объ объявленіи несостоятельности.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что вслѣдствіе объявленія имперскимъ окружнымъ судомъ неторговой несостоя-

---

[5]) Въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента 1893 г. № 50 признано, что лицо, объявленное расточителемъ судомъ Царства Польскаго, ограничено въ дѣеспособности и въ прочихъ частяхъ государства. См. Гл. IV § 27.

тельности, принадлежащія несостоятельному права по управленію и полученію доходовъ изъ его недвижимаго имѣнія, находящагося въ предѣлахъ губерній Царства Польскаго, переходятъ къ конкурсному управленію на основаніяхъ, указанныхъ въ существующихъ по сему предмету въ Имперіи узаконеніяхъ, съ тѣмъ лишь, что, и при дѣйствіи конкурса, должны имѣть примѣненіе мѣстные законы, коими опредѣляется юридическое положеніе имѣнія, *какъ такового*, независимо отъ личности его владѣльца (напр., сервитуты, обремененіе и ограниченіе права собственности, наслѣдованіе и т. п.).

Этотъ выводъ не противорѣчитъ и ст. 1485 уст. гражд. суд.; не имѣя никакого отношенія къ вопросу о силѣ въ губерніяхъ Царства послѣдовавшаго въ судѣ другого судебнаго округа объявленія несостоятельности, ст. 1485 ограничивается ссылкой на подробныя правила мѣстнаго торговаго кодекса о послѣдствіяхъ *торговой* несостоятельности, открытой на основаніи мѣстныхъ законовъ.

82. Въ разсмотрѣніи Правительствующаго Сената находился еще слѣдующій важный вопросъ: послѣ объявленія въ имперскомъ судѣ неторговой несостоятельности лица, временно въ его округѣ находящагося, но имѣющаго торговое обзаведеніе въ Варшавѣ,—можетъ ли быть открыта торговая его несостоятельность въ округѣ Варшавской судебной палаты, если начало этой несостоятельности возникло раньше времени объявленія неторговой несостоятельности?

Разрѣшая этотъ вопросъ въ смыслѣ утвердительномъ, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ, въ рѣшеніи 1906 года № 62, руководствовался, въ существѣ, слѣдующими соображеніями: ни особые законы губерній Царства Польскаго, ни общіе законы Имперіи, не допускаютъ возможности одновременнаго существованія двухъ отдѣльныхъ конкурсовъ по несостоятельности одного и того же лица. Совмѣстное существованіе такихъ двухъ конкурсовъ, изъ которыхъ каждый—при дѣйствіи разномѣстныхъ законовъ,—руководствуется особыми правилами и сопряженъ съ иными послѣдствіями какъ для самого несостоятельнаго, такъ и для его кредиторовъ,

не согласовалось бы какъ съ назначеніемъ конкурса вообще, такъ и съ ст. 558 торг. код. Царства Польскаго и ст. 509 и 598 уст. суд. торг. (Св. зак. т. XI ч. 2 изд. 1893 г.), по которымъ цѣль конкурснаго производства состоитъ въ удовлетвореніи всѣхъ личныхъ кредиторовъ на одинаковыхъ основаніяхъ. Оно противорѣчило бы универсальному характеру конкурса, проявляющемуся въ томъ, что конкурсная масса представляетъ собою (подобно наслѣдству) *совокупность всѣхъ активовъ и пассивовъ* (universitas) несостоятельнаго должника, предполагающую сосредоточеніе ихъ для общей ликвидаціи въ вѣдѣніи *одного* суда.

Надлежащимъ судомъ для производства дѣла о торговой несостоятельности является тотъ судъ, въ вѣдомствѣ котораго находится торговое обзаведеніе несостоятельнаго должника.

Послѣдствія несостоятельности, по самому свойству своему, не могутъ быть устраняемы въ зависимости отъ произвола должника или его кредиторовъ.

Какъ же поступить, въ случаѣ открытія, по мѣсту временнаго пребыванія должника, его неторговой несостоятельности?

По справедливому указанію Правительствующаго Сената, единственно правильнымъ исходомъ является переводъ, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, дѣла о неторговой несостоятельности въ судъ, въ которомъ открыта несостоятельность торговая, для совмѣстнаго разсмотрѣнія.

Во всякомъ случаѣ, даже при обнаруженіи признаковъ торговой несостоятельности *послѣ* открытія несостоятельности неторговой, одно объявленіе въ Имперіи неторговой несостоятельности не препятствуетъ объявленію торговой несостоятельности въ Царствѣ Польскомъ по мѣсту торговаго обзаведенія должника.

ГЛАВА XII.

О давности.

83. Давность владѣнія (пріобрѣтательная) въ отношеніи недвижимаго имущества.—84. Та же давность въ отношеніи движимости.—85. Давность исковая (погасительная) вообще.—86. Исковая давность по обязательствамъ, въ особенности давность иска къ поручителю, по обязательствамъ, обезпеченнымъ ипотекой, по обязательствамъ ex lege.—87. Давность исковъ о личныхъ правахъ.

83. Давность владѣнія (пріобрѣтательная) есть одинъ изъ законныхъ способовъ пріобрѣтенія права собственности.

Существенно различаются постановленія Свода и правила мѣстныхъ законовъ Царства какъ въ отношеніи продолжительности владѣнія, необходимаго для наступленія давности, такъ и въ отношеніи самихъ условій этого владѣнія. Тогда какъ по ст. 557 и слѣд. т. X ч. 1 общій срокъ пріобрѣтательной давности десятилѣтній и недобросовѣстность или отсутствіе законнаго титула владѣнія не препятствуетъ обращенію владѣнія въ право собственности,—кодексъ Наполеона (ст. 2262 и 2265) устанавливаетъ три срока пріобрѣтательной давности, 10, 20 и 30-лѣтніе. Кромѣ того, для пріобрѣтенія на основаніи сокращенныхъ давностныхъ сроковъ, требуется добросовѣстность и надлежащее правооснованіе владѣнія (juste titre), понимая подъ послѣднимъ правооснованіе, способное перенести право собственности (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1901 г. № 37).

По 2-му п. 3 ст. гражд. улож. Царства Польскаго всѣ недвижимыя имущества въ краѣ, хотя бы они принадлежали иностранцамъ, подлежатъ мѣстнымъ законамъ; и Гражданскій Кассаціонный Департаментъ въ рѣшеніи 1876 г. № 287 призналъ, что давность въ отношеніи недвижимыхъ имѣній должна исчисляться по законамъ той мѣстности, гдѣ имѣніе находится [1]).

84. Крайне трудно установить способъ исчисленія дав-

---

[1]) По закону Прибалтійскихъ губерній см. прим. 1 гл. X.

ности владѣнія движимымъ имуществомъ. Начало русско-польскаго междуобластного права (ст. 1289 т. X ч. 1; зак. 5 іюля 1844 г. ст. 3), пріурочивающее *распоряженіе* движимымъ имуществомъ къ мѣсту водворенія, т. е. къ національному закону собственника, едва-ли возможно примѣнить къ давностному владѣнію. Вопросомъ о давности возбуждается собственно фактическое предположеніе; вопросъ сводится къ тому,—на территоріи, какимъ законамъ подвѣдомой, происходило владѣніе, или, если владѣніе осуществлялось на территоріяхъ, подвѣдомыхъ разнымъ законамъ,—на которой именно изъ нихъ преимущественно происходило владѣніе [2]). Казалось бы, что владѣніе движимостью ближе всего пріурочить къ мѣсту хозяйственнаго обзаведенія владѣльца, т. е. къ мѣсту постояннаго жительства въ смыслѣ ст. 204 уст. гражд. суд. и 26 гражд. улож. Царства Польскаго. Русско-польское междуобластное частное право не даетъ отвѣта на поставленный вопросъ, но въ ст. XXXIII введенія св. мѣстн. узак. губ. Прибалтійскихъ выражено, что права на вещи движимыя и владѣніе оными подлежатъ законамъ той территоріи, которымъ лично подсуденъ собственникъ или владѣлецъ; а такъ какъ, по общему правилу ст. 204 уст. гражд. суд., личная подсудность опредѣляется мѣстомъ постояннаго жительства, то этимъ территоріальнымъ закономъ и будетъ опредѣляться степень уважительности притязанія на движимое имущество, основаннаго на давностномъ владѣніи.

Хотя сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ и не имѣетъ примѣненія въ губерніяхъ Царства Польскаго, но, такъ какъ установленная имъ норма балтійскаго междуобластного частнаго права исходитъ отъ общей для всего государства верховной власти, то и представляется наиболѣе соотвѣтственнымъ примѣнить то же начало при разрѣшеніи того вопроса, отвѣта на который мы не находимъ въ русско-польскомъ междуобластномъ частномъ правѣ [3]).

---

[2]) Ваг, I, № 224.

[3]) Эти соображенія отступаютъ отъ взгляда, изложеннаго мною на стр. 55 соч. „Какимъ гражданскимъ законамъ“ и проч.

85. Законная возможность отыскивать путемъ иска свое право утрачивается, вслѣдствіе ея неосуществленія, истеченіемъ исковой (погасительной) давности.

По Своду срокъ погасительной давности десятилѣтній (ст. 694 т. X ч. 1); по кодексу Наполеона общій срокъ погасительной давности тридцатилѣтній (ст. 2262); кромѣ того, для нѣкоторыхъ исковъ мѣстный законъ (ст. 2271—2277 код. Нап.) установилъ сокращенные сроки исковой давности.

86. Въ положительныхъ нормахъ русско-польскаго междуобластного права не имѣется прямого указанія на то, какими законами опредѣляется погасительная давность по обязательствамъ. Основываясь на выраженной въ ст. 707 уст. гражд. суд. нормѣ международнаго частнаго права, Гражданскій Кассаціонный Департаментъ (рѣш. 1890 г. № 12; 1906 г. № 57) призналъ, что обязательства, совершенныя заграницей, обсуждаются въ отношеніи ихъ силы вообще, и *давности* въ особенности, по законамъ того государства, въ предѣлахъ коего они совершены, безотносительно къ мѣсту ихъ исполненія, если сторонами не изъявлено желанія подчинить силу обязательства законамъ другой страны, въ которой *назначено* исполненіе (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1884 г. № 140, 1886 г. № 91, 1906 г. № 57 и др.). Правильность этого вывода подтверждается ст. 708 и 1540 уст. гражд. суд. (ст. 163 полож. 19 февраля 1875 г.), подчиняющими договоры, заключенные заграницей, дѣйствію давности, опредѣленной законами мѣста совершенія, хотя бы срокъ ея и не совпадалъ съ давностнымъ срокомъ, установленнымъ законами мѣста исполненія.

Къ тѣмъ же выводамъ можно прійти и на основаніи нормы русско-польскаго междуобластного частнаго права, выраженной въ п. 5 закона 12 января 1838 г. (см. гл. I § 7), не прибѣгая къ аналогическому примѣненію нормы международнаго частнаго права (рѣш. 1890 г. № 12).

Уже рѣшеніемъ IX Департамента Правительствующаго Сената, состоявшимся въ 1856 г., было признано, что искъ

по документу, выданному въ Имперіи, погашается истеченіемъ земской давности (Сборн. Капусницкаго № 352).

Согласно съ установленными имъ началами Гражданскій Кассаціонный Департаментъ (рѣш. 1890 г. № 12) призналъ, что искъ, предъявленный къ поручителю, на основаніи совершенной въ Царствѣ Польскомъ поручительной надписи по векселю, выданному въ Имперіи, погашается пятилѣтнею давностью, на основаніи ст. 189 торг. код.

Общее правило о примѣненіи погасительной давности по законамъ мѣста возникновенія обязательства, по аналогіи, примѣнимо и къ обязательствамъ недоговорнымъ (ex quasi contractu; ex delicto; ex quasi delicto).

Впрочемъ, правило о подчиненіи обязательствъ дѣйствію погасительной давности по законамъ мѣста ихъ возникновенія не имѣетъ примѣненія къ обязательствамъ, обезпеченнымъ ипотечнымъ порядкомъ; такія обязательства совершенно изъяты изъ дѣйствія давности на основаніи спеціальнаго закона, изложеннаго въ ст. 123 ипот. уст. 1818 г. (рѣш. Гражд. Касс. Деп. 1900 г. № 49).

Что касается обязательствъ ex lege (гл. XI § 80), то погасительная давность исковъ по нимъ опредѣляется законами того мѣста, которымъ подвѣдомо самое правоотношеніе, являющееся ихъ причиной [4]). Такъ, напр., по ст. 466 гражд. улож. искъ несовершеннолѣтняго къ опекунамъ по поводу ихъ дѣйствій по опекѣ погашается четырехлѣтнею давностью, считая со времени совершеннолѣтія; по опекамъ, учрежденнымъ на основаніи имперскихъ законовъ, право иска подопечныхъ къ опекунамъ прекращается истеченіемъ лишь общей земской давности.

87. Остается упомянуть еще о погасительной давности исковъ о личныхъ правахъ, опредѣляемыхъ и охраняемыхъ общими или мѣстными законами (ст. 467 учр. суд. уст.). Въ первомъ случаѣ погасительная давность опредѣляется

---

[4]) По Savigny, VIII § 348, „которому правоотношеніе принадлежитъ *по своей собственной природѣ*“.

имперскими законами, а во второмъ, мѣстными. Такъ, напр., споръ коренного жителя Имперіи противъ законности рожденнаго его женой ребенка погашается, на основаніи ст. 1350 уст. гражд. суд., годовой давностью, а такой же споръ коренного жителя губерній Царства Польскаго можетъ быть предъявленъ и въ судахъ Имперіи лишь до истеченія особыхъ давностныхъ сроковъ, указанныхъ въ ст. 276 гражд. улож. Царства Польскаго.

СПИСОКЪ

рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, на которыя сдѣланы ссылки.

(§ означаетъ параграфы этого Очерка).

Годъ.	№№ по сборнику.	Годъ.	№№ по сборнику.
1867	384—§ 36	1886	91—§§ 75, 76, 86
1872	776—§ 63	1887	3—§ 76
1874	228, 476—§ 63	1888	17—§ 59 34—§ 65
1876	287—§ 83	1890	12—§§ 76, 86 63—§§ 14, 62, 65
1877	310—§ 36	1891	103—§ 72
1880	17—§ 25 74—§ 76 108—§ 64 117—§§ 36, 67, 81	1893	50—§§ 27, 81 65—§ 29 92—§ 37
1881	32—§§ 29, 81 183—§§ 18, 24	1894	23—§ 75 74—§§ 75, 76
1882	58—§ 29	1895	89—§ 75
1884	140—§§ 32, 75, 86	1897	51—§ 66
1885	79—§ 79 131—§ 61	1898	32—§ 40
		1899	15—§ 62
		1900	49—§ 86

Годъ.	№№ по сборнику.	Годъ.	№№ по сборнику.
1901	19—§§ 66, 67, 68 22—§ 29 37—§ 83 114—§ 25	1905	1—§§ 24, 26 23—§ 23
		1906	2—§ 72 57—§§ 75, 86 62—§ 82
1902	4—§ 76 84—§§ 66, 67, 68		108—§§ 66, 67, 68
1903	8—§ 64 147—§§ 41, 58	1907	3—§ 81 8—§ 31 63—§ 64
1904	40—§ 14 (отдѣл.) по д. Шпиро съ Антоновичемъ—§ 15	1908 7 мая	(еще не напечатано)—§ 52

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры означаютъ параграфы.—*Приб.* означаетъ: по Своду гражданскихъ законовъ губерній Прибалтійскихъ).

А.

Алименты см. содержаніе.

Б.

Безвѣстное отсутствіе 39.

Бракоразводныя дѣла: подсудность 45; нехристіанъ 46.

Бракъ: вытекающія изъ него обязательства 80; прекращеніе брака 47, 15; личныя послѣдствія 47; имущественныя послѣдствія 47, 48; при перемѣнѣ мѣста водворенія 50; *Приб.* Гл. VI прим. 11; купля-продажа между супругами 51; предбрачный договоръ между коренными жителями Имперіи 52.

В.

Вводъ во владѣніе 38; общихъ легатаріевъ 36.

Вексель: передаточная надпись, протестъ, акцептъ, поручительная надпись 76.

Вещное право: на недвижимость 69; *Приб.* Гл. X прим. 1; на движимость 71.

Виндикація похищеннаго 71.

Водвореніе см. мѣсто водворенія.

Выкупъ родового имущества 38.

Г.

Гражданская служба въ Ц. П. 15.

Гражданское состояніе внѣбрачныхъ дѣтей 58.

Д.

Давность владѣнія (пріобрѣтательная): недвижимымъ имуществомъ 83; *Приб.* Гл. X прим. 1; движимымъ имуществомъ 84; псковая (погасительная) 85; по обязательствамъ 86; иска къ поручителю 86; по обязательствамъ недоговорнымъ 86; по обязательствамъ, обезпеченнымъ ипотекой 86; по обязательствамъ ex lege 86; исковъ о личныхъ правахъ 87.

Дареніе: его форма 32, 72; право дарственно распоряжаться 72; подарки (don manuel) 72; поворотъ дара 73; между супругами 51.

Движимость: вещное право на движимость 71; *Приб.* Гл. X прим. 1.

Договоры см. обязательства.

Дѣеспособность 22; причины ея ограниченія 23; какими законами опредѣляется дѣеспособность 24, 18; *Приб.* Гл. IV прим. 2; порядокъ ограниченія 25; *Приб.* Гл. IV прим. 3; ограниченіе дѣеспособности умалишенныхъ 26; то же расточителей 27; продажа и за-

логъ имущества подопечныхъ 29; отношенія опекуна къ опекаемому 30.

Дѣти: отношеніе къ родителямъ 53; *Приб.* Гл. VII прим. 1; отъ браковъ недѣйствительныхъ 57; узаконенныя, усыновленныя, признанныя, рожденныя отъ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія 58; внѣбрачныя, неузаконенныя и непризнанныя 59; *Приб.* Гл. VII прим. 11.

Ж.

Жена: обращеніе взысканія на ея недвижимое имущество кредиторами мужа 69; законная ипотека на имуществѣ мужа 70.

Женщина замужняя: ограниченіе ея дѣеспособности Гл. II прим. 6; 48.

З.

Завѣщаніе: право завѣщать 65; форма завѣщаній 66; явка завѣщаній въ Варшавскомъ судебномъ округѣ 67; явка въ судахъ имперскихъ завѣщаній, составленныхъ по формѣ мѣстныхъ законовъ 68; *Приб.* Гл. V прим. 1; утвержденіе къ исполненію 36.

И.

Ипотека законная жены 70.

Ипотекованный капиталъ есть движимость 73.

Источники русско-польскаго междуобластного частнаго права см. междуобластное право.

К.

Коллизіонныя нормы 1.

Конкурсъ см. несостоятельность.

Книги народонаселенія 13, 14, 15.

Купля-продажа: между супругами 51; похищеннаго 71.

Л.

Locus regit actum: смыслъ этого правила 31; по законамъ Имперіи и Царства Польскаго 32; въ примѣненіи къ предбрачнымъ договорамъ 34; къ актамъ правительственнымъ 35.

М.

Маіораты: отвѣтственность наслѣдниковъ за долги 64.

Междуобластное право: понятіе 1; отличіе русско-польскаго отъ русско-прибалтійскаго 2; источники русско-польскаго 4—11; примѣненіе его нормъ 3.

Метрическія книги: Гл. V прим. 3.

Мужъ: его права на женино имущество 48, 69.

Мѣсто водворенія 26, 40; перемѣна его 50; понятіе 13, 5; порядокъ водворенія 14, 9; государственная служба 15. Гл. II прим. 6; записка въ дворянскія книги Гл. II прим. 4; мѣсто рожденія, какъ признакъ водворенія, Гл. II прим. 5; *Приб.* Гл. II прим. 10 и Гл. VI прим. 11; двойное 62.

Мѣсто жительства 26, 40, понятіе 15; избранное 15; *Приб.* Гл. II прим. 10, Гл. VI прим. 11, Гл. VII прим. 1 и 11; двойное Гл. VIII прим. 3.

Мѣсто пребыванія 26; понятіе 17; при наслѣдованіи въ движимости Гл. VIII прим. 3; при обязательствахъ ex delicto 80.

Мѣсто происхожденія 62.

Н.

Наслѣдники: ихъ обязательства по платежу долговъ 80, 63.

Наслѣдованіе: въ недвижимомъ и дви-

жимомъ имуществѣ 60, 61; *Приб.* Гл. VIII прим. 2; послѣ лица, не считающагося водвореннымъ исключительно въ одной области 62; послѣ ребенка нежизнеспособнаго 21.

Наслѣдственныхъ правъ удостовѣреніе 36.

Наслѣдство: раздѣлъ 37; отреченіе 63; принятіе на инвентарномъ правѣ 63; послѣ маіоратнаго владѣльца 64.

Недвижимость: вещное на нее право 69.

Несостоятельность: неторговая 81; открытіе торговой послѣ неторговой 82; переводъ конкурса 82.

Неустойка 76.

О.

Обязательства: законы, которыми опредѣляется ихъ дѣйствительность 75; споры по исполненію 76; способность вступать въ 78; обязательства ex contractu 77; обязательства изъ деликтовъ и quasi деликтовъ 79; ex lege 80; одареннаго 80; обновленіе 76.

Опекунша мать, когда лишается опеки 30.

Опекунъ: его обязательства 80; спеціальный (ad hoc) 55; его отношенія къ подопечному 30.

Отреченіе отъ наслѣдства 63.

П.

Перемѣщеніе движимости 71, 84.

Покупка похищеннаго 71.

Правоспособность 18, 19; ребенка нежизнеспособнаго 20; наслѣдованіе послѣ него 21; *Приб.* Гл. IV прим. 2.

Пребываніе см. мѣсто пребыванія.

Предбрачный договоръ между коренными жителями Имперіи 52.

Признаніе: порядокъ признанія внѣбрачныхъ дѣтей 40.

Происхожденіе см. русское.

Р.

Раздѣлъ наслѣдства см. наслѣдство.

Родители: отношеніе къ дѣтямъ 53; *Приб.* Гл. VII прим. 1; отношенія родителей къ отдѣльному имуществу дѣтей 55.

Родовыхъ имѣній выкупъ см. выкупъ.

Рожденіе: законность 54; производство о законности рожденія 56.

Русское происхожденіе Гл. II прим. 5.

С.

Семейный совѣтъ 29.

Содержаніе: обязанность дѣтей доставлять родителямъ 54; обязанность отца относительно внѣбрачныхъ дѣтей 59; *Приб.* Гл. VII прим. 11; дарителю 74.

Сожительство незаконное 59.

Служба см. гражданская.

Т.

Торговое обзаведеніе 82.

Туземецъ: кто имъ признается 14, 15, 40; Гл. III прим. 2.

У.

Узаконеніе дѣтей внѣбрачныхъ 40, 41.

Усыновленіе 42.

Ф.

Форма: дареній 32, 72; договоровъ 75; завѣщаній 66.

Я.

Явка завѣщаній см. завѣщаніе.

Стр. 15,–19,–20,–

Dec. 12 - 1911 - 9

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Какимъ гражданскимъ законамъ подвѣдомы русскіе уроженцы, пребывающіе въ Царствѣ Польскомъ? Изд. второе. 1892 г.— Цѣна **45** коп.

Вопросъ о выкупѣ права пропинаціи въ губерніяхъ Привислинскаго края. 1895.—Цѣна **15** коп.

Сборникъ рѣшеній б. Варшавскаго IX Департамента, Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента и Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената по вопросамъ гражданскаго права губерній Царства Польскаго. 1898.—Цѣна **2** руб.

Очеркъ дѣйствующаго въ губерніяхъ Царства Польскаго вѣчно-чиншевого права. 1898.—Цѣна **30** коп.

Очеркъ законодательства Царства Польскаго (1807—1881 г.). 1902.—Цѣна **1** руб. **50** коп.

Уголовное уложеніе и гражданскіе законы Царства Польскаго. 1904.—Цѣна **60** коп.

Цѣна 1 руб. 50 коп.